

ISSN 2414-5750 (online)

**Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева**

Фемида.Science

Научный журнал молодых ученых

№ 1 (16). 2025

Издается с 2015 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ЭЛ № ФС77-89448 от 14 мая 2025 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

Тел.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru

Главный редактор:

Ермошина Дарья Григорьевна (г. Москва, Россия), помощник проректора по научной работе РГУП им. В. М. Лебедева

Заместитель главного редактора:

Арнаут Валерия Анатольевна (г. Москва, Россия), преподаватель кафедры уголовного права РГУП им. В. М. Лебедева

Редакционная коллегия:

Архипова Людмила Борисовна (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, начальник отдела периодических научных изданий РГУП им. В. М. Лебедева, главный редактор журнала «Российское правосудие»

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе РГУП им. В. М. Лебедева

Ананьева Анна Анатольевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права РГУП им. В. М. Лебедева

Антошин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин РГУП им. В. М. Лебедева

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права РГУП им. В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП им. В. М. Лебедева

Давыдова Мариам Александровна (г. Москва, Россия), заместитель декана по организации научно-исследовательской работы студентов, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права РГУП им. В. М. Лебедева

Ершова Елена Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения РГУП им. В. М. Лебедева

Ефимов Анатолий Викторович (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского права РГУП им. В. М. Лебедева

Загорский Геннадий Ильич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной РГУП им. В. М. Лебедева

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права им. Н. В. Витрука, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти РГУП им. В. М. Лебедева, главный редактор журнала «Правосудие/Justice»

Краснова Ирина Олеговна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права РГУП им. В. М. Лебедева

Макарова Екатерина Евгеньевна (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономики РГУП им. В. М. Лебедева

Моисеева Татьяна Федоровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики РГУП им. В. М. Лебедева

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права РГУП им. В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства РГУП им. В. М. Лебедева

Новикова Лариса Ивановна (г. Москва, Россия), доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи РГУП им. В. М. Лебедева

Сафонов Владимир Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории права и государства РГУП им. В. М. Лебедева

Стахов Александр Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой РГУП им. В. М. Лебедева

Цинделиани Имеда Анатольевич (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права РГУП им. В. М. Лебедева

Юткина Ольга Владимировна (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономики РГУП им. В. М. Лебедева

Редакция:

Отв. секретарь – Т. Ф. Кудрявцева

Корректор – К. В. Чегулова

Дизайн и верстка – Г. С. Гордиенко

Editor-in-Chief:

Daria G. Ermoshina (Moscow, Russia), Assistant Vice-Rector for Research of RSUJ named after V. M. Lebedev

Deputy Editor-in-Chief:

Valeria A. Arnaut (Moscow, Russia), Lecturer of the Criminal Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Editorial board

Lyudmila B. Arkhipova (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Head of the Periodical Scientific Publications Division of RSUJ named after V.M. Lebedev, Editor-in-Chief of "Rossiyskoye pravosudiye" ("Russian Justice") journal

Andrei A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of RSUJ named after V. M. Lebedev

Anna A. Ananieva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Civil Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Sergay S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Criminal Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Organization of Law Enforcement and Judicial Activities Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Mariam A. Davidova (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Deputy Dean for Organization of Student Research Work, Associate Professor of Financial Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Elena A. Ershova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Labor and Social Security Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Anatoliy V. Efimov (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Deputy Head of Business Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Gennadiy I. Zagorskiy (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of Criminal Procedure Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Constitutional Law Department,

Head of Theory of State and Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev, Editor-in-Chief of "Justice" ("Pravosudie/Justice") journal

Irina O. Krasnova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Land and Environmental Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Ekaterina E. Makarova (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Deputy Head of Economy Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Tatiana F. Moiseeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Biology), Professor, Head of Forensics and Criminology Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Tatiana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of International Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Sergay V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Civil and Administrative Procedure Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Larisa I. Novikova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Head of Russian Language and Speech Culture Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Vladimir E. Safonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of History of Law and State Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Alexander I. Stakhov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Administrative Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Imeda A. Tsindeliiani (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Financial Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Olga V. Yutkina (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Deputy Head of Economy Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Editorial:

Executive secretary – T. F. Kudryavtseva

Proof-reader – K. V. Chegulova

Design and layout – G. S. Gordienko

Подписано в печать / Signed to print: 23.05.2025

Postal address: 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418.

Tel.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал «Фемида.Science» обязательна.

When reprinting or quoting, the reference to the journal "Femida.Science" is necessary.

Содержание

НАУЧНЫЙ НАСТАВНИК

<i>Загорский Г. И.</i> Осуществление правосудия в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны	6
---	---

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Камельская Е. К.</i> Развитие советского уголовного законодательства в середине – второй половине 20-х годов XX века: Уголовный кодекс РСФСР 1926 года	16
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Бекиров А. Р.</i> Регулирование охраны изображения гражданина: проблемные вопросы теории и практики	24
<i>Зиганшин А. Л.</i> Банкротство в зарубежном частном праве (на примере США, Японии и Германии)	34
<i>Любимова И. А.</i> О порядке определения размера субсидиарной ответственности по статье 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве)	40
<i>Максуров А. А.</i> О способах преодоления запрета на сдачу публичного недвижимого имущества в субаренду	50
<i>Мамбетова А. Ю.</i> Особенности правового регулирования наследования предприятий и «бизнеса» по российскому законодательству	59
<i>Мариев А. А.</i> Соотношение принципов свободы договора и равенства участников гражданских правоотношений в системе принципов гражданского права	66

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Антонов А. А., Кандышева Ю. А.</i> Правовые основы применения искусственного интеллекта и перспективы его использования в борьбе с преступностью	76
<i>Зверева С. А., Наваррская Я. М.</i> Пиратство как угроза международной безопасности	86
<i>Полушина А. Е.</i> Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными	94

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

<i>Васильева А. В.</i> Принцип объективной истины доказательного права в гражданском процессе России и КНР: от советской модели до современности	102
<i>Колобынина Е. А.</i> Воздействие информационных технологий на принцип гласности в гражданском процессе	112

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Волкова А. О.</i> Специфика назначения судебно-почерковедческой экспертизы на современном этапе	120
--	-----

ЭКОНОМИКА

<i>Лужанская О. В.</i> Комплексный подход к обеспечению финансовой безопасности организаций строительной отрасли	128
--	-----

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

<i>Кожемякин Д. С.</i> Идея моральной автономии как условия формирования правосознания личности в творчестве И. Канта	136
<i>Куприянова В. Е.</i> Роль феномена сознания в определении правового статуса искусственного интеллекта	143
<i>Суворова С. А.</i> Кантианство в философии права П. И. Новгородцева	152

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ

<i>Лосев Б. М.</i> Обзор I Межвузовской студенческой научно-теоретической конференции по философии (к 300-летию И. Канта)	159
---	-----

Content

SCIENTIFIC MENTOR

<i>G. I. Zagorsky.</i> Administration of justice in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War	6
---	---

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

<i>E. K. Kamelskaya.</i> The development of Soviet criminal legislation in the middle and second half of the 1920s of XX century: Criminal Code of the RSFSR of 1926	16
--	----

CIVIL LAW

<i>A. R. Bekirov.</i> Regulation of the protection of a citizen's image: problematic issues of theory and practice	24
<i>A. L. Ziganshin.</i> Bankruptcy in foreign private law (on the example of the USA, Japan and Germany)	34
<i>I. A. Lyubimova.</i> On the question of the procedure for determining the amount of subsidiary liability under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)	40
<i>A. A. Maksurov.</i> On ways to overcome the ban on leasing public real estate in sublease	5-
<i>A. Yu. Mambetova.</i> Peculiarities of legal regulation of inheritance of enterprises and "businesses" under Russian legislation	59
<i>A. A. Mariev.</i> The correlation of the principles of freedom of contract and equality of participants in civil relations in the system of principles of civil law	66

CRIMINAL LAW

<i>A. A. Antonov, Yu. A. Kandysheva.</i> Legal basis for the application of artificial intelligence and prospects for its use in the fight against crime	76
<i>S. A. Zvereva, Ya. M. Navarskaya.</i> Piracy as a threat to international security	86
<i>A. E. Polushina.</i> Problems of criminal prosecution for cruelty to animals	94

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

<i>A. V. Vasileva.</i> Principle of objective truth of evidence law in the civil procedure of the Russia and the PRC: from the soviet model to present times	102
<i>E. A. Kolobynina.</i> The impact of information technology on the principle of transparency in civil proceedings	112

CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC SCIENCE

<i>A. O. Volkova.</i> The specifics of the purpose of forensic handwriting examination at the present stage	120
---	-----

ECONOMICS

<i>O. V. Luzhanskaya.</i> A comprehensive approach to ensuring financial security of construction industry organizations	128
--	-----

PHILOSOPHY OF LAW

<i>D. S. Kozhemyakin.</i> The idea of moral autonomy as a condition for the formation of legal consciousness of an individuals in the works of I. Kant	136
<i>V. E. Kupriyanova.</i> The role of the phenomenon of consciousness in determing the legal status of artifical intelligence	143
<i>S. A. Suvorova.</i> Kantianism in the philosophy of law by P. I. Novgorodtsev	152

SCIENTIFIC EVENTS AND ACHIEVEMENTS

<i>B. M. Losev.</i> Review of the First Interuniversity Student Scientific and Theoretical Conference on Philosophy (dedicated to the 300th anniversary of I. Kant)	159
---	-----

Научный наставник / Scientific Mentor

Научная статья

УДК 347.988

EDN: BDVLOX

Осуществление правосудия в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны

Геннадий Ильич Загорский

*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация*

✉ 9976842@mail.ru

Аннотация. Организация и процессуальная деятельность военных трибуналов, действовавших в период военного положения, представляются недостаточно изученными. В частности, нуждаются в раскрытии инстанционность военных трибуналов и действие принципов процессуального права в период военного положения, а также определение специфики проверки вынесенных военными трибуналами приговоров и их исполнения. Установлен круг уголовных дел о преступлениях, подсудных военным трибуналам, и определены судебные инстанции, осуществляющие рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу. Раскрыты особенности процедуры проверки таких приговоров, определен круг лиц, имеющих право обратиться в вышестоящий суд для защиты прав, свобод и законных интересов личности, а также установлены тенденции, возникающие при исполнении приговора. В ходе исследования отмечается значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР о практике применения законов и координационных совещаний Военной коллегии Верховного Суда СССР с оперативными работниками военных трибуналов, в ходе которых обсуждались вопросы и принимались решения, способствующие вынесению военными трибуналами законного и обоснованного приговора в условиях военного времени и в боевой обстановке. Делается вывод, что, несмотря на военное положение, при отправлении военными трибуналами правосудия не допускалось ограничение действия принципов и институтов процессуального права. Военные трибуналы использовали в суровых условиях войны все возможности для исследования обстоятельств преступления, причастности подсудимого к его совершению и других подлежащих исследованию обстоятельств. Наряду с этим обеспечивалось участие подсудимого в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела и разъяснялись его права, включая помилование. Рассмотрены и другие гарантии, которые обеспечивали вынесение военными трибуналами законного и обоснованного приговора.

Ключевые слова: военное положение, военные трибуналы, судебное разбирательство, приговор, меры уголовного наказания, отсрочка исполнения наказания, подсудность, протест

Для цитирования: Загорский Г. И. Осуществление правосудия в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 6–15.

Original article

Administration of Justice in the Armed Forces of the USSR During the Great Patriotic War

Gennady I. Zagorsky

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

✉ 9976842@mail.ru

Abstract. The organization and procedural activities of military tribunals operating during the period of martial law seem to have been insufficiently studied. In particular, the instance of military tribunals and the operation of the principles of procedural law during martial law need to be disclosed, as well as the specifics of checking sentences handed down by military tribunals and their execution need to be determined. The scope of criminal cases on crimes under the jurisdiction of military tribunals is established, and the judicial instances that carry out the consideration and resolution of a criminal case on the merits are determined. The features of the procedure for checking such sentences are disclosed, the circle of persons having the right to appeal to a higher court to protect the rights, freedoms and legitimate interests of an individual is determined, and the trends that arise during the execution of a sentence are established. The study notes the importance of the guiding explanations of the Plenum of the Supreme Court of the USSR on the practice of applying laws and coordination meetings of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR with operational workers of military tribunals, during which issues were discussed and decisions were made that contribute to the military tribunals passing a legal and justified sentence in wartime and combat conditions. It is concluded that, despite the conditions of martial law, no restrictions on the principles and institutions of procedural law were allowed in the administration of justice by military tribunals. Military tribunals used all opportunities in the harsh conditions of war to investigate the circumstances of the crime, the defendant's involvement in its commission, and other circumstances subject to investigation. Along with this, the defendant's participation in the court hearing during the consideration of the criminal case was ensured and his rights, including pardon, were explained. Other guarantees that ensured that military tribunals would issue a lawful and well-founded sentence in this time are also considered.

Keywords: martial law, military tribunals, trial, sentence, criminal penalties, deferment of execution of punishment, jurisdiction, protest

For citation: Zagorsky, G. I. Administration of justice in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):6-15. (In Russ.)

Суровые условия Великой Отечественной войны потребовали в первый же ее день введения военного положения, предусматривающего реорганизацию в соответствии с военным временем деятельности всех органов государственной власти. Это также коснулось организации судебных органов и процессуальных институтов правосудия [1, с. 664–672]. И здесь представляет интерес именно содержание этих изменений, то, как они повлияли на деятельность суда при отравлении правосудия, допускалось ли ограничение действия принципов процессуального права. Важным представляется и раскрытие особенностей осуществления проверки вынесенных военными трибуналами приговоров, определение круга лиц, имеющих право их обжаловать, а также специфики исполнения приговора.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие между военными трибуналами и другими участниками уголовного процесса при отправлении правосудия в период Великой Отечественной войны. Исследование данного объекта предопределило использование диалектического метода познания и основанных на нем различных общенаучных и частнонаучных методов, включающих в себя логический метод, анализ, синтез, индукцию, дедукцию, системный метод, классификацию. При изучении указанных выше вопросов были также применены методы ретроспективного и статистического анализа.

Прежде всего отметим расширение круга уголовных дел о преступлениях, подлежащих разрешению военными трибуналами. В частности, они уполномочены были рассматривать дела о преступлениях против обороны, общественного порядка и государственной безопасности¹. В условиях военного времени был введен запрет на обжалование в кассационном порядке приговоров, вынесенных военными трибуналами. Одновременно с этим они стали предметом судебного надзора [2]. Отметим, что перестройка происходила не одномоментно: например, с июня 1942 г. допускались к участию в рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях народные заседатели, являющиеся исключительно военнослужащими воинских частей. С организационной точки зрения военные трибуналы формировались при дивизиях, армиях и фронтах. По территориальному признаку и условиям деятельности их можно разделить на три группы:

- осуществляющие свою деятельность в местностях, на территориях которых не был введен режим военного положения, но действовали УПК РСФСР² и Положение «О военных трибуналах и военной прокуратуре»³;
- осуществляющие свою деятельность в местностях и в районах, на территориях которых был введен режим военного положения и проводятся военные действия. Такие военные трибуналы отправляли правосудие в соответствии со специальным Указом⁴;
- осуществляющие свою деятельность при Дальневосточном и Забайкальском фронтах. К этой группе относились военные трибуналы дивизий и 53-й отдельной Среднеазиатской армии, дислоцирующейся на территории Ирана, которые действовали по законам военного времени, хотя и не принимали участия в боевых действиях.

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. (с изм. от 07.07.1943) «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

² Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // Известия ВЦИК. 1923. № 37.

³ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 21 марта 1928 г. «О дополнении положения о военных трибуналах и военной прокуратуре» // Собрание законодательства СССР. 1928. № 19. Ст. 161.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

Отдельно надо отметить, что в первый год войны из-за чрезвычайной ситуации суды общей юрисдикции, находившиеся в прифронтовой линии, реорганизовывались в военные трибуналы. Это коснулось Московского городского суда, который был реформирован в городской военный трибунал с созданием специальных сессий в районных судах [3]. В их полномочие не входили рассмотрение и разрешение уголовных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими. Такие дела являлись компетенцией военных трибуналов дивизий, входящих в состав Западного фронта. Реорганизация судов в трибуналы происходила и в других городах, например в Вологде, Ленинграде, Ногинске, Можайске, Подольске, Севастополе, Серпухове, Сталинграде, Туле. При этом осуществление надзора за созданными судебными органами возлагалось на военные трибуналы соответствующих фронтов. Отметим, что по мере улучшения обстановки на линии фронта созданные военные трибуналы реорганизовывались и действовали как народные суды [4, с. 343–344; 5].

Другая особенность перестройки заключалась в организации инстанционности. В качестве суда первой инстанции действовали военные трибуналы дивизий и приравненных к ним воинских формирований (отдельных бригад, укрепрайонов, военно-морских баз и т. п.), рассматривающие дела о преступлениях, совершенных в районе их дислокации. В качестве суда второй инстанции выступали военные трибуналы фронтов, флотов, округов и отдельных армий. При этом в местностях и районах, на территории которых был введен режим военного положения и велись военные действия, такие военные трибуналы выступали в качестве суда первой и надзорной инстанций, а на остальных территориях являлись судами первой и кассационной инстанций.

В целях обеспечения оперативного и квалифицированного судебного надзора за деятельностью военных трибуналов была реорганизована и Военная коллегия Верховного Суда СССР. В ее составе были созданы четыре специальных отдела с индивидуальным предметом компетенции. Отдельный филиал Военной коллегии Верховного Суда СССР, расположенный в г. Чкалове (ныне г. Оренбург), осуществлял судебный надзор только за военными трибуналами тыловых округов.

Особый интерес представляет деятельность выездных сессий, сформированных в составе Военной коллегии Верховного Суда СССР. Их особенность заключалась в том, что они не только разрешали уголовные дела по первой инстанции, но и на местах рассматривали протесты, принесенные председателем Военной коллегии Верховного Суда СССР и Главным военным прокурором в порядке судебного надзора на приговоры военных трибуналов определенного фронта. Такая возможность обеспечивала оперативность в деятельности судебного органа при отправлении правосудия, что имело важное значение в условиях военного положения [6].

Вызывали определенные затруднения при отправлении правосудия различия в действии законов военного времени в тылу и на фронте. И здесь большую роль сыграли руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР по вопросам квалификации отдельных преступных нарушений законов военного времени. Эти положения развивали изданные Управле-

нием военных трибуналов Народного комиссариата юстиции СССР приказы, инструкции, обзоры практики применения уголовно-процессуального законодательства, назначения и исполнения наказаний и т. д.⁵

При отправлении правосудия в условиях военного времени правильное истолкование законов, уяснение их точного смысла для обоснованного и эффективного применения приобрели важное значение [7]. Связанные с ними вопросы были и предметом совместных совещаний Военной коллегии Верховного Суда СССР с оперативными работниками военных трибуналов с целью обмена опытом по отправлению правосудия в военных условиях. Такая координированная совместная работа велась и для выявления и устранения недостатков в деятельности военных трибуналов, действующих на фронте⁶. Немало времени отводилось обсуждению подходов к оценке установленных судом фактических обстоятельств по формальным признакам. Признавалась недопустимой оценка наличия в действиях обвиняемого состава преступления в отрыве от конкретной обстановки, в которой оно совершено, и без учета состояния воинской дисциплины и боеготовности части, а также характера выполняемых ею очередных боевых задач.

Военная коллегия Верховного Суда СССР требовала индивидуального подхода к каждому уголовному делу, включающего учет обстановки и условий, при которых совершено преступление, характера самого правонарушения, а также характера последствий. И только на основе всесторонней и полной оценки всех этих обстоятельств возможно было решать вопрос об уголовной ответственности⁷.

Подобные разъяснения и совместные совещания способствовали вынесению военными трибуналами законных и обоснованных приговоров. При этом они в обязательном порядке проходили проверку в Военной коллегии Верховного Суда СССР. В случае выявления нарушений закона подобные приговоры становились предметом судебного надзора, который заключался в контроле за законностью и обоснованностью приговоров нижестоящих военных трибуналов [8].

Отметим, что судебный надзор Военная коллегия осуществляла не только по собственной инициативе, но и по жалобам и заявлениям заинтересованных лиц. Это позволяет утверждать, что даже в тяжелых условиях военного положения не ограничивался доступ граждан к правосудию и эффективной защите прав и свобод личности.

Свои особенности были и при проверке законности и обоснованности приговора с применением высшей меры наказания [9]. Например, военные советы, командующие фронтами и армиями имели полномочие при-

⁵ Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР, 1936–1948 гг. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1949. 435 с.

⁶ Главное управление военных трибуналов Министерства юстиции в годы Великой Отечественной войны // Архив Главного управления военных трибуналов. Оп. 1. Ед. хр. 316. Н8Б. Л. 2–102.

⁷ Военная коллегия Верховного Суда СССР в годы Великой Отечественной войны // Архив Военной коллегии Верховного Суда СССР. Оп. 4. Ед. хр. 26. Н/031. Л. 39–44.

останавливать исполнение такого приговора. Об этом сообщалось Председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР, Главному военному прокурору Красной Армии или Главному прокурору Военно-Морского Флота СССР. О каждом таком приговоре военный трибунал обязан был немедленно сообщить этим же лицам, и приговор приводился в исполнение лишь при условии, что в течение 72 часов от них не поступит сообщение о приостановлении исполнения приговора. В каждом таком сообщении кратко излагались обстоятельства уголовного дела, данные о личности виновного, мотивы, послужившие основанием для применения высшей меры наказания. В первое время вопрос о приведении приговора в исполнение решался на основании этой информации, а уже затем, как правило, только в результате истребования и изучения материалов уголовного дела.

Особую значимость имел институт помилования, который не был ограничен законодательством военного времени. В связи с этим председатели военных трибуналов были обязаны при вынесении приговора с применением высшей меры наказания в случаях, когда не допускалось обжалование, разъяснять осужденному право на подачу ходатайства о помиловании. Оно вместе с приговором должно было докладываться председателем командованию либо военному совету, которые высказывали свое мнение об этом. Материалы поступали в Военную коллегию Верховного Суда СССР с письменным изложением их мнения, а затем с заключением Главной военной прокуратуры передавались в Президиум Верховного Совета СССР, где принималось окончательное решение.

Условия военного времени требовали ужесточения мер уголовного наказания за отдельные виды преступлений. В первое время возросло количество назначения наказаний в виде лишения свободы в общей структуре наказаний, применяемых военными трибуналами. Реально стала назначаться и применяться высшая мера – смертная казнь за воинские преступления в боевой обстановке и на поле боя. При этом уже несколько позже количество случаев применения этой исключительной меры в общей структуре уголовных наказаний стало постоянно сокращаться и к концу войны уменьшилось в шестнадцать раз [10, с. 186]. Такая мера наказания применялась за совершение контрреволюционных преступлений и за особо тяжкие воинские преступления, совершенные в боевой обстановке и повлекшие тяжкие последствия.

В период военного времени изменился и порядок исполнения некоторых видов наказаний. В частности, в соответствии с действовавшим в то время законом (примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР⁸) военные трибуналы широко практиковали отсрочку исполнения приговора в отношении осужденного военнослужащего с направлением его в действующую армию. Осужденный, проявивший себя достойно в составе действующей армии, освобождался от наказания со снятием судимости [11]. Обнародованные данные показывают, что отсрочка исполнения лишения свободы применялась по

⁸ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

большинству воинских и общеуголовных преступлений, о чем свидетельствуют данные за 1941–1945 гг. Так, во втором полугодии 1941 г. отсрочка исполнения приговора по воинским преступлениям была применена в отношении 70% осужденных к лишению свободы, в 1942 г. – 79%, в 1943 г. – 84%, в 1944 г. – 50% и за пять месяцев 1945 г. – в отношении 34%. Такие показатели позволяют утверждать, что за весь период Великой Отечественной войны отсрочка исполнения приговора военными трибуналами применялась в 50% случаев осуждения военнослужащих [10, с. 272–275].

Устранение в период Великой Отечественной войны института кассационного обжалования компенсировалось усилением судебного надзора. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1941 г.⁹ был расширен круг лиц, имеющих право приносить протесты. Отметим, что до 30% приговоров военных трибуналов пересматривались в надзорном порядке, что позволяло оперативно исправлять ошибки и нарушения закона.

Одной из гарантий законности и обоснованности приговора, вынесенного военным трибуналом дивизии, осуществляющим свою деятельность в боевой обстановке, являлось то, что ни одно уголовное дело не могло быть направлено для архивного хранения без его проверки в военном трибунале фронта. Уголовное дело направлялось в вышестоящий военный трибунал, изучалось его председателем, а при выявлении им нарушений закона немедленно приносился протест в военный трибунал фронта. Подобный механизм контроля обеспечивал своевременное выявление и исправление нарушений закона [12].

Отметим, что, несмотря на чрезвычайные условия Великой Отечественной войны, не допускалось ограничение действия основных принципов осуществления правосудия – устности, непосредственности и гласности процесса в военных трибуналах действующей армии [13]. Каковы бы ни были условия боевой обстановки и связанные с этим трудности организации судебных процессов, военные трибуналы не допускали рассмотрения дел в отсутствие обвиняемого. То же следует сказать и по поводу явки в суд свидетелей, и лишь наличие непреодолимых препятствий, вызываемых боевой обстановкой, вынуждало военные трибуналы идти на ограничение принципа непосредственности [14]. В таких случаях военные трибуналы знакомили подсудимых с показаниями отсутствующих свидетелей, разъясняя их содержание. Судебные процессы, как правило, проводились открытые, в присутствии личного состава воинских частей. При невозможности участия военнослужащих в процессе от частей приглашались их представители.

Поскольку в условиях ведения боевых действий практически невозможно было обеспечить участие защитника, уголовные дела рассматривались

⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1941 г. «О предоставлении военным прокурорам и председателям военных трибуналов фронтов и флотов прав опротестования приговоров и определений военных трибуналов» (Протокол № 9, п. 221) // Законы, принятые Верховным Советом СССР, и указы Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – 1/IV 1944 г.). М., 1944.

и без участия государственного обвинителя. Однако прокурор обязан был ознакомиться с приговором и протоколом судебного заседания военного трибунала и сообщить свое мнение о законности и обоснованности принятого военным трибуналом решения прокурору фронта, который решал вопрос о целесообразности принесения протеста и пересмотра приговора в порядке судебного надзора.

Подводя итоги изложенному, можно утверждать, что в годы Великой Отечественной войны советская военно-судебная система показала высокий уровень стабильности и эффективности. Несмотря на труднейшие условия деятельности, военные трибуналы всех уровней функционировали бесперебойно, осуществляя отправление правосудия в соответствии с принципами процессуального права и законами военного времени. Как мы видим, в годы Великой Отечественной войны судебные органы стремились защитить права и законные интересы не только подсудимого, но и заинтересованных лиц. При этом использовали все возможные в тех условиях способы для повышения воспитательной роли судебных процессов и предупреждения преступлений в войсках. Это способствовало вынесению судом законного и обоснованного приговора, что всегда являлось сутью правосудия.

Список источников

1. Рубцов Ю. В., Барышников В. Н., Бельков О. А. и др. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 2 : Происхождение и начало войны / ред. О. А. Ржевский. М. : Кучково поле, 2012. 1058 с.
2. Кобликов А. С. Советское правосудие в годы Великой Отечественной войны // Советская юстиция. 1975. № 9. С. 2–4.
3. Болотина Н. Ю. и др. Московский городской суд: исторические очерки / под общ. ред. О. А. Егоровой. М. : Изд-во Главархива Москвы, 2007. 439 с.
4. Кожевников М. В. История советского суда 1917–1958 г. М. : Госюриздат, 1957. 383 с.
5. Загорский Г. И. По законам военного времени // Советская юстиция. 1990. № 5. С. 8–10.
6. Загорский Г. И. Правоохранительные органы в годы Великой Отечественной войны // Вестник военной истории. 1991. № 1. С. 13–18.
7. Загорский Г. И. Осуществление правосудия военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны // Советская юстиция. 1980. № 9. С. 18–19.
8. Загорский Г. И. Осуществление судебного надзора за деятельностью военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны // Сборник статей Военного института Министерства обороны СССР. № 20. М. : Изд-во Воен. ин-та МО СССР, 1985. С. 161–165.
9. Загорский Г. И. Законность и обоснованность – основные свойства приговора // Сборник статей Военного института Министерства обороны СССР. № 16. М. : Изд-во Воен. ин-та МО СССР, 1980. С. 175–179.
10. Петухов Н. А. История военных судов России : моногр. 3-е изд., перераб. и доп. М. : РГУП, 2022. 391 с.
11. Мольков Н. Д., Серов В. С. О некоторых вопросах практики применения мер уголовного наказания в период Великой Отечественной войны // Военные суды (трибу-

налы) России в условиях особых правовых режимов : сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Петухова. М. : РГУП, 2024. С. 272–275.

12. Максимов С. С. Деятельность военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень Военной коллегии Верховного Суда СССР и Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР. 1985. № 1 (121). С. 31–36.

13. Загорский Г. И. Обеспечение непосредственности исследования доказательств военным трибуналом в период Великой Отечественной войны // Сборник статей Военного института Министерства обороны СССР. № 18. М. : Изд-во Воен. ин-та МО СССР, 1983. С. 18–23.

14. Строгович М. С. Гарантии установления истины по уголовному делу в боевой обстановке // Труды Военно-юридической академии Красной Армии : сб. Вып. 3. Ашхабад, 1943. С. 1–32.

References

1. Rubtsov, Yu. V., Baryshnikov, V. N., Belkov, O. A., et al. *The Great Patriotic War of 1941–1945*. In 12 vols. Vol. 2: The origin and beginning of the war. Ed. O. A. Rzheshevsky. Moscow: Kuchkovo pole; 2012. 1058 p. (In Russ.)
2. Koblikov, A. S. Soviet justice during the Great Patriotic War. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*. 1975;(9):2-4. (In Russ.)
3. Bolotina, N. Yu., et al. *Moscow City Court: historical essays*. Ed. O. A. Egorova. Moscow: Publishing House of the Main Archive Department of Moscow; 2007. 439 p. (In Russ.)
4. Kozhevnikov, M. V. *The history of the Soviet court 1917–1958*. Moscow: Gosyurizdat; 1957. 383 p. (In Russ.)
5. Zagorsky, G. I. According to the laws of wartime. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*. 1990;(5):8-10. (In Russ.)
6. Zagorsky, G. I. Law enforcement agencies during the Great Patriotic War. *Vestnik voennoj istorii = Bulletin of Military History*. 1991;(1):13-18. (In Russ.)
7. Zagorsky, G. I. Administration of justice by military tribunals during the Great Patriotic War. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*. 1980;(9):18-19. (In Russ.)
8. Zagorsky, G. I. Judicial supervision of the activities of military tribunals during the Great Patriotic War. *Collection of articles of the Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR*. Vol. 20. Moscow: Publishing House of the Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR; 1985. Pp. 161–165. (In Russ.)
9. Zagorsky, G. I. Legality and validity – the main properties of a sentence. *Collection of articles by the Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR*. No. 16. Moscow: Publishing House of the Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR; 1980. Pp. 175–179. (In Russ.)
10. Petukhov, N. A. *History of military courts of Russia*. Monograph. 3rd ed., rep. and add. Moscow: Russian State University of Justice; 2022. 391 p. (In Russ.)
11. Molkov, N. D., Serov, V. S. On some issues of the practice of applying criminal penalties during the Great Patriotic War. In: N. A. Petukhov, ed. *Military courts (tribunals) of Russia in the conditions of special legal regimes*. Collection of scientific articles. Moscow: Russian State University of Justice; 2024. Pp. 272–275. (In Russ.)
12. Maksimov, S. S. The activities of military tribunals during the Great Patriotic War. *Byulleten' Voennoj kollegii Verkhovnogo Suda SSSR i Upravleniya voennykh tribunalo Ministerstva Yustitsii SSSR = Bulletin of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR and the Directorate of Military Tribunals of the Ministry of Justice of the USSR*. 1985;(1):31-36. (In Russ.)

G. I. Zagorsky. Administration of justice in the Armed Forces of the USSR during the war

13. Zagorsky, G. I. Ensuring the immediacy of the investigation of evidence by the military tribunal during the Great Patriotic War. *Collection of articles by the Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR*. No. 18. Moscow: Publishing House of the Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR; 1983. Pp. 18–23. (In Russ.)
14. Strogovich, M. S. Guarantees of establishing the truth in a criminal case in a combat situation. *Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army*. Collection. Issue 3. Ashgabad; 1943. Pp. 1–32. (In Russ.)

Информация об авторе

Г. И. Загорский – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Information about the author

G. I. Zagorsky – Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Procedure Law Department, Honored Lawyer of the RSFSR, Honored Scientist of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 06.03.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 06.03.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Теория и история государства и права / Theory and History of State and Law

Научная статья

УДК 343.2/.7

EDN: CMSCOL

Развитие советского уголовного законодательства в середине – второй половине 20-х годов XX века: Уголовный кодекс РСФСР 1926 года

Елизавета Константиновна Камельская

Российский государственный университет правосудия имени

В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

✉ elizabethkamelskaya@yandex.ru

*Научный руководитель: А. Н. Ващекин, к.э.н., доцент, профессор кафедры
информационного и интеллектуального права, цифровых технологий и
инноватики Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева*

Аннотация. Статья посвящена исследованию Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г., ставшего важным этапом развития отечественного законодательства первых лет существования СССР. Рассмотрены причины разработки Кодекса, в том числе исторические нормативные правовые акты, очерки советских ученых и политических деятелей, научные и общественно-политические издания исследуемого периода. Выделены дискуссионные вопросы принципиального и редакционного характера, возникшие перед законодателями на стадиях разработки и утверждения. Раскрыты и конкретизированы понятия, установленные в Общей части Уголовного кодекса 1926 г., послужившие базисом для развития советской уголовной отрасли в целом.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., советское уголовное право, основные положения, наказание, источник, уголовное законодательство

Для цитирования: Камельская Е. К. Развитие советского уголовного законодательства в середине – второй половине 20-х годов XX века: Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 16–23.

Original article

The Development of Soviet Criminal Legislation in the Middle and Second Half of the 1920s of XX Century: Criminal Code of the RSFSR of 1926

Elizaveta K. Kamelskaya

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

✉ *elizabethkamelskaya@yandex.ru*

*Scientific supervisor: A. N. Vashchekin, Candidate of Sciences (Economic),
Associate Professor, Professor of the Information and Intellectual Law,
Digital Technologies and Innovation Department
of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev*

Abstract. The present article is devoted to the study of the Criminal Code of the RSFSR in the edition of 1926, which became an important stage in the development of domestic legislation in the early years of the USSR. The reasons for the creation of the Code are considered, including historical normative legal acts, essays by Soviet scientists and political figures, scientific and socio-political publications of the period under study. Discussion issues of principle and editorial nature, which arose before the legislators at the stages of development and approval, are highlighted. The concepts established in the General Part of the Criminal Code of 1926, which served as a basis for the development of the Soviet criminal branch as a whole, are disclosed and specified.

Keywords: Criminal Code of the RSFSR 1926, Soviet criminal law, basic provisions, punishment, source, criminal legislation

For citation: Kamelskaya, E. K. The development of Soviet criminal legislation in the middle and second half of the 1920s of XX century: Criminal Code of the RSFSR of 1926. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):16-23. (In Russ.)

Развитие отечественного законодательства в 20-е гг. XX в. происходило в условиях формирования принципиально нового государства. Отечественное законодательство переживало в этот исторический момент период бурных, носящих бифуркационный характер преобразований, вызванных трансформацией всех общественных отношений в стране, трудности осуществления которой усугублялись гражданской войной и интервенцией. Этот значительный этап формирования нового законодательства завершился созданием Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

До середины 20-х гг. уголовное законодательство создавалось самостоятельно каждой советской социалистической республикой, чтобы обеспечить в этих республиках «единство определения преступных и наказуемых деяний и единство осуществления социалистического правосудия по уголовным делам» [1, с. 266]. Однако с объединением этих республик в СССР очевидным образом возникла необходимость разработки нового, обобщенного уголовного кодекса.

30 декабря 1922 г. на I съезде Советов Союза ССР, состоявших из представителей РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказья, утверждены Декларация и Договор об образовании СССР¹. Постановлением 2-й сессии ВЦИК X созыва от 3 июля 1923 г. принимается решение о ратификации Декларации и Договора об образовании СССР. Тем самым провозглашается, что указанные нормативные акты составляют Основной закон союзного государства. Договор об образовании СССР закрепил объединение РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР в одно союзное государство, определил перечень предметов ведения СССР в лице его верховных органов. В том числе подп. «о» п. 1 Договора устанавливались основы судостроительства и судопроизводства, а также гражданское и уголовное союзное законодательство.

Для окончательного закрепления братского сотрудничества народов были проведены мероприятия по принятию первой Конституции СССР. Уже 6 июля 1923 г. Постановлением 2-й сессии ЦИК СССР решено утвердить и немедленно ввести в действие первую Конституцию СССР².

В этот период перед ЦИКом СССР поставлена задача введения первого общесоюзного уголовного законодательства, именуемого в дальнейшем «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»³ (далее – Основные начала). Основные начала закрепили основы уголовного права, на основании которых законодательные органы республик выстраивали свою работу. Таким образом, возникла необходимость пересмотра уголовного законодательства, отраженного в Кодексе РСФСР и кодексах других союзных республик.

14 октября 1925 г. открылась II сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва, на которой рассматривался вопрос о пересмотре Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. с целью установления единообразия норм с теми нормами, которые были отражены в Основных началах. Новый кодекс рождался в ходе живого обсуждения, и по многим вопросам между законотворцами разворачивались довольно жаркие дискуссии, впрочем, характерные для юридического сообщества любой эпохи.

Основным докладчиком на сессии выступал Н. В. Крыленко. 24 октября 1925 г. на одиннадцатом заседании II сессия ВЦИК XII созыва Н. В. Крыленко осветил ряд поправок как принципиального, так и редакционного характера, касающихся Общей части Уголовного кодекса. В том числе одним из дискуссионных вопросов было введение статей, регламентирующих

¹ Постановление 2-й сессии ВЦИК X созыва о ратификации Декларации и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 3 июля 1923 г. № 197 // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/342379>.

² Постановление 2-й сессии Центрального исполнительного комитета СССР о Конституции СССР от 6 июля 1923 г. № 198. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/342379>.

³ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31 октября 1924 г. № 24. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/394633-postanovlenie-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-osnovnye-nachala-ugolovnogo-zakonodatelstva-soyuza-ssr-i-soyuznyh-respublik-31-oktyabrya-1924-g>.

государственные преступления, которые рассматривались в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в двух разделах: контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления. Комиссия по Уголовному кодексу пришла к выводу о том, что государственными преступлениями считаются те, «...в которых преступник сознательно направляет свою волю против государства, стремится его разрушить, уничтожить установленную власть или заменить ее каким-нибудь другим порядком»⁴. Таким образом, Уголовный кодекс с необходимым рядом поправок был принят Постановлением ВЦИК от 24 октября 1925 г.

А. Иодковский в этот период утверждал: «...уже в ближайшее время мы будем иметь новый Кодекс, но в отдельных его главах и статьях он не исключит действующего Кодекса» (имелся в виду Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.), «и последний должен будет частично сохранять свою силу, вероятно до ближайшей сессии Союзного ЦИКа» [2].

22 ноября 1926 г. Постановлением ВЦИК Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. был принят⁵, за исключением ряда статей о контрреволюционных и особо опасных для СССР преступлениях против порядка управления (эта часть была введена в действие с 1 января 1927 г.). Принятый Кодекс стал одним из самых сложных документов нового союзного государства на тот момент. Создание таких комплексных актов, как правило, требует от законодателей согласованных усилий по кодификации и консолидации нормативных правовых актов, и в данном случае их совместная работа увенчалась успехом.

Разработка новой редакции Уголовного кодекса была обусловлена несколькими причинами, важнейшая из которых – образование нового объединенного государства, нуждавшегося в установлении на всей своей территории единого уголовного законодательства, закреплявшего единую задачу и принцип в виде охраны государства трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих его власть [3]. Особенности редакции Уголовного кодекса 1926 г. предопределялись Основными началами, заложенными как базис, не исключая при этом возможности принятия в союзных республиках его дополнений в виде норм, конкретизирующих уголовное законодательство.

Раздел 3 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. закрепил понятие преступления через призму словосочетания – общественно опасное. Преступлением как в Основных началах, так и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. признается «...всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабо-

⁴ Стенографический отчет : вторая Сессия / Всерос. центр. исполнит. ком. XII созыва. М. : ВЦИК, 1925. С. 577 // Государственная публичная историческая библиотека России : [сайт]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/51521-rsfsr-tsentrallyy-ispolnitelnyy-komit-et-sozyv-12-sessiya-2-stenograficheskiy-otchet-vtoraya-sessiya-m-1925>.

⁵ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

че-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». При этом, однако, впервые к приведенной статье было создано примечание, устанавливающее понятие «малозначительности» преступного деяния в советском уголовном законодательстве.

Статья 16 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. сохранила возможность устанавливать основание для привлечения к уголовной ответственности и меру наказания судебной инстанцией, если они прямо не определены в действующих уголовных нормах, но близки к тому или иному действию или бездействию советского гражданина по «роду преступления». Проанализировав данную статью, мы приходим к выводу, что при рассмотрении принципиально нового состава преступления или при наличии иных оснований, ранее не закрепленных нормами уголовного законодательства РСФСР, она предполагает создание судебного прецедента, который в дальнейшем может быть рассмотрен для внесения его как отдельной нормы советского Уголовного кодекса.

Задача уголовного законодательства нашла свое отражение в разделе 1 Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.: провозглашалось, что предназначением указанного нормативного акта является охрана государства рабочих и крестьян, поддержание правопорядка путем применения к лицам, совершившим преступления, мер социальной защиты.

Целями применения мер социальной защиты являлись не только предупреждение совершения новых преступлений лицами, преступившими уголовный закон, и приспособление их к условиям «общегития государства трудящихся», но и воздействие на иных членов общества.

Объективная сторона преступления стала одним из ключевых элементов состава преступления и рассматривалась как главная составляющая при определении характера и степени вины лица при совершении противоправных действий, в том числе устанавливалась причинная связь между ними и вытекающим последствием. Б. С. Никифоров привел теоретическое обоснование этому обстоятельству в труде «Избранное», отмечая, что законодатель при формулировании составов преступлений уделяет особое внимание объективной стороне, таким образом подчеркивая принцип законности в советском уголовном праве [4, с. 135]. А. Н. Трайнин указывал в работе, посвященной учению о составе преступления в советском уголовном законодательстве, что «...каждая диспозиция... представляет собой... совокупность элементов, характеризующих объективную сторону преступления» (цит по: [4, с. 135]).

Субъектом преступления в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. признаны лица, достигшие на момент совершения всякого общественно опасного деяния возраста 14 лет. К лицам несовершеннолетнего возраста применялись меры медико-педагогического характера вплоть до достижения ими 16 лет либо на основе решения, вынесенного комиссией по делам несовершеннолетних, меры судебно-исправительного характера.

Субъективная сторона преступления в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. не претерпела существенных изменений по сравнению с первым Уголовным кодексом РСФСР: по-прежнему она оценивалась как психическое отношение субъекта к совершенному им общественно опасно-

му деянию через вину и ее формы. Статья 10 УК РСФСР 1926 г. декларирует две формы вины, признавая, что меры социальной защиты устанавливаются лишь при наличии виновных действий, которые могли быть совершены из умысла (например, ст. 58.11 УК РСФСР 1926 г.) и неосторожности (например, ст. 159 УК РСФСР 1926 г.).

Меры социальной защиты, принимаемые судебным органом вследствие совершенного лицом виновного действия или бездействия, рассматривались как необходимые для сохранения основ советского государства. Законодатель, систематизировав и обобщив преступления на основе характера и степени общественной опасности, тем самым создавал начала для закрепления в законодательстве классификации мер уголовной ответственности.

Классификация мер социальной защиты для охраны социалистического советского государства предусмотрена в разделе 4 «О мерах социальной защиты, применяемых по Уголовному кодексу в отношении лиц, совершивших преступление» УК РСФСР 1926 г. Согласно ст. 20 к ним относились:

- а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов (ст. 27);
- б) лишение свободы со строгой изоляцией (ст. 136);
- в) лишение свободы без строгой изоляции (ст. 137);
- г) принудительные работы без лишения свободы (ст. 122);
- д) поражение политических и отдельных гражданских прав (ст. 31);
- е) удаление из пределов Союза ССР на определенный срок (ст. 35);
- ж) удаление из пределов РСФСР или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях или без этого, или с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого (ст. 59.9);
- з) увольнение от должности с запрещением занятия той или другой должности или без этого;
- и) запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом (ст. 37);
- к) общественное порицание (ст. 159);
- л) конфискация имущества, полная или частичная (ч. 1 ст. 107);
- м) денежный штраф (ст. 106);
- н) предостережение (ст. 43);
- о) возложение обязанности загладить вред (ст. 163).

Вслед за представленной классификацией законодатель установил высшую исключительную меру – расстрел, постановяемую судом для предотвращения преступлений, угрожающих в первую очередь основам советской власти и строя (например, ст. 58.2 УК РСФСР 1926 г.). Стоит отметить, что Кодекс впервые закрепил меру, исключаящую применение расстрела как меры социальной защиты к лицам, которым вынесен обвинительный приговор суда в связи с недостижением возраста уголовной ответственности – 18 лет, а также женщинам, находящимся в состоянии беременности.

Анализируя приведенную выше классификацию мер социальной защиты, необходимо заметить, что распространенными и даже преобладающими мерами являются различные варианты насильного перемещения лиц, совершивших общественно опасное деяние, за которое устанавливается

уголовная ответственность, вплоть до изгнания и лишения гражданства СССР. Они закреплены в подп. «а», «е», «ж» ст. 20 УК РСФСР 1926 г. и фактически становятся одной из самых применяемых мер защиты во второй половине 20-х гг.

Необходимо подчеркнуть, что законодателем установлено несколько случаев освобождения от наказания, которые ранее были установлены в Уголовном кодексе 1922 г. Наказания не применялись к малолетним, не достигшим 14 лет, к лицам, находившимся на момент совершения противоправного деяния в состоянии хронической душевной болезни, а также в том случае, когда к моменту вынесения приговора суда лица «заболели душевной болезнью». При действии лица в условиях, не превышающих пределов необходимой обороны, оно освобождалось от мер социальной защиты какого-либо характера.

В ст. 14 употребляется понятие срока давности в уголовном законодательстве; по каждому преступлению эти сроки определялись самостоятельно в зависимости от тяжести противоправного деяния и предусмотренной меры наказания.

Институт пособничества в советском уголовном законодательстве второй половины 20-х гг. повторяет положения, закреплённые в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., предусматривая меры социальной защиты в зависимости от роли участников в совершенном общественно опасном преступлении: исполнители, подстрекатели и пособники.

В завершение анализа основных положений Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. осветим принципиальные нововведения, ранее не содержащиеся в первом Уголовном кодексе РСФСР и Основных началах. Впервые установлена имущественная ответственность юридических лиц в случаях осуждения их уполномоченных лиц за уголовные деяния. Следует отметить и предоставление прокурорскому надзору права возбуждения самостоятельного преследования лиц, совершивших общественно опасное деяние. Это позволяло воздействовать на лиц, хотя и не избличенных в совершении конкретных преступных деяний, но определенно связанных с «преступным миром или преступных в своей прошлой деятельности» [5]. Эта норма усиливает гарантии основательности преследования.

Подводя итоги изложенному, отметим, что Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. не только содержал основы законодательства, заложенные в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., но и стал важной основой дальнейшего развития единой политики противодействия преступности, направленной на защиту основ советского государства.

Список источников

1. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д. и др. История советского уголовного права. М. : Юрид. изд-во, 1948. 466 с. (История советского государства и права: 1917–1947 / Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР).
2. Иодковский А. Уголовный кодекс на сессии ВЦИК // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 42/43. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина : [сайт]. URL: <https://www.prilib.ru/item/331969>.

3. Молодчикова А. В. Особенности институтов общей части УК РСФСР 1922 года и их влияние на современное уголовное законодательство // Вопросы российской юстиции : электрон. журн. 2020. № 9. С. 52–62.
4. Никифоров Б. С. Избранное / сост. А. А. Гавина. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2010. 224 с.
5. Иодковский А. Пересмотр Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 28. URL: <https://www.prilib.ru/item/331954>.

References

1. Gerzenzon, A. A., Gringauz, Sh. S., Durmanov, N. D., et al. *History of Soviet criminal law*. Moscow: Legal Publishing House; 1948. 466 p. (History of the Soviet state and law: 1917–1947. All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR) (In Russ.)
2. Iodkovsky, A. The Criminal Code at the session of the Central Executive Committee. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii = Weekly of Soviet Justice*. 1925;(42/43). Boris Yeltsin Presidential Library: [website]. URL: <https://www.prilib.ru/item/331969>. (In Russ.)
3. Molodchikova, A. V. The features of the general part in the 1922 Criminal Code of Russian SFSR and their influence on modern criminal law. *Voprosy rossijskoj yustitsii = Issues of Russian Justice*. 2020;(9):52-62. (In Russ.)
4. Nikiforov, B. S. *Selected*. Comp. A. A. Gravina. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2010. 224 p. (In Russ.)
5. Iodkovsky, A. Revision of the Criminal Code. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii = Weekly of Soviet Justice*. 1925;(28). URL: <https://www.prilib.ru/item/331954>. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. К. Камельская – студент 3 курса.

Information about the author

E. K. Kamelskaya – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.11.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 26.11.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Гражданское право / Civil Law

Научная статья

УДК 347.121.2

EDN: DEEVAO

Регулирование охраны изображения гражданина: проблемные вопросы теории и практики

Амаль Ролланович Бекиров

*Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация*

✉ amalbekirov777@gmail.com

*Научный руководитель: Л. А. Шигонина, старший преподаватель кафедры
гражданского права Крымского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. В статье рассматривается правовое закрепление охраны изображения гражданина, в том числе такие дискуссионные вопросы, как форма согласия на обнародование и использование изображения гражданина, необходимость введения уголовной ответственности за дипфейки. Рассмотрены проблемы, которые указывают на наличие пробелов в правовом регулировании права на изображение гражданина: отсутствие законодательно закрепленного понятия «изображение гражданина», отсутствие указания на виды материальных носителей изображения гражданина. Проведен анализ судебной практики, подтверждающий раскрытые тезисы и указывающий на форму ответственности за нарушение права гражданина на изображение.

Целью исследования являлось рассмотрение различных аспектов правового регулирования права гражданина на изображение, для достижения которой необходимо было решить следующие задачи: проанализировать правовые нормы, закрепляющие исследуемое право гражданина, выявить проблемы в рамках данной темы и рассмотреть примеры из судебной практики, характеризующие регулирование охраны изображения гражданина.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания. В процессе работы использовались также системно-структурный, сравнительно-правовой, функциональный и другие частнонаучные методы анализа исследуемой проблемы. В рамках проведенного исследования были сделаны выводы о наличии пробелов в законодательстве в вопросах регламентации охраны изображения гражданина, в том числе о необходимости дополнения норм в вопросах регулирования данного права в сети «Интернет».

Ключевые слова: охрана изображения гражданина, ответственность за нарушение права на изображение гражданина, изображение гражданина в сети «Интернет», дипфейки, нематериальное благо гражданина

Для цитирования: Бекиров А. Р. Регулирование охраны изображения гражданина: проблемные вопросы теории и практики // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 24–33.

Original article

Regulation of the Protection of a Citizen's Image: Problematic Issues of Theory and Practice

Amal R. Bekirov

*Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Simferopol, Russian Federation*

✉ amalbekirov777@gmail.com

*Scientific supervisor: L. A. Shigonina, Senior Lecturer of the Civil Law
Department of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev*

Abstract. The article discusses the legal protection of a citizen's image, including controversial issues such as the form of consent for the publication and use of a citizen's image, and the need to introduce criminal liability for deepfakes. The problems that indicate the presence of gaps in the legal regulation of the right to the image of a citizen are considered: the lack of a legally established concept of "image of a citizen", the lack of indication of the types of material media of the image of a citizen. An analysis of judicial practice has been carried out, confirming the disclosed theses and indicating the form of liability for violation of a citizen's right to an image. The purpose of the study was to consider various aspects of the legal regulation of a citizen's right to an image, to achieve which it was necessary to solve the following tasks: to analyze the legal norms that consolidate the studied citizen's right, identify problems within the framework of this topic and consider examples of judicial practice characterizing the regulation of the protection of a citizen's image.

The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition. In the course of the work, systemic-structural, comparative-legal, functional and other private scientific methods of analyzing the problem under study were also used.

As part of the study, it was concluded that there are gaps in legislation in the regulation of the protection of a citizen's image, including the need to supplement the norms in the regulation of this right on the Internet.

Keywords: protection of the image of a citizen, responsibility for violation of the right to an image of a citizen, image of a citizen on the Internet, deepfakes, intangible benefit of a citizen

For citation: Bekirov, A. R. Regulation of the protection of a citizen's image: problematic issues of theory and practice. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):24-33. (In Russ.)

Изображение гражданина представляет собой личное неимущественное право, которое в настоящее время имеет большую значимость для субъектов гражданского права. Развитие цифровых технологий привело к распространению данного блага в гражданском обороте ввиду того, что посредством сети «Интернет» фото- и видеоматериалы распространяются быстрее и легче. Однако такие возможности увеличивают и риски посягательств на соответствующее благо гражданина, ввиду чего представляется необходимым рассмотрение способов охраны изображения гражданина и проблем его правового регулирования.

В первую очередь необходимо отметить, что институт охраны изображения гражданина регламентируется ст. 152.1 ГК РФ, однако данная норма не содержит легального определения изображения гражданина, в силу чего возникает первый дискуссионный вопрос в рамках данной темы.

Обратившись к судебной практике, можно обнаружить, что изображение гражданина часто определяется судами как его «индивидуальный облик, запечатленный в какой-либо объективной форме, в частности, в произведении изобразительного искусства, на фотографии или в видеозаписи»¹, либо как индивидуальный облик, представляющий собой часть сведений о личности человека².

В научной литературе также предлагаются различные варианты определения изображения гражданина.

К примеру, К. Н. Евдокимова данное понятие определяет как «нематериальное благо, под которым в доктрине понимается неразрывная совокупность наружных признаков человека (внешность, фигура, физические данные, одежда и другие), воспринимаемых в виде целого или фрагментарного образа» [1, с. 68].

Е. Б. Балякина указывает, что изображение гражданина является статичной информацией, которая зафиксирована на фотографии, видеозаписи, в произведении изобразительного искусства. Автор приводит точку зрения А. М. Эрделевского, исходя из которой «изображение любого объекта – это то, что создается из образа такого объекта... В случае изображения гражданина образом является его внешний облик» [2, с. 28].

Отметим, что отсутствие законодательно определенного понятия приводит к формированию различных позиций в отношении данного вопроса, что может порождать проблемы в судебной практике при разрешении конкретных дел, а также приводит к дискуссиям среди правоведов в отношении иных аспектов данной темы.

В частности, таким аспектом является правовая природа изображения гражданина, исходя из того, что внешность принадлежит исключительно физическому лицу с момента его рождения, имеет неотчуждаемый характер и является средством его индивидуализации [3, с. 37]. В связи с тем, что данная норма об охране изображения гражданина содержится в главе 8 ГК РФ, посвященной нематериальным благам, можно сделать вывод об отнесении рассматриваемого блага к нематериальным. Однако в науке высказывают мнение о связи данного блага с авторскими правами, обосновывая такую позицию п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Рос-

¹ Решение Ленинского районного суда г. Иркутска от 13 декабря 2019 г. № 2-2268/2019 2-2268/2019-М-1653/2019 М-1653/2019 по делу № 2-2268/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MPqFYuPMHmYs/>.

² Решение Самарского районного суда г. Самары от 27 октября 2023 г. № 2-1814/2023 по делу № 2-1814/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MIm7aJnwAErB/>.

сийской Федерации»³ (далее – Постановление № 25), который по аналогии закона отсылает к ст. 1268 ГК РФ, регламентирующей авторские права [4, с. 63].

Возвращаясь к последствиям отсутствия легально закрепленного термина «право на изображение гражданина», важно также отметить, что данное обстоятельство влечет существенный вопрос в отношении того, какие материальные носители могут содержать изображение гражданина и в каких формах изображение может существовать. Так, в настоящее время наиболее распространенной формой изображения является фото гражданина [5, с. 59].

Однако, если исходить из судебной практики, к изображению можно отнести и карикатуры.

Так, районный суд, рассмотрев дело по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда, вынес решение об удовлетворении исковых требований в связи с тем, что ответчиком в социальной сети «ВКонтакте» была опубликована карикатура с фотографией истца, что причинило ей моральный вред и повлияло на деловую репутацию. Данные последствия вызваны нарушением ст. 152.1 ГК РФ, поскольку фотография была использована и обнародована в ином виде без согласия⁴.

Что касается непосредственно вопроса охраны изображения гражданина, то прежде всего стоит указать на положения ст. 152.1 ГК РФ. Рассматриваемая норма закона предусматривает возможность обнародования и дальнейшего использования изображения гражданина *только с его согласия*. Исключение, при котором такое согласие не требуется, составляют лишь три случая: использование изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах; получение изображения гражданина при съемке в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, кроме случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; позирование гражданина за плату.

Обнародованием в данном случае признается осуществление действия, которое впервые делает данное изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом (Постановление № 25).

Однако из судебной практики следует интересный факт: опубликование одного и того же чужого фото в разных социальных сетях позволяет рассматривать указанное правонарушение как однократное. На данную позицию указывает Суд по интеллектуальным правам, рассматривавший в качестве кассационной инстанции дело, в рамках которого ответчиком было использовано фото истца и опубликовано на сайте и в социальных сетях ответчика, однако компенсация была снижена судом в первой инстанции

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

⁴ Решение Усть-Куломского районного суда Республики Коми от 23 ноября 2020 г. № 2-402/2020 2-402/2020~М-438/2020 М-438/2020 по делу № 2-402/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rneJVUlgZ4gT/>.

с 400 тыс. руб. до 10 тыс. руб., поскольку суд оценил такое опубликование фото в качестве однократного⁵.

При этом стоит подробнее рассмотреть аспект согласия гражданина на обнародование и использование изображения, поскольку в отношении него возникает ряд вопросов, требующих решения с целью обеспечения соответствующего права гражданина. Под согласием гражданина понимается «активное выражение гражданином своей воли путем дачи положительного ответа на вопрос третьего лица о возможности использования его изображения» [4, с. 63]. Данное согласие требуется в случае, если единственной целью обнародования и использования изображения является удовлетворение обывательского интереса к частной жизни гражданина или извлечение прибыли [6, с. 103].

Так, в первую очередь стоит указать, что рассматриваемой нами нормой установлен факт необходимости согласия, однако не установлена его форма. При рассмотрении данного вопроса нужно учитывать позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженную в Постановлении № 25, в соответствии с которой согласие является сделкой, в связи с чем регламентируется общими нормами о сделках и, следовательно, может заключаться как в письменной, так и в устной формах, включая конклюдентные действия. Однако в последнем случае могут возникнуть трудности с доказыванием невиновности, если в отношении лица подали исковое заявление ввиду нарушения рассматриваемой нами правовой нормы.

К примеру, суд общей юрисдикции рассматривал дело по иску о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, пресечении действий, нарушающих право, и взыскании компенсации морального вреда. Из материалов дела следует, что ответчик опубликовал на сайте фото с концерта музыкальной группы, где присутствовал в том числе и истец, который указывал, что он не давал согласия на использование изображения. В ходе рассмотрения дела было выяснено, что истец не уклонялся от объектива фотоаппарата и позволил делать фотоснимки своего изображения, что представляло собой в данном случае согласие в форме конклюдентного действия. Суд отказал в удовлетворении исковых требований⁶.

Считаем, что в результате отсутствия уточнения о необходимой форме согласия существует проблема выражения согласия лицом на использование и обнародование изображения в сети «Интернет». При этом в п. 43 Постановления № 25 разъяснено, что само по себе опубликование гражданином изображения в сети «Интернет» и в этой связи его общедоступность не дают иным лицам права на его свободное использование.

В то же время, напротив, факт размещения гражданином изображения в данной сети может свидетельствовать о выражении таким лицом согла-

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 марта 2021 г. по делу № А46-11796/2020 // Электронное правосудие : [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/10a81b3e-c95e-499c-9a43-d10f6ee22b32>.

⁶ Решение Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 10 сентября 2019 г. № 2-2293/2019 2-2293/2019-М-1956/2019 М-1956/2019 по делу № 2-2293/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SY8PEXBvpH5/>.

сия на дальнейшее использование данного изображения, например, если это предусмотрено условиями пользования сайтом, на котором гражданином размещено такое изображение. Примером такого сайта является социальная сеть «ВКонтакте».

Однако на сайтах не всегда предоставлена полная информация о дальнейшем использовании изображения, а также есть вероятность изменения содержания соглашения администратором сайта без предварительного уведомления лица, что порождает риск нарушения права гражданина на изображение.

В силу этого в случае нарушения данного права гражданина для него предусмотрены меры защиты. Прежде всего лицо, чье право было нарушено, вправе потребовать компенсации морального вреда, а также изъятия изображения из публичного доступа.

Например, в данном случае можно рассмотреть спор, который возник из трудовых отношений, где, кроме прочего, ответчик разместила персональные данные истца без получения письменного согласия на их использование, обработку, хранение и передачу третьим лицам. В результате требования о компенсации морального вреда и изъятии персональных данных гражданина, т. е. его изображения, были удовлетворены⁷.

Основываясь на материалах гражданских дел, можно сделать вывод, что компенсация морального вреда является основной мерой защиты лица в случае нарушения права на изображение гражданина⁸.

Рассматривая вопрос ответственности за нарушение права на охрану изображения гражданина, стоит отметить одну из довольно недавних инициатив, которая заключается во введении уголовной ответственности за дипфейки в интернете.

Для начала укажем, что *дипфейк* – это способ имитации голоса, видео- и фотоизображения людей с помощью искусственного интеллекта⁹. Использование дипфейков может повлечь ряд негативных последствий, например оскорбление гражданина, снижение его репутации, обман и, как следствие, нарушение прав, в том числе и имущественных, а также, конечно, причинение морального вреда. Кроме того, дипфейки могут угрожать национальным институтам или даже национальной безопасности, поскольку они могут создаваться и в отношении политических деятелей.

В связи с этим был подготовлен законопроект, согласно которому в ряд статей УК РФ (таких, как клевета, кража, мошенничество, вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) предлагается ввести дополнительный квалифицирующий при-

⁷ Решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27 ноября 2023 г. № 2-3750/2023 2-3750/2023-М-8847/2022 М-8847/2022 по делу № 2-3750/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fEt1aTvMQmb9/>.

⁸ Решение Новомосковского городского суда Тульской области от 21 июля 2020 г. № 2-829/2020 2-829/2020-М-746/2020 М-746/2020 по делу № 2-829/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sIM8Nmmqe8VZ/>.

⁹ Алексеева М. Депутаты предлагают наказывать за дипфейки в интернете. Доступ из СПС «Гарант». См. также: [7].

знак – совершение преступления с использованием изображения или голоса и биометрических данных¹⁰.

В результате в зависимости от статьи виновным будет грозить штраф до 1,5 млн руб. или в размере иного дохода за период до двух лет либо лишение свободы на срок до семи лет.

Рассматривая вопрос привлечения к ответственности за дипфейки, упомянем зарубежный опыт. Например, в Китае с 1 января 2020 г. дипфейки должны быть надлежащим образом маркированы, при этом данная норма касается и производителей, и онлайн-площадок, где данный материал будет опубликован¹¹. На наш взгляд, в России также необходимо ввести норму, которая предусматривала бы обязанность маркировать дипфейки с той целью, чтобы не были нарушены права граждан.

Поскольку нами были упомянуты дипфейки, стоит отметить и тот факт, что не всегда дипфейк рассматривается в качестве нарушения прав других граждан, в том числе права на изображение. Более того, дипфейки могут рассматриваться судами как объекты авторских прав, на что указывает недавний случай из судебной практики.

Так, Арбитражный суд города Москвы рассматривал спор по иску о взыскании компенсации в размере 500 тыс. руб. на том основании, что ответчиком был использован видеоролик без согласия на то правообладателя данного ролика. При этом видеоролик содержал изображение иностранного актера Киану Ривза. То есть была применена технология «дипфейк», на что и ссылались ответчики, возражая против удовлетворения иска. Судом было указано: «Технология Deep-fake – это дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, а не способ их создания», соответственно, истец может иметь авторское право на нее. Иск был удовлетворен¹².

Конечно, на данный момент наиболее актуален вопрос защиты прав на изображение граждан в сети «Интернет», поскольку именно в сети опубликование и распространение фото- и видеоматериалов является наиболее легким и быстрым.

В судебной практике часто встречаются случаи неправомерного использования изображения гражданина в рекламе, т. е. в коммерческих целях и без согласия лица. В таких случаях суд также может принять решение о вынесении субъекту, нарушившему право, мер ответственности в виде компенсации морального вреда и удаления изображения.

¹⁰ Замахина Т. Разработан законопроект об уголовной ответственности за «дипфейки» // RGRU : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2024/05/28/razrabotan-zakonoproekt-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-dipfejki.html> (дата обращения: 31.05.2024).

¹¹ Фальшивое будущее: международный опыт (не) регулирования «дипфейков» // Legal Academy : [сайт]. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/falshivoe-budushee-i-pornografiya-mezhdunarodnyi-opyt-ne-regulirovaniya-dipfeikov> (дата обращения: 31.05.2024).

¹² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 ноября 2023 г. по делу № А40-200471/23-27-1448. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb>.

Также необходимо отметить, что в практике нередко встречались случаи, когда в рекламе использовались изображения должностных лиц и политических деятелей, в том числе иностранных государств.

Например, Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Коми при обнаружении использования рекламы с изображением Дональда Трампа (на момент использования рекламы был президентом США), который якобы рекомендует один из ресторанов Сыктывкара, вынесло решение о признании рекламы ненадлежащей и не соответствующей требованиям Закона о рекламе. При этом УФАС указало, что реклама не должна содержать не соответствующие действительности сведения о рекомендациях физических лиц в отношении объекта рекламирования и, кроме того, в рекламе не допускается указание на одобрение теми или иными государственными органами либо их должностными лицами¹³.

Таким образом, охрана изображения гражданина осуществляется также и государственными органами в том случае, если нарушение данного права влечет нарушение публичного права.

Думается, что использование изображения гражданина в социальных сетях требует более подробного правового регулирования.

Правоведы, основываясь на судебной практике, высказывают мнение о том, что распространение изображения гражданина в личных сообщениях предполагает доступ к сведениям исключительно для участников переписки, ввиду чего обнародованием такое действие не является [7, с. 130].

Однако в действительности совершение таких действий влечет риск нарушения права гражданина на изображение ввиду того, что кто-то из участников диалога в социальной сети мог бы отправить также изображения другим лицам, что может привести к распространению изображения среди большого количества субъектов. Более того, изображение может быть переслано в групповой чат, в связи с чем увеличивается риск нарушения права гражданина на изображение. Такое распространение также может в ряде случаев признаваться обнародованием. Именно поэтому необходима четкая правовая регламентация вопросов распространения изображения в социальных сетях.

Таким образом, в настоящее время имеются пробелы в законодательстве, регламентирующем охрану изображения гражданина. Так, отсутствие легально закрепленного понятия «изображение гражданина» влечет дискуссии и вопросы (например, какие материальные носители могут содержать изображение гражданина?). Кроме того, сегодня отсутствуют четко определенная форма согласия гражданина на использование и обнародование изображения, в том числе в сети «Интернет», право распространения в интернете рекламы с изображением гражданина без его согласия, а также возможность обнародования изображения лица путем его рассылки в личных сообщениях или групповых чатах.

¹³ Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Коми от 22 января 2020 г. по делу № 011/05/5-795/2019 // Федеральная антимонопольная служба : [сайт]. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/komi-ufas-rossii/80ef6e3c-0a3b-404b-a579-e533d8560e8a/?query=дональд%20трамп>.

Все перечисленное очевидно указывает на необходимость совершенствования законодательства путем конкретизации и дополнения норм, посвященных охране изображения гражданина.

Список источников

1. Евдокимова К. Н. Понятие и правовое регулирование изображения человека в гражданском праве // *Инновационная наука : электрон. журн.* 2021. № 12-1. С. 67–69.
2. Балякина Е. Б. К вопросу об охране изображения гражданина // *Правовое государство: теория и практика.* 2022. № 3 (69). С. 27–33.
3. Омарова Ю. А. О гражданско-правовых средствах индивидуализации граждан // *Российское право: образование, практика, наука.* 2017. № 4 (100). С. 36–40.
4. Юрьева Л. А., Горбуль Ю. А. Охрана изображения гражданина в условиях цифровой реальности // *Вестник Омского университета. Сер.: Право.* 2022. № 3. С. 62–68.
5. Ермакова А. А. Изображение гражданина как объект гражданских прав // *Цивилистика: право и процесс.* 2019. № 4. С. 58–63.
6. Лазаренкова О. Г. Право гражданина на изображение в системе личных неимущественных прав // *Ленинградский юридический журнал.* 2021. № 1 (63). С. 98–107.
7. Матанцев Д. А., Фурсова Е. Б. Совершенствование содержания права на использование изображения гражданина // *Юридическая наука.* 2022. № 3. С. 129–133.

References

1. Evdokimova, K. N. The concept and legal regulation of the image of a person in civil law. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*. E-edition. 2021;(12-1):67-69. (In Russ.)
2. Balyakina, E. B. On the issue of protecting the image of a citizen. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of Law: Theory and Practice*. 2022;(3):27-33. (In Russ.)
3. Omarova, Yu. A. On the civil means of identification of citizens. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science*. 2017;(4):36-40. (In Russ.)
4. Yuryeva, L. A., Gorbuly, Yu. A. Protection of the image of a citizen under the development of digital reality. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*. 2022;(3):62-68. (In Russ.)
5. Ermakova, A. A. Image of a citizen as an object of civil rights. *Tsivilistika: pravo i process = Civics: Law and Process*. 2019;(4):58-63. (In Russ.)
6. Lazarenkova, O. G. A citizen's right to be depicted in the system of personal non-property rights. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Legal Journal*. 2021;(1):98-107. (In Russ.)
7. Matantsev, D. A., Fursova, E. B. Improving the content of the right to use the image of a citizen. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2022;(3):129-133. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Р. Бекиров – студент 3 курса.

Information about the author

A. R. Bekirov – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 05.11.2024.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; publication 05.11.2024.

Научная статья

УДК 343.535, 341.9

EDN: FLWPXF

Банкротство в зарубежном частном праве (на примере США, Японии и Германии)

Айвар Ленарович Зиганшин

*Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Казань, Российская Федерация*

✉ ffberlenette@gmail.com

*Научный руководитель: **Е. Ю. Ковалькова**, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. Модифицированная модель универсализма в регулировании банкротства является важной темой в современных исследованиях международного частного права. Проблема актуальна в связи с ростом международных деловых отношений и увеличением случаев банкротства. В статье проанализированы три процедуры банкротства в разных странах. На основе анализа соответствующего законодательства сделан вывод о том, что каждая страна имеет свои преимущества и недостатки. Несмотря на общие черты, процедуры банкротства в разных странах имеют и значимые отличия. Они на первый взгляд могут быть неочевидны, но при детальном изучении законодательства различия становятся явными.

Ключевые слова: банкротство, международное частное право, трансграничная несостоятельность, коллизионное право, юрисдикционная компетенция, международные соглашения, правовое регулирование, глобализация

Для цитирования: Зиганшин А. Л. Банкротство в зарубежном частном праве (на примере США, Японии и Германии) // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 34–39.

Original article

Bankruptcy in Foreign Private Law (on the Example of the USA, Japan and Germany)

Aivar L. Ziganshin

*Kazan Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Kazan, Russian Federation*

✉ ffberlenette@gmail.com

*Scientific supervisor: E. Yu. Kovalkova, Candidate of Science (Law),
Associate Professor of the Civil Law Department of the Kazan Branch
of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev*

Abstract. The modified model of universalism in bankruptcy regulation is an important topic in modern studies of private international law. The problem is relevant due to the growth of international business relations and an increase in bankruptcy cases. The article analyzes three bankruptcy procedures in different countries. Based on the analysis, it is concluded that each country has its own advantages and disadvantages. Despite the common features, bankruptcy procedures in the world have significant differences. At first glance, they may not be obvious, but with a detailed study of the legislation, the differences become apparent.

Keywords: bankruptcy, private international law, cross-border insolvency, conflict of laws, jurisdictional competence, international agreements, legal regulation, globalization

For citation: Ziganshin, A. L. Bankruptcy in foreign private law (on the example of the USA, Japan and Germany). *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):34-39. (In Russ.)

Введение

Банкротство в условиях глобализации и развития международной торговли является особой проблемой. Множество компаний ведут свою деятельность в различных сферах по всему миру, однако национальное законодательство и практика государств по процедурам банкротства значительно отличаются, что приводит к постоянным спорам.

Банкротство в международном частном праве является правовым институтом, который решает вопросы о признании несостоятельности, определении юрисдикции суда и выборе права государств. Эти основные аспекты коллизионного права очень важны для защиты интересов кредиторов и справедливого распределения активов должника.

Методы

В ходе исследования использовался комплекс методов (метод индукции и дедукции, метод анализа и синтеза, метод от абстрактного к конкретному, метод сравнения), что позволило с наибольшей достоверностью исследовать сложный институт банкротства.

Теоретический анализ нормативной базы института банкротства проводился применительно к отдельным странам – США, Германии, Японии и позволил выявить в соответствующих процедурах общее и особенное.

Анализ сопровождается синтезом, что помогло проникнуть в сущность изучаемой системы. Метод сравнения позволил определить различия или общность исследуемого объекта со смежными категориями. Метод индукции и дедукции применительно к теме обусловил формирование целостного представления о банкротстве и дал возможность соединить все связи и отношения и сделать частные выводы.

Результаты исследования

В мире было потрачено огромное количество усилий для унификации норм о банкротстве. Большой вклад в решение вопроса о трансграничной несостоятельности внесла Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), которая создала основу для упрощения данной процедуры¹.

Процедура банкротства подчиняется праву суда (*lex fori*), что указывает на прямое использование права страны рассмотрения спора. В модифицированной модели универсализма право, применяемое в банкротстве, определяется с помощью двух главных понятий: «центр основных интересов» и «место ведения основной деятельности должника». Это говорит о том, что используемое законодательство зависит от того, где находится главный интерес должника [1, с. 10].

Представляется наиболее интересным рассмотреть процедуру банкротства на примере трех стран: США, Германии, Японии, где сложилась достаточно эффективная практика.

В США банкротство регулируется Федеральным законом о банкротстве², соответствующая деятельность осуществляется федеральными судами. Эта процедура имеет несколько видов, прописанных в Законе, их регулируют несколько глав: 7 (Ликвидация), 11 (Реорганизация), 13 (План погашения долга).

Ликвидация чаще всего используется физическими лицами и малыми предприятиями, суд назначает особого человека – доверительного управляющего (*trustee*). Его деятельность направлена на оценку активов должника и дальнейшую их продажу, чтобы выплатить долги кредиторам. Однако есть активы, которые нельзя оценивать и продать, они являются исключением из правил (*exemptions*), что предусмотрено для того, чтобы у банкрота сохранилось имущество, необходимое для жизни и работы. Во-первых, это жилое имущество (*homestead exemption*) до определенной стоимости, прописанной в законе штата, так как некоторые штаты полностью защищают жилье, а некоторые – частично³. Во-вторых, личное имущество, которое включает в себя одежду, мебель, бытовую технику, книги, фотографии. На-

¹ ЮНСИТРАЛ. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (1997 г.). URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency (дата обращения: 07.11.2024).

² Кодекс США о банкротстве (Title 11 of the United States Code). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11>.

³ Florida Constitution, Article X, Section 4. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_State_of_Florida_\(1968\)](https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_State_of_Florida_(1968)).

пример, во Флориде стоимость защищенного личного имущества составляет 1000 долл. В-третьих, законы большинства штатов сохраняют должнику автомобиль, однако если его стоимость превышает определенный норматив штата, то он также выставляется на продажу. Например, во Флориде должник может сохранить автомобиль стоимостью до 1000 долл., но если сумма превышает данную величину, то должник должен выплатить разницу, чтобы ему оставили автомобиль⁴.

Крупные компании и корпорации продолжают свою деятельность, но в разработку должен поступить план по реорганизации предприятия, чтобы постепенно выплачивать долги. Этот план должен быть одобрен судом.

В главе 13 (План погашения долга) идет речь о физических лицах, у которых есть постоянный доход, который погашает долги в течение 3–5 лет. После погашения долгов в соответствии с планом остаток задолженности также может быть списан⁵.

В Германии банкротство регулируется Законом о несостоятельности⁶ (Insolvenzordnung, InsO), он распространяется как на юридические, так и на физические лица. Законом предусмотрены личное и корпоративное банкротство.

Рассмотрим этапы банкротства в Германии. Во-первых, это подача заявления, которое может подать сам должник или кредитор в суд по делам о несостоятельности (Insolvenzgericht) (ст. 13 Antrag auf Eröffnung des Insolvenzverfahrens). Компании это делают в обязательном порядке, так как уклонение повлечет за собой уголовную ответственность для руководителя (ст. 14). Следующий этап включает в себя открытие процедуры банкротства, которая состоит в оценке судом оснований для банкротства (ст. 27 Eröffnung des Insolvenzverfahrens). Далее суд признает заявление обоснованным и назначает управляющего (Insolvenzverwalter), который получает полный контроль над компанией или имуществом человека (ст. 56 Bestellung des Insolvenzverwalters). Управляющий проводит оценку имущества, составляет реестр долгов, проводит собрание кредиторов, где они обсуждают план управления активами (реорганизация). Однако если большинство не согласилось с данным планом, то управляющий продает активы должника и распределяет средства между кредиторами поочередно (ст. 66 Gläubigerversammlung). Физические лица могут оставить себе имущество, необходимое для жизнедеятельности. Компании закончат данную процедуру ликвидацией либо реструктуризацией (ст. 192 Schluss des Insolvenzverfahrens), а физические лица могут получить освобождение, которое наступит по истечении 3–5 лет, если требования суда будут выполнены (ст. 300 Restschuldbefreiung)⁷.

⁴ Florida Statutes, Chapter 222. URL: https://www.lawserver.com/law/state/florida/statutes/florida_statutes_chapter_222.

⁵ Кодекс США о банкротстве.

⁶ Закон о несостоятельности (Insolvenzordnung, InsO). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/inso/>.

⁷ Там же.

Зиганшин А. Л. Банкротство в зарубежном частном праве (на примере США, Японии и Германии)

В Японии банкротство регулируется Законом о банкротстве (Insolvency Law, 破産法, Hasan-hō), принятым в 2004 г.⁸ Разберем этапы данной процедуры, согласно положениям этого Закона.

Во-первых, заявление о банкротстве может подать как должник, так и кредиторы в окружной суд (ст. 2). Если суд признает наличие оснований, то он официально признает процедуру банкротства открытой и назначает доверительного управляющего (kanri-nin, 管理人) (ст. 3). Управляющий оценивает активы и управляет ими, а также уведомляет кредиторов о ходе процедуры (ст. 36). Далее суд назначает собрание кредиторов, где управляющий вносит предложения по дальнейшему ходу дела, а кредиторы обсуждают данный план и продажу активов. Затем управляющий распродает активы и распределяет средства в порядке очередности. В конце, после погашения всех долгов, суд выносит решение о закрытии дела о банкротстве и освобождает должника (ст. 106). Однако есть уникальная процедура реорганизации, когда должник продолжает вести бизнес в то время, когда проходит реструктуризация долгов (Saisei). Это позволяет полностью не разориться. Эта особенность отличает процедуру банкротства в Японии от банкротства в других странах.

Заключение

Банкротство в международном частном праве регулируется сложной и многогранной системой норм, которая существенно различается в зависимости от правовой системы и культурных особенностей каждой страны.

США характеризуются гибкостью и адаптивностью законодательства о банкротстве, что позволяет эффективно реструктурировать долги и сохранять предприятия. Германия придерживается более консервативного подхода: здесь основное внимание уделяется сохранению целостности бизнеса и защите рабочих мест. Япония сочетает элементы обоих подходов, стремясь к балансу между защитой кредиторов и сохранением бизнеса.

Таким образом, было рассмотрено три процедуры банкротства в различных странах. Из этого мы можем сделать вывод, что процедуры банкротства в разных странах мира имеют сходные черты. Имеются и отличия, которые сформировались благодаря историческим и культурным факторам каждой страны.

Список источников

1. Рягузов А. А. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 229 с.

References

1. Ryaguzov, A. A. *Legal Regulation of Cross-Border Insolvency*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2008. 229 p. (In Russ.)

⁸ Закон о банкротстве Японии (破産法, Hasan-hō). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/6955>.

A. L. Ziganshin. Bankruptcy in foreign private law (on the example of the USA, Japan and Germany)

Информация об авторе

А. Л. Зиганшин – студент 4 курса.

Information about the author

A. L. Ziganshin – 4rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.11.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 26.11.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 347.736

EDN: DYNQVN

О порядке определения размера субсидиарной ответственности по статье 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве)

Ирина Александровна Любимова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,

Москва, Российская Федерация

✉ *ira.lubi@gmail.ru*

*Научный руководитель: В. В. Шелудяев, старший преподаватель
кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения размера субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по основанию, предусмотренному ст. 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве). В связи с отсутствием легально закрепленного механизма включения тех или иных обязательств в размер субсидиарной ответственности контролирующего лица на практике распространены случаи неверного определения объема ответственности лица исходя из даты представления исполнения по договору. На основе анализа правоприменительной практики предлагается использовать подход, согласно которому обязательства, возникшие из договора, заключенного до даты возникновения на стороне контролирующего лица обязанности по подаче заявления должника о признании его несостоятельным, не входят в размер субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, заявление должника о признании его банкротом, контролирующие лица, размер субсидиарной ответственности

Для цитирования: Любимова И. А. О порядке определения размера субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 40–49.

Original article

On the Question of the Procedure for Determining the Amount of Subsidiary Liability Under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)

Irina A. Lyubimova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

✉ *ira.lubi@gmail.ru*

Scientific supervisor: V. V. Sheludyaev, Senior Lecturer of the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This article addresses the problem of determining the amount of subsidiary liability of a controlling debtor on the basis provided for in Art. 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy). In the absence of a legally established mechanism for including certain obligations in the amount of subsidiary liability of the controlling person. In practice, cases of incorrect determination of the extent of liability of a person based on the date of performance of the contract are common. After analyzing the law enforcement practice, it is proposed to use an approach whereby obligations arising from a contract concluded before the date on which the controlling person's party becomes liable for filing for insolvency of the debtor, not included in the amount of subsidiary liability.

Keywords: bankruptcy, subsidiary liability, declaration of the debtor to be declared bankrupt, controlling persons, amount of subsidiary liability

For citation: Lyubimova, I. A. On the question of the procedure for determining the amount of subsidiary liability under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy) . *Femida. Science = Themis.Science*. 2025;(1):40-49. (In Russ.)

Согласно ст. 61.12 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд, а равно по созыву заседания для принятия такого решения в предусмотренных законом случаях, а также в кратчайший срок, но не позднее чем через месяц с даты возникновения соответствующих обстоятельств влечет за собой субсидиарную ответственность лиц, на которых возложена такая обязанность.

Представляется, что одним из проблемных вопросов, связанных с субсидиарной ответственностью контролирующего должника лица по указанному выше основанию, является размер ответственности, которую несет лицо. Особенность заключается в сложности механизма расчета размера ответственности в сравнении со ст. 61.11 Закона о банкротстве, также

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

предусматривающей субсидиарную ответственность контролирующего должника лица, но по иному основанию. Сложность расчета вызвана тем, что ответственность рассчитывается отдельно для каждого из лиц в зависимости от периода, в который они осуществляли функции контролирующего должника лица, и тех обязательств, которые возникли во вменяемый такому лицу период.

Чтобы рассмотреть вопрос размера ответственности, необходимо в первую очередь установить круг лиц, на которых непосредственно возложена обязанность по подаче заявления о банкротстве юридического лица согласно положениям ст. 61.12 Закона о банкротстве.

Непосредственно лицами, уполномоченными на созыв заседания для принятия решения о подаче заявления в арбитражный суд и (или) на принятие такого решения самостоятельно, являются руководитель должника, ликвидационная комиссия, учредитель (участник) должника, собственник имущества должника – унитарного предприятия [1].

Необходимо отметить, что субсидиарную ответственность также несет и номинальный руководитель организации. Так как фактически номинальные руководители не являются конечными выгодоприобретателями в случае вывода имущества должника в преддверии банкротства, целесообразность их привлечения к субсидиарной ответственности отсутствует. Тем не менее правоприменительная практика² пришла к выводу о том, что руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление, не утрачивает статус контролирующего лица, который принадлежит ему в силу должности. Ведь подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом [2]. Данная точка зрения подтверждается и в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»³ (далее – Постановление Пленума № 53).

К лицам, привлекаемым по ст. 61.12 Закона о банкротстве, относятся управомоченные созывать внеочередное собрание участников общества, акционеров – коллегиальный исполнительный орган, наблюдательный совет общества, ревизионная комиссия, аудиторская организация, а также участники общества, обладающие в совокупности не менее чем одной десятой от общего числа голосов участников общества, если уставом общества не предусмотрено, что для созыва внеочередного собрания участников общества требуется меньшее количество голосов.

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29 июля 2024 г. № Ф10-2267/2024 по делу № А64-3990/2019. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

Необходимо отметить, что лица, управомоченные созывать внеочередное собрание участников, акционеров общества, подлежат привлечению к субсидиарной ответственности при наличии определенных условий:

1) лицо должно являться контролирующим, в том числе исходя из не опровергнутых им презумпций о контроле мажоритарного участника корпорации;

2) лицо не могло не знать о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии должника обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, и о невыполнении ими данной обязанности;

3) лицо обладало полномочиями по созыву собрания коллегиального органа должника, к компетенции которого отнесено принятие корпоративного решения о ликвидации, или обладало полномочиями по самостоятельному принятию соответствующего решения;

4) лицо не совершило надлежащим образом действия, направленные на созыв собрания коллегиального органа управления для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве или на принятие такого решения (п. 13 Постановления Пленума № 53).

Стоит заметить, что закон не применяет прямо к этим лицам термин «контролирующее должника лицо», хотя, исходя из положений ч. 3.1 ст. 9 Закона о банкротстве, речь идет именно о них. Представляется, что это связано с тем, что понятие контролирующего должника лица хоть и охватывает вышеназванных субъектов, но придало бы излишне широкое толкование норме права.

Переходя к вопросу о размере субсидиарной ответственности, подчеркнем, что размер ответственности непосредственно зависит от периода, в который привлекаемое к ответственности лицо выполняло функции контролирующего лица и в течение которого на лице лежала соответствующая обязанность по подаче заявления должника в суд и собранию высшего органа юридического лица.

Размер ответственности равен размеру обязательств должника перед конкретными кредиторами [3, с. 455], возникших после истечения месячного срока⁴ с момента возникновения обязанности по обращению с заявлением должника и до возбуждения дела о банкротстве должника (возврата заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом).

Исходя из телеологического подхода, а также опираясь на толкование Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому наличие причинно-следственной связи между неподачей контролирующим должника лицом заявления о банкротстве и невозможностью удовлетворения требований кредиторов, обязательства перед которыми возникли в период просрочки подачи заявления о банкротстве, презюмируется, можно сделать вывод о прямом назначении данного положения относительно обязательств контролирующего должника лица перед кредиторами (п. 12 Постановления Пленума № 53).

⁴ Необходимо уточнить, что в соответствии с ч. 3 ст. 9 Закона о банкротстве для ликвидационной комиссии установлен десятидневный срок для подачи заявления.

Целесообразно обратиться к оценке правовой природы субсидиарной ответственности в целом. Так, в соответствии с Постановлением Пленума № 53 субсидиарная ответственность определяется как форма деликтной юридической ответственности ввиду возможности применения к ее правовому регулированию положений глав о деликтной ответственности Гражданского кодекса Российской Федерации. С таким подходом соглашаются большинство отечественных специалистов [4; 5; 6], в том числе О. В. Гутников [7, с. 65–66], указывающий на то, что субсидиарная ответственность в банкротстве представляется как возмещение кредиторам вреда, который был причинен неправомерными действиями должника (в контексте ст. 61.12 Закона о банкротстве речь идет о бездействии). Тем не менее существуют и иные позиции, согласно которым субсидиарная ответственность относится к дополнительной юридической ответственности [8].

Представляется, что в данном случае более точной является позиция Верховного Суда Российской Федерации. Независимо от специфики природы, являясь в первую очередь юридической ответственностью в целом, субсидиарная ответственность в банкротстве имеет компенсаторный характер, который подтверждается также требованием к наличию причинно-следственной связи. Цель применения института субсидиарной ответственности в правоотношениях банкротства – восстановление имущественных прав кредиторов.

Соответственно, размер субсидиарной ответственности определяется так и никак иначе, поскольку по своей функции она является формой защиты прав кредитора, который оказал доверие руководителю юридического лица, осознающего, что он не сможет предоставить встречное исполнение. Цели «наказать» и привлечь контролирующее должника лицо к максимально возможной субсидиарной ответственности закон не преследует.

Данное понимание также исходит из толкования ст. 61.11 Закона о банкротстве, в которой закрепляются положения об ответственности контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов. Так как Закон предусматривает прямую причинно-следственную связь между действиями лиц и невозможностью погасить требования кредиторов, то здесь прослеживается деликтная природа субсидиарной ответственности. В свою очередь, деликтная ответственность основывается на общем принципе возмещения равных убытков, закрепленном в ст. 15 ГК РФ, и уже упомянутой компенсаторной функции юридической ответственности в целом.

В связи с изложенным дискуссионным, по нашему мнению, является вопрос о порядке определения объема обязательств, предъявляемых контролирующему должника лицу при установлении размера субсидиарной ответственности последнего. Несмотря на то что этот вопрос не был предметом специального изучения отечественными цивилистами и правоприменителями, это не означает, что он не имеет практического значения.

Правильное определение объема обязательств, учитываемых при определении субсидиарной ответственности, позволяет с большей степенью достоверности установить ее размер. Как было указано выше, субсидиарная ответственность – это не мера наказания в отношении лица, а механизм

защиты права кредитора, и неверное ее исчисление, таким образом, нарушает права лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности.

Видится необходимым установить, какие обязательства, возникшие после истечения месячного срока, включаются в размер субсидиарной ответственности. В этом случае представляет интерес не характер обязательства, а тот критерий, которым руководствуется правоприменитель, определяя обязательства, входящие в размер ответственности. К этому вопросу можно подойти с двух сторон.

По общему правилу обязательства возникают из юридических фактов, в нашем случае – вследствие заключения договора⁵, в результате согласования воли и волеизъявления двух сторон. Несмотря на этот, весьма привычный подход, на практике распространен иной порядок определения размера субсидиарной ответственности.

Так, при привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности конкурсный управляющий руководствуется моментом представления кредитором исполнения по договору. То есть при уже заключенном договоре под датой возникновения интересующего нас обязательства понимается не фактическое его возникновение, а непосредственное исполнение, в том числе по даящимся правоотношениям.

В качестве примера подобной судебной практики рассмотрим решение Арбитражного суда Иркутской области от 17 сентября 2024 г.⁶ во взаимосвязи с решением Арбитражного суда города Санкт-Петербург и Ленинградской области от 17 сентября 2021 г.⁷ Исходя из материалов дела, договор, неисполненные обязательства по которому были заявлены в качестве основания для привлечения к субсидиарной ответственности, был заключен между сторонами 13 марта 2020 г., в то время как дата «объективного банкротства» должника, установленная судом, 31 декабря 2021 г., т. е. договор был заключен до указанной даты.

Стоит заметить, что дефиниция «объективное банкротство» не закреплена законодательно, а используется исключительно в актах судебной практики. Так, впервые это понятие было использовано Верховным Судом Российской Федерации в Определении 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17-1801⁸, а позже в Постановлении Пленума № 53 как момент, в который должник стал не способен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

⁵ Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2019). С. 324 (дата обращения: 31.10.24).

⁶ Решение Арбитражного суда Иркутской области от 17 сентября 2024 г. по делу № А19-15804/2023.

⁷ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербург и Ленинградской области от 17 сентября 2024 г. по делу № А56-50503/2021.

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2017 г. по делу № А50-5458/2015.

Необходимо уточнить, что понятие «объективное банкротство» не тождественно понятию «неплатежеспособность», определяемому как прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств [9, с. 7], а скорее, они соотносимы как целое и часть.

В соответствии с правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации правоприменителю было бы целесообразнее включать в субсидиарную ответственность только те представленные кредитором исполнения, договоры по которым были заключены после даты «объективного банкротства». Тем не менее в приведенном случае суд включил в субсидиарную ответственность все исполнения, представленные кредитором, даже те, на дату совершения которых должник еще не отвечал признаку неплатежеспособности.

Подобный подход представляется нам неверным, потому что не только ущемляет права контролирующего должника лица, но и по своей сути противоречит существу субсидиарной ответственности.

Однако в отечественной судебной практике существуют и иные подходы к определению характера обязательств, включаемых в размер субсидиарной ответственности.

В частности, подход, сформулированный Тринадцатым арбитражным апелляционным судом, представляется одним из самых удачных. Так, суд отказал в привлечении к субсидиарной ответственности, исходя из того, что значение субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом состоит в исправлении негативных последствий для введенных в заблуждение кредиторов, по неведению предоставивших исполнение лицу, являющемуся в действительности банкротом, явно неспособному на встречное исполнение. Суд апелляционной инстанции полагает, что во внимание следует принять именно дату заключения договора, а не дату совершения исполнения по нему, поскольку именно в момент заключения договора кредитор оказывает доверие должнику, в дальнейшем же исполнение по договору является его обязанностью⁹.

То есть суд приходит к выводу о том, что ключевой критерий для разграничения, какие именно обязательства входят в размер субсидиарной ответственности, – это момент оказания доверия кредитором в отношении контролирующего должника лица. Это исходит из назначения ст. 61.12, призванной защитить права тех кредиторов, которые оказали доверие уже неплатежеспособному должнику, о чем контролирующее лицо было осведомлено. Доверие оказывается именно на момент заключения договора с должником, а не на этапе его исполнения.

Данная позиция представляется наиболее соответствующей букве закона, так как исходит из указанного выше понимания субсидиарной ответственности контролирующего должника лица. Этот подход был поддержан в ряде актов Тринадцатого арбитражного суда, в которых разрешались

⁹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2023 г. № 13АП-34266/22 по делу № А56-20600/2020.

I. A. Lyubimova. On the question of the procedure for determining the amount of subsidiary liability

аналогичные вопросы субсидиарной ответственности¹⁰, а также Арбитражным судом Северо-Западного округа¹¹.

Руководствуясь таким подходом к определению размера субсидиарной ответственности в деле, представленном ранее, суду следовало отказать в привлечении к субсидиарной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 61.12 Закона о банкротстве, поскольку кредитором было оказано доверие должнику еще до даты «объективного банкротства» и возникновения на стороне субсидиарного ответчика обязанности по обращению в суд с заявлением должника о признании его несостоятельным (банкротом). Его права в отношении этого конкретного правоотношения попросту не нуждаются в защите, предоставляемой ст. 61.12 Закона о банкротстве.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что разграничение обязательств, включаемых в размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, следует проводить по моменту заключения договора с должником ввиду того, что доверие кредитором оказывается именно при заключении договора, а следовательно, все обязательства из договора, заключенного до даты возникновения на стороне контролирующего лица обязанности по подаче заявления должника о признании его несостоятельным (банкротом), вне зависимости от даты представления кредитором исполнения должнику по такому договору, не подлежат включению в размер субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве).

Список источников

1. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 248–273.
2. Шишкина Е. В. Субсидиарная ответственность номинального руководителя в рамках дела о банкротстве // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 110–118.
3. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : моногр. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2019. 488 с.
4. Пархоменко А. Д. Субсидиарная ответственность как механизм противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица // Российский судья. 2022. № 5. С. 21–24.
5. Морхат П. М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 4. С. 68–79.

¹⁰ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2023 г. № 13АП-33305/23 по делу № А56-108534/2019.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 мая 2024 г. № 07-2218/24 по делу № А56-108534/2019.

6. Алекперов Д. С. оглы. Соотношение правил о субсидиарной ответственности при банкротстве и генеральном деликте // Арбитражные споры : электрон. изд. 2023. № 4. С. 8.
7. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77.
8. Суворов Е. Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 42–49.
9. Карелина С. А. Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. 2020. № 3 (518). С. 32–47.

References

1. Golubtsov, V. G. Subsidiary liability of persons controlling a debtor: legislative approach evolution. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2020;(48):248-273. (In Russ.)
2. Shishkina, E. V. Subsidiary liability of the nominal head in bankruptcy case. *Khozyajstvo i pravo = Economy and Law*. 2022;(1):110-118. (In Russ.)
3. Gutnikov, O. V. *Corporate liability in civil law*. Monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2019. 488 p. (In Russ.)
4. Parkhomenko, A. D. Subsidiary liability as a mechanism of combating of abuse of the legal entity structure. *Rossiskij sud'ya = Russian Judge*. 2022;(5):21-24. (In Russ.)
5. Morkhat, P. M. Subsidiary liability in bankruptcy cases as an independent (main) liability of the controlling debtor for breach of duty to act in good faith and reasonably towards creditors of the controlled person. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga = Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District*. 2019;(4):68-79. (In Russ.)
6. Alekperov, D. S. ogli. Ratio of bankruptcy liability and general tort rules. *Arbitrazhnye spory = Arbitration Disputes*. E-edition. 2023;(4):8. (In Russ.)
7. Gutnikov, O. V. Subsidiary liability in the legislation on legal entities: issues of legal regulation and legal nature. *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018;(1):45-77. (In Russ.)
8. Suvorov, E. D. On the legal nature of the secondary liability for obligations of an insolvent debtor in case of bringing it to bankruptcy. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018;(7):42-49. (In Russ.)
9. Karelina, S. A. The signs of objective bankruptcy used in determining the grounds for bringing to the subsidiary liability for the impossibility of full payment of creditors' claims due to actions and (or) Failure of the controlling debtor. *Khozyajstvo i pravo = Economy and Law*. 2020;(3):32-47. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Любимова – студент 4 курса.

Information about the author

I. A. Lyubimova – 4rd year student.

I. A. Lyubimova. On the question of the procedure for determining the amount of subsidiary liability

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья

УДК 347.453

EDN: GHSZID

О способах преодоления запрета на сдачу публичного недвижимого имущества в субаренду

Алексей Анатольевич Максуров

*Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль,
Российская Федерация*

✉ alex.maks.yarosl@gmail.com

Аннотация. Эффективность использования недвижимого имущества, находящегося в публичной собственности, остается актуальным вопросом права. Предполагается, что оптимальное извлечение из публичной недвижимости всех ее полезных свойств возможно, в частности, путем привлечения к использованию того или иного объекта наиболее широкого круга лиц, например посредством предоставления недвижимости в субаренду. Тем не менее на пути заключения субарендных отношений стоит несовершенный до настоящего времени правовой механизм передачи данного имущества субарендатору. Автор доказывает, что существующий алгоритм формирования субарендных отношений не учитывает целей обособления и использования публичной собственности на недвижимость. В результате применения методов системного анализа, приемов формальной логики, а также анализа и обобщения достижений доктрины и нормативного правового материала предложен выход из ситуации в виде оптимизации правового регулирования процесса предоставления публичной недвижимости в субаренду. Обоснован вывод о том, что таким выходом может стать институт преодоления запрета арендодателя на передачу имущества в субаренду, который может быть задействован в определенных случаях. Автором предлагаются правила и пути преодоления запрета арендодателя, а также указывается на необходимые ограничения такого рода возможности.

Ключевые слова: аренда, публичная собственность, недвижимое имущество, способ управления имуществом, объекты аренды, цели аренды, субаренда

Для цитирования: Максуров А. А. О способах преодоления запрета на сдачу публичного недвижимого имущества в субаренду // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 50–58.

Original article

On Ways to Overcome the Ban on Leasing Public Real Estate in Sublease

Alexey A. Maksurov*Demidov Yaroslav State University, Yaroslavl, Russian Federation*✉ *alex.maks.yarosl@gmail.com*

Abstract. The efficiency of using publicly owned real estate remains a pressing legal issue. It is assumed that the optimal extraction of all useful properties from public real estate is possible, including by involving the widest possible range of persons in the use of a particular object, for example, by subletting real estate. However, the conclusion of sublease relations is hindered by the currently imperfect legal mechanism for transferring this property to the subtenant. The author proves that the existing algorithm for forming sublease relations does not take into account the goals of separating and using public ownership of real estate. By applying methods of system analysis, techniques of formal logic, as well as analysis and generalization of the achievements of the doctrine and regulatory legal material, a way out of the situation is proposed in the form of optimization of legal regulation of the process of subletting public real estate. The conclusion is substantiated that such a way out can be the institute for overcoming the landlord's ban on transferring property to sublease, which can be used in certain cases. The author proposes rules and ways to overcome the landlord's prohibition, and also points out the necessary restrictions on this kind of opportunity.

Keywords: lease, public property, real estate, property management method, lease objects, lease purposes, sublease

For citation: Maksurov, A. A. On ways to overcome the ban on leasing public real estate in sublease. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):50-58. (In Russ.)

По общему правилу собственник недвижимого имущества свободен в распоряжении им и самостоятельно определяет пути его использования. Вместе с тем в юридической литературе справедливо указывается и на специфику распоряжения недвижимым имуществом, находящимся в публичной собственности, в том числе в части генезиса права публичной собственности и целей использования такого имущества [1, с. 110].

В частности, определение целевого назначения публичной собственности упоминалось в качестве результата юридической тактики согласования частных и публичных интересов [2, с. 52], который в итоге выражался во внешнем правовом акте – акте согласования права [3, с. 55] и был связан не только с объективными, но и с субъективными, психологическими аспектами общественно-государственной координации [4, с. 92]. В указанной связи особенности публичной собственности проявлялись в установлении пределов действий участников переговорного процесса при разрешении правового спора по поводу использования публичной недвижимости [5, с. 20], специфике обращения взыскания на имущество, находящееся в государственной собственности¹, путях вовлечения публичной собственностью

¹ Гражданское исполнительное право : учебник / под ред. А. А. Власова. М. : Экзамен, 2004. С. 181.

сти в гражданский оборот [6, с. 110] и в иных подобных случаях. Авторы относят законное и эффективное использование публичной собственности к вопросам обеспечения экономической безопасности Российской Федерации [7, с. 14].

Вместе с тем, распоряжаясь публичной собственностью и (или) используя ее, государство реализует не только экономические (в исследуемом случае – получение прибыли от сдачи имущества в аренду), но и социальные цели, нуждающиеся в координации [8, с. 122]. Сама государственно-властная управленческая деятельность такого рода представляет собой вид юридической деятельности по согласованию интересов государства и общества [9, с. 90], является частью механизма координационного регулирования существующих процессов [10, с. 22] на основе принципов координации государственных и общественных интересов [11, с. 62]. Указанным обстоятельством объясняется, помимо прочего, то, что с конца 1990-х гг. на занятиях по повышению квалификации государственных служащих, уполномоченных на действия в сфере распоряжения публичной собственностью, распоряжение этим имуществом понималось в формате координационного государства и общества [12, с. 16]. Сходное понимание предлагалось и при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти в сфере имущественных отношений [13, с. 92], а также в рамках контрольно-надзорной деятельности [14, с. 65].

Эффективность использования находящейся в публичной собственности недвижимости предполагает ко всему прочему и максимальное извлечение общественно полезных свойств из ее конкретного объекта наиболее широким кругом субъектов права, что наблюдается, например, при его сдаче в субаренду. Именно таким образом осуществляется наиболее полная реализация прав и интересов участников рынка [15, с. 141].

Закон не исключает, что государственное и муниципальное недвижимое имущество может быть передано в субаренду, однако в данном случае присутствует и определенная специфика.

Общее правило поведения в такой ситуации определено п. 2 ст. 615 ГК РФ, согласно которому арендатор вправе с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив, если иное не установлено ГК РФ или иными правовыми актами. Иными словами, сдача в субаренду возможна, но лишь с согласия арендодателя.

Тем не менее в зависимости от специфики объекта недвижимости, находящегося в федеральной собственности, законодательство предусматривает случаи отступления от такого принципа, причем как полный запрет на субаренду и переход прав, так и возможное заключение договора субаренды (передачи прав) без согласия арендодателя.

В частности, в ч. 6 ст. 71 Лесного кодекса Российской Федерации установлены 1) запрет субаренды лесного участка, когда он выделен в целях за-

готовки древесины, и 2) запрет передачи прав и обязанностей по договору аренды лесного участка другим лицам (перенаем).

Другой пример. Пункт 3 ч. 3.1 ст. 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»² подчеркивает обязательность указания в договорах аренды федерального имущества, закрепленного за унитарными и казенными предприятиями, бюджетными учреждениями, в ситуации предоставления такого имущества в аренду по иным, чем аукцион (конкурс), основаниям, положения о том, что данное имущество не может быть передано в субаренду.

Правда, существует и противоположный подход. Например, в п. 9 ст. 22 Земельного кодекса Российской Федерации установлено, что при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет арендатор земельного участка имеет право, если это не противоречит закону, в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу без согласия арендодателя, но при условии его уведомления. Несмотря на то что отдельными авторами указывается на нарушение равенства правовых возможностей субъектов права аренды в зависимости от объекта недвижимости [16, с. 10], явных экономико-правовых оснований для лишения арендатора земельного участка такого права не усматривается.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что, во-первых, передача недвижимого имущества, находящегося в федеральной собственности, в субаренду принципиально возможна, но исключительно с согласия арендодателя (общее правило); во-вторых, препятствием к такой передаче будет прямой запрет закона (первое исключение); и, в-третьих, закон предполагает случаи, когда такая передача в субаренду возможна и при отсутствии согласия на то арендодателя (второе исключение).

Вместе с тем представляется, что в подобном механизме правового регулирования не учтены как требования юридической логики, так и заслуживающие внимания социально-экономические соображения.

Прежде всего, договор субаренды крайне зависит от самого договора аренды, в частности, в силу закона он не может быть заключен на срок, превышающий срок договора аренды. Следовательно, временной континуум прав и обязанностей арендодателя и арендатора не меняется и в случае сдачи имущества в субаренду.

Далее, к договорам субаренды применяются правила о договорах аренды, если иное не установлено законом или иными правовыми актами. То есть находящееся в публичной собственности недвижимое имущество не становится предметом каких-либо обязательств иного содержательного характера.

Наконец, ответственным по договору перед арендодателем остается арендатор, за исключением перенайма (п. 2 ст. 615 ГК РФ), т. е., по сути, для арендодателя ничего не меняется и в данном случае.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

Учитывая, что источником публичной собственности изначально и исторически являются результаты трудовой, предпринимательской и иной деятельности граждан, выражающиеся, главным образом, в уплаченных ими налогах и сборах, эта собственность должна служить общественным и государственным интересам. По указанной причине представляется возможным предложить в отношении имущества, находящегося в публичной собственности, разработку института «преодоления» запрета на субаренду, когда арендатор, желающий сдать имущество в субаренду, либо субарендатор, заключивший с арендатором предварительный договор субаренды имущества, при отсутствии прямого запрета субаренды имущества для его конкретного вида могут обратиться в суд с требованием обязать арендодателя разрешить арендатору заключить договор субаренды. Арендодатель – публичный собственник обязан будет дать согласие на субаренду во всех случаях, если не докажет, что субаренда прямо противоречит закону, а также то обстоятельство, что при субаренде будет нарушен (подвергнут опасности нарушения) государственный или общественный интерес.

В то же время в целях предотвращения коррупционных проявлений и обеспечения равного доступа субъектов предпринимательской деятельности и иных лиц к недвижимому имуществу, находящемуся в публичной собственности, в части приобретения его в пользование на условиях договора аренды (субаренды) должны существовать и исключения из возможности преодолеть запрет на субаренду имущества в судебном порядке. Об актуальности построения системы таких ограничений сегодня свидетельствует и прокурорская практика [17, с. 73].

В первую очередь, субаренда без согласия публичного собственника не должна быть возможной при передаче имущества в аренду (хозяйственное ведение, оперативное управление) вне процедур аукциона (конкурса). Кроме того, субарендатору в любом случае не может быть предоставлено право выкупа данного имущества из публичной собственности в частную собственность, а также ему не могут быть предоставлены преимущественные права на заключение договора субаренды на новый срок. Представляется, что установление таких ограничений будет способствовать проведению согласованной антикоррупционной политики [18, с. 104].

Очевидно, что появление у арендатора нового пассивного дохода от сдачи федерального недвижимого имущества в субаренду, когда плата субарендатора арендатору за пользование объектом недвижимости превышает размер арендной платы, выплачиваемой самим арендатором арендодателю – собственнику, потребует и пересмотра арендной платы в сторону ее увеличения.

По общему правилу, при аренде имущества, находящегося в публичной собственности, в том числе федерального недвижимого имущества, должны быть особым образом урегулированы отдельные вопросы изменения размера арендной платы, общие правила об установлении и уплате которой предусмотрены ст. 614 ГК РФ.

Так, ч. 8 ст. 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции» предусматривает, что при заключении и (или) исполнении договора аренды его цена может быть увеличена по соглашению сторон в порядке, установлен-

ном договором. На первый взгляд, данная норма выглядит очевидной и излишней, так как и в соответствии с общими нормами ГК РФ об обязательствах, нормами об аренде предполагается изменение цены вследствие выразившегося в соглашении волеизъявления сторон. Однако в данном случае наличие такой нормы позволяет не проводить дополнительные торги, связанные лишь с изменением данного условия, что облегчает гражданский оборот. Гарантацией защиты интересов государства и общества служит указание на то, что стороны могут договориться только об увеличении арендной платы, но не о ее уменьшении: последнее нарушало бы не только публичный интерес, но и интерес иных лиц, участвовавших в торгах на право заключения договора аренды федеральной недвижимости.

Таким образом, подводя итоги исследования, отметим, что существующий порядок предоставления находящегося в публичной собственности недвижимого имущества в субаренду не соответствует правовой логике и социально-экономическим интересам, а также целям использования находящегося в публичной собственности имущества и его «связи» с предпринимательской деятельностью хозяйствующих субъектов.

Представляется верным формирование «института преодоления» запрета арендодателя на последующую субаренду принадлежащего ему федерального имущества. Такое преодоление запрета должно осуществляться по простым и понятным правилам, рассмотренным выше, в судебном порядке в состязательном процессе.

Вместе с тем закон в антикоррупционных целях должен содержать и некоторые принципиальные ограничения для такой правовой возможности, среди которых автором выделены наиболее значимые.

Передача имущества в субаренду в ряде случаев (при образовании у арендатора пассивного дохода от сдачи имущества в субаренду в большем размере, чем арендная плата) предполагает обращение к механизму увеличения арендной платы, который описан в законе и может быть признан достаточным.

Список источников

1. Таланова М. В. Эффективность норм частного права // Частно-правовые отношения в условиях глобализации. Ч. 1. Гл. 7. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2012. С. 109–116.
2. Карташов В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сб. науч. тр. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (Тамбов, 15 мая 2011 г.). Тамбов : Бизнес-Наука-Образование, 2011. С. 50–55.
3. Кивленок Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Вып. 3. Владимир : ВГПУ, 2002. С. 54–58.
4. Чернецов В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : доклады и сообщения VII Междунар. науч. конф. (Москва, 17 апр. 2007 г.). М. : РГГУ, 2007. С. 89–94.

5. Таланова М. В. Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. 2011. № 11. С. 18–24.
6. Таланова М. В. Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес : сб. ст. I Ежегод. междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию со дня рождения проф. В. С. Мартемьянова / под ред. И. В. Ершовой. М. : Юрист, 2012. С. 101–118.
7. Баранов В. М., Карташов В. Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 11–15.
8. Бриль Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V Межвуз. научн.-практ. конф. / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2007. С. 121–125.
9. Макаров И. И. Координация в праве : моногр. Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012. 340 с.
10. Карташов В. Н. Механизм координационного регулирования // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института : сб. ст. Вып. 3. Ч. 8 : Вопросы теории и истории государства и права / отв. ред. П. А. Кабанов. Нижнекамск : Нижнекам. фил. Моск. гуманит.-экон. ин-та, 2001. С. 21–25.
11. Фролов С. Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Владимир : Владимир. гос. пед. ун-т, 2002. С. 59–64.
12. Мельников Ю. И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция : сб. ст. Вып. 1 / под ред. Ю. И. Мельникова, А. А. Максурова, Г. В. Семеновой. Ярославль : Яросл. фил. Моск. фин.-юрид. акад., 2003. С. 15–18.
13. Карташов В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2007. С. 89–94.
14. Постнов А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ : материалы конф. студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 нояб. 2004 г.). Вып. 6. Ч. 1. Н. Новгород : Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2005. С. 64–67.
15. Максуров А. А. Некоторые вопросы реализации права // Право и государство: теория и практика. 2006. № 1. С. 140–142.
16. Кириллова С. В. Договор аренды земельных участков по гражданскому праву (на материалах Московского региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
17. Максуров А. А. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности: от надзора к координации // Законодательство. 2023. № 2. С. 72–80.
18. Максуров А. А. Проблемы эффективности координации деятельности по борьбе с коррупцией // Диалектика противодействия коррупции : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Казань : Познание, 2013. С. 103–106.

References

1. Talanova, M. V. Efficiency of private law norms. *Private law relations in the context of globalization*. Pt. 1. Chr. 7. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing; 2012. Pp. 109–116. (In Russ.)
2. Kartashov, V. N. On the concept of coordination legal tactics. *Development of youth legal science in the modern world*. Collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference (Tambov, 15 May 2011). Tambov: Biznes-Nauka-Obrazovanie; 2011. Pp. 50–55. (In Russ.)
3. Kivlenok, T. V. Legal act as an external form of coordination activity. *Actual problems of jurisprudence*. Collection of scientific papers. Issue 3. Vladimir: Vladimir State Pedagogical University; 2002. Pp. 54–58. (In Russ.)
4. Chernetsov, V. Yu. Psychological approach to the study of the problems of coordination legal practice. *Legislation and law enforcement in the Russian Federation*. Reports and communications of the VII International Scientific Conference (Moscow, 17 April 2007). Moscow: Russian State University of the Humanities; 2007. Pp. 89–94. (In Russ.)
5. Talanova, M. V. Economic function of mediation legal practice. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and Economics*. 2011;(11):18-24. (In Russ.)
6. Talanova, M. V. Legal design of coordination processes. In: I. V. Ershova, ed. *Law and business*. Collection of articles of the 1st Annual International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Professor V. S. Martemyanov. Moscow: Yurist; 2012. Pp. 101–118. (In Russ.)
7. Baranov, V. M., Kartashov, V. N. The main shortcomings of the coordination practice for ensuring economic security of the Russian Federation at the present stage. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Ensuring: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006;(6):11-15. (In Russ.)
8. Bril, G. G. Little-studied general social functions of coordination legal practice. In: G. G. Bril, ed. *Actual problems of the theory and history of law and state at the present stage*. Collection of scientific papers of the V Interuniversity Scientific and Practical Conference. Kostroma: Kostroma State University; 2007. Pp. 121–125. (In Russ.)
9. Makarov, I. I. *Coordination in law*. Monograph. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy; 2012. 340 p. (In Russ.)
10. Kartashov, V. N. Mechanism of coordination regulation. In: P. A. Kabanov, ed. *Bulletin of the scientific works of the Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*. Collection of articles. Issue 3. Pt. 8: Issues of the Theory and History of State and Law. Nizhnekamsk: Nizhnekamsk Branch of the Moscow Institute of Humanities and Economics; 2001. Pp. 21–25. (In Russ.)
11. Frolov, S. E. Principles of coordination activity. *Actual problems of jurisprudence*. Collection of scientific papers. Vladimir: Vladimir State Pedagogical University; 2002. Pp. 59–64. (In Russ.)
12. Melnikov, Yu. I. Forms of Coordination Interaction in Law: Coordination Seminar. In: Yu. I. Melnikov, A. A. Maksurov, G. V. Semenova, eds. *Bulletin of scientific works of the Yaroslavl branch of the Moscow Financial and Law Academy. Jurisprudence*. Collection of articles. Issue 1. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy; 2003. Pp. 15–18. (In Russ.)
13. Kartashov, V. N. Coordination legal practice of state bodies: a look at the problem of efficiency. In: G. G. Bril, ed. *Actual problems of the theory and history of law and state*

Максуров А. А. О способах преодоления запрета на сдачу имущества в субаренду

at the present stage. Collection of scientific papers of the V Interuniversity Scientific and Practical Conference. Kostroma: Kostroma State University; 2007. Pp. 89–94. (In Russ.)

14. Postnov, A. S. Control and supervision as factors in increasing the efficiency of coordination practice. *Russian law in the period of social reforms.* Materials of the conference of students, graduate students, applicants and young legal scholars (Nizhny Novgorod, 26–27 November 2004). Issue 6. Pt. 1. Nizhny Novgorod: Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University; 2005. Pp. 64–67. (In Russ.)

15. Maksurov, A. A. Some issues of implementation of law. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika = Law and State: The Theory and Practice.* 2006;(1):140-142. (In Russ.)

16. Kirillova, S. V. *Land lease agreement under civil law (based on the materials of the Moscow region).* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2005. 28 p. (In Russ.)

17. Maksurov, A. A. Powers of the prosecutor in the implementation of supervision over compliance with the rights of business entities: from supervision to coordination. *Zakonodatel'stvo = Legislation.* 2023;(2):72-80. (In Russ.)

18. Maksurov, A. A. Problems of the effectiveness of coordination of anti-corruption activities. *Dialectics of combating corruption.* Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan: Poznanie; 2013. Pp. 103–106. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Максуров – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Information about the author

A. A. Maksurov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

Научная статья

УДК 347.65

EDN: HDHIZY

Особенности правового регулирования наследования предприятий и «бизнеса» по российскому законодательству

Айсер Юнусовна Мамбетова

Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация

✉ ayserchik_777@mail.ru

Научный руководитель: Л. А. Шигонина, старший преподаватель кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. Правопреемство в гражданском праве, в частности механизм правопреемства «бизнеса», составляющего комплекс вещей и имущественных прав, имеет важное значение для обеспечения стабильности коммерческого оборота, поскольку для обеспечения его эффективности необходимо поддержание постоянного производственного процесса. Однако действующее регулирование наследования «бизнеса» – как в целом имущественного комплекса, так и в рамках наследования корпоративных прав в коммерческих организациях – не лишено недостатков. Существуют проблемы обеспечения прав наследников при выплате им компенсации в случае реализации другим наследником преимущественного права на получение в счет своей доли предприятия; при наследовании прав участия в корпоративных коммерческих организациях, в частности допустимость наследования доли участника общества с ограниченной ответственностью в тех случаях, когда наследодателем такая доля оплачена не была.

Основной целью исследования является выработка предложений по решению отдельных проблем наследования «бизнеса» как в форме наследования корпоративных прав, так и в рамках наследования предприятия, для чего необходимо выяснить и проанализировать регулятивные и правоприменительные механизмы наследования «бизнеса».

Методологическую основу исследования составили методы анализа, синтеза, юридического толкования.

В рамках проведенного исследования отмечена сложная и неоднозначная правовая регламентация наследования предприятия как объекта гражданских прав; обоснована позиция о признании недействительным свидетельства о праве на наследство при условии, что наследодатель на момент смерти не выплатил стоимость своей доли. Внесены предложения по совершенствованию гражданского законодательства в части обеспечения прав наследников при выплате им компенсации в случае реализации преимущественного права другим наследником.

Ключевые слова: наследование бизнеса, предприятие, корпоративные права, наследование корпоративных прав, наследство, гражданское право

Для цитирования: Мамбетова А. Ю. Особенности правового регулирования наследования предприятий и «бизнеса» по российскому законодательству // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 59–65.

Original article

Peculiarities of Legal Regulation of Inheritance of Enterprises and "Businesses" Under Russian Legislation

Ayser Yu. Mambetova

*Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Simferopol, Russian Federation*

✉ *ayserchik_777@mail.ru*

*Scientific supervisor: L. A. Shigonina, Senior Lecturer of the Civil Law
Department of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev*

Abstract. Succession in civil law is important to ensure the stability of commercial turnover, in particular, the mechanism of succession of "business", which is a complex of things and property rights, since to ensure its effectiveness it is necessary to maintain a constant production process. However, the existing regulation of inheritance of "business", both in the whole property complex and in the framework of inheritance of corporate rights in commercial organizations, is not without drawbacks. There are problems of ensuring the rights of heirs when paying compensation to them in the event that another heir exercises the pre-emptive right to receive his share of the enterprise; when inheriting the rights to participate in corporate commercial organizations, in particular, the admissibility of inheriting the share of a participant in a limited liability company in cases where the testator has not paid such a share.

The main purpose of the study is to develop proposals for solving individual problems of inheritance of "business", both in the form of inheritance of corporate rights and within the framework of inheritance of an enterprise, to achieve which it is necessary to clarify and analyze the regulatory and law enforcement mechanisms of inheritance of "business".

The methodological basis of the study was the methods of analysis, synthesis, and legal interpretation.

Within the framework of the conducted research, it was noted about the complex and ambiguous legal regulation of the enterprise as an object of civil rights; the position on invalidation of the certificate of inheritance was justified, provided that the testator did not pay the value of his share at the time of death; proposals were made to improve civil legislation in terms of ensuring the rights of heirs when paying compensation to them in case of sale another heir to the pre-emptive right.

Keywords: inheritance of business, enterprise, corporate rights, inheritance of corporate rights, inheritance, civil law

For citation: Mambetova, A. Yu. Peculiarities of legal regulation of inheritance of enterprises and "businesses" under Russian legislation. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):59-65. (In Russ.)

С развитием гражданского оборота, разнообразных экономических отношений возникает все больше вопросов относительно правового режима тех или иных объектов гражданских прав в отдельных частных правоотношениях. Особенно актуальными являются вопросы наследования отдельных видов имущества, в частности наследование бизнеса, что связано с

тем, что положения части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации довольно незначительно подверглись редакционным изменениям законодателя с момента ее принятия.

Сегодня действующее гражданское законодательство предполагает две формы перехода прав на бизнес в рамках наследственного правопреемства:

- 1) наследование предприятий (ст. 1178 ГК РФ);
- 2) наследование корпоративных прав в коммерческих организациях (ст. 1176 ГК РФ).

В гражданском обороте наиболее распространенной является вторая форма. Как указывает Е. Ю. Петров, «...корпоративное право предлагает более удобные способы опосредованного участия граждан в предпринимательской деятельности (ограничение личной ответственности, конфиденциальность в определенных пределах, легкость оборота прав участия)... предприниматели не стали проводить инвентаризации, оценки и другие мероприятия, направленные на регистрацию права собственности на предприятие...» [1, с. 524].

Довольно ограниченное число случаев наследования такого объекта гражданского оборота, как предприятие, как нам кажется, во многом связано с его достаточно сложной и неоднозначной правовой регламентацией. Так, норма п. 2 ст. 132 ГК РФ предусматривает, что в состав предприятия входят все виды имущества (как материальные, так и нематериальные активы), но при этом в силу п. 1 этой же нормы предприятие в целом признается недвижимостью.

В судебной практике по этому поводу отмечается, что «...предприятия как имущественные комплексы представляют собой специфический объект гражданских прав, поскольку включают в себя помимо материально-вещественных элементов – зданий, земельных участков, оборудования, сырья, готовой продукции, денежных средств, ценных бумаг и т. п. и нематериальные активы – права, требования, долги, фирменное наименование, товарные знаки и другие исключительные права...»¹.

В силу такого комплексного характера предприятия как объекта гражданских прав Е. А. Суханов отмечает, что предприятие следовало бы рассматривать не как объект права в целом, а как правовой режим совокупности имущества².

Такой комплексный характер предприятия как объекта гражданских прав обуславливает некоторые проблемы и особенности перехода на него прав в рамках наследственного правопреемства.

В основе настоящего исследования лежат общенаучные диалектический, дедуктивный и системный методы, специальные юридико-догматический, сравнительно-правовой методы, методы юридического анализа.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 5 марта 2015 г. по делу № 11-2081/2015. Доступ из СПС «Гарант».

² Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 25.

Положения ст. 1178 ГК РФ не содержат каких-либо ограничений относительно того, кто вправе наследовать предприятие. Закон устанавливает, что преимущественным правом наследовать предприятие обладает не только наследник, который на день открытия наследства зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, но и являющаяся наследником по завещанию коммерческая организация.

В то же время коммерческая цель деятельности предприятия с высокой долей вероятности предполагает, что в его состав входят те или иные средства индивидуализации. Из п. 1 ст. 1477 ГК РФ (в ранее действовавшей редакции) следует, что правообладателями товарного знака могут быть либо индивидуальные предприниматели, либо коммерческие организации, а с прекращением деятельности индивидуального предпринимателя или коммерческой организации прекращается и охрана товарного знака.

Здесь возникает обоснованный вопрос: что делать наследникам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, в случае перехода к ним прав на предприятие, в состав которого вошли права на товарный знак?

Возникает довольно странная ситуация, при которой все имущество функционирующего предприятия перешло к наследникам, но правовая охрана товарного знака (услуг или продукта, реализуемого предприятием) прекратилась. В таком случае, думается, деятельность предприятия значительно усложнится.

По нашему мнению, проблему призван разрешить Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»³, которым из п. 1 ст. 1477 ГК РФ было исключено указание на то, что обладателями прав на товарный знак могут быть исключительно индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Подобные изменения следует отметить положительно, поскольку в таком случае наследники смогут стать полноценными правообладателями предприятия как объекта права.

Другой вопрос, связанный с наследованием предприятия, возникает применительно к соблюдению прав наследников, не являющихся предпринимателями, в случае реализации другим наследником преимущественного права наследования предприятия.

Абзац 1 ст. 1178 ГК РФ указывает, что в данном случае должны соблюдаться положения ст. 1170 ГК РФ, в силу которой наследник, реализовавший преимущественное право приобретения наследства, но получивший наследственное имущество в размере большем, чем приходится на его долю, обязан выплатить другим наследникам компенсацию. Проблема состоит в том, что ценность предприятия связана не только и не столько с имуществом, входящим в его состав, сколько с потенциальной будущей прибылью, которую это предприятие может принести, ввиду чего было не вполне правильно не учитывать данный фактор при расчете отмеченной компенсации.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 27. Ст. 4594.

Однако положения ст. 1178 ГК РФ ничего не устанавливают относительно того, как подобная компенсация должна рассчитываться применительно к предприятию. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»⁴ также не содержит решения поставленного вопроса.

В то же время экономической науке известен такой способ оценки, как доходный. Как указывает М. А. Шуклина, «...данный подход к оценке считается наиболее приемлемым с точки зрения инвестиционных мотивов, поскольку любой инвестор, вкладывающий деньги в действующее предприятие, в конечном счете покупает не набор активов, а поток будущих доходов, позволяющий ему окупить вложенные средства, получить отдачу и повысить свое благосостояние...»⁵. Нормативно данный подход означает, что «...оценщик определяет стоимость объекта оценки на основе ожидаемых будущих денежных потоков или иных прогнозных финансовых показателей деятельности организации, ведущей бизнес (в частности, прибыли)...»⁶.

Как нам представляется, применение исключительно такого подхода к оценке предприятия – для целей ст. 1170 ГК РФ – позволит соблюсти права других наследников в тех случаях, когда реализация преимущественного права, предусмотренного абз. 1 ст. 1178 ГК РФ, повлекла получение наследником-предпринимателем имущества (в виде предприятия) сверх принадлежащей ему доли в праве на наследство. В связи с этим считаем необходимым закрепить в ст. 1178 ГК РФ, что для целей определения компенсации, предусмотренной ст. 1170 ГК РФ, при наследовании предприятия подлежит применению исключительно доходный подход к оценке стоимости предприятия.

Не лишена проблем и вторая из отмеченных выше форм наследования бизнеса – наследование корпоративных прав.

Так, в судебной практике возник вопрос, подлежит ли признанию недействительным свидетельство о праве на наследство в виде доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), если наследодателем не была оплачена принадлежавшая ему доля?

По одному из дел суд отказал наследнику в признании недействительным свидетельства о праве на наследство, согласно которому ответчику в порядке наследования перешло право на долю в уставном капитале ООО. Истец мотивировал свои требования тем, что на момент смерти наследодатель не внес в уставной капитал ООО средства для оплаты своей доли. Данные выводы были признаны судами несостоятельными, поскольку све-

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁵ Косорукова И. В., Секачев С. А., Шуклина М. А. Оценка стоимости ценных бумаг и бизнеса : учебник / под ред. И. В. Косоруковой. М. : Моск. фин.-промышл. ун-т «Синергия», 2016. С. 303.

⁶ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 1 июня 2015 г. № 326 «Об утверждении Федерального стандарта оценки “Оценка бизнеса (ФСО № 8)”» (ред. от 14.04.2022 № 200). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дения о праве наследодателя на долю в уставном капитале ООО содержатся в ЕГРЮЛ, в период жизни наследодателя остальные участники ООО каких-либо требований по факту неоплаты доли к наследодателю не предъявляли⁷.

По своей сути мотивировка указанных судебных актов свелась к тому, что, поскольку принадлежность доли наследодателю была отражена в ЕГРЮЛ, ООО каких-либо требований при жизни наследодателя не заявляло, свидетельство о праве на наследство недействительным быть признано не может.

Полагаем такую позицию неверной. Так, п. 3 ст. 16 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁸ (далее – Закон № 14-ФЗ) устанавливает: «...в случае неполной оплаты доли в уставном капитале общества в течение срока... неоплаченная часть доли переходит к обществу...».

Соответственно, переход доли к ООО в случае ее неоплаты участником закон связывает исключительно с истечением срока для такой оплаты. Данный вывод косвенно вытекает из п. 3 ст. 24 Закона № 14-ФЗ, согласно которому «распределение доли или части доли между участниками общества допускается только в случае, если до перехода доли или части доли к обществу они были оплачены или за них была предоставлена компенсация».

Аналогичная позиция сложилась и в судебной практике⁹. Более того, некоторые суды отмечают, что поскольку в данном случае доля переходит к ООО в силу закона, то какое-либо решение общего собрания ООО, государственная регистрация такой доли в ЕГРЮЛ за ООО не требуются¹⁰.

Соответственно, в отмеченном выше деле суды, по нашему мнению, должны были установить, была ли в действительности оплачена наследодателем доля в ООО, и в случае, если доля оплачена не была, признать выданное свидетельство о наследстве недействительным как выданное в отношении имущества, не принадлежавшего наследодателю на момент открытия наследства.

С учетом проведенного исследования можем прийти к следующим выводам.

1. В гражданском обороте наиболее распространенной формой наследования бизнеса является наследование корпоративных прав, что во многом

⁷ См. определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 июня 2022 г. № 88-11255/2022, определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 г. по делу № 88-2899/2021. Доступ из СПС «Гарант».

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

⁹ См. постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 октября 2021 г. № Ф08-10218/21 по делу № А32-28886/2020, постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 февраля 2019 г. № Ф05-197/19 по делу № А40-187263/2018, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27 августа 2018 г. № Ф06-36170/18 по делу № А12-42072/2017. Доступ из СПС «Гарант».

¹⁰ См. постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 апреля 2018 г. № Ф10-1339/18 по делу № А62-4970/2017. Доступ из СПС «Гарант».

связано с довольно сложной и неоднозначной правовой регламентацией предприятия как объекта гражданских прав.

2. Применение исключительно доходного подхода к оценке предприятия – для целей ст. 1170 ГК РФ – позволит соблюсти права других наследников в тех случаях, когда реализация преимущественного права, предусмотренного абз. 1 ст. 1178 ГК РФ, повлекла получение наследником-предпринимателем имущества (в виде предприятия) сверх принадлежащей ему доли в праве на наследство. В связи с этим считаем необходимым закрепить в ст. 1178 ГК РФ, что для целей определения компенсации, предусмотренной ст. 1170 ГК РФ, при наследовании предприятия подлежит применению исключительно доходный подход к оценке стоимости предприятия.

3. Переход доли к ООО в случае ее неоплаты участником закон связывает исключительно с истечением срока для такой оплаты. Ввиду этого в случае, если наследодателем не была оплачена доля в уставном капитале ООО, свидетельство о наследстве на такую долю подлежит признанию недействительным как выданное в отношении имущества, не принадлежавшего наследодателю на момент открытия наследства.

Список источников

1. Петров Е. Ю. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации. М. : М-Логос, 2018. 656 с.

References

1. Petrov, E. Yu. Inheritance law: an article-by-article commentary on Articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos; 2018. 656 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Ю. Мамбетова – студент 3 курса.

Information about the author

A. Yu. Mambetova – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 06.11.2024.

The article was submitted 04.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 06.11.2024.

Научная статья

УДК 347.1

EDN: HDZITQ

Соотношение принципов свободы договора и равенства участников гражданских правоотношений в системе принципов гражданского права

Андрей Андреевич Мариев

*Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация*

✉ andreymariev4@gmail.com

*Научный руководитель: Л. А. Шигонина, старший преподаватель кафедры
гражданского права Крымского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. Принципы свободы договора и равенства участников гражданских правоотношений в настоящее время выполняют особые функции в гражданско-правовом регулировании общественных отношений. Исследуемые в настоящей работе нормативные предписания служат гарантией для нормального функционирования рыночной экономики, обеспечивают гражданам и юридическим лицам возможность свободно реализовывать свои интересы. Анализ принципов свободы договора и равенства участников необходим для теоретической подготовки надлежащего законодательного регулирования, наиболее полного обеспечения экономических прав лиц.

Работа выполнена на основе изучения научной литературы о принципах гражданского права, их основных признаках и особенностях. В связи с указанными обстоятельствами представляется необходимым провести исследование принципов свободы договора и равенства в их взаимосвязи, с одной стороны, с другой – в контексте системных особенностей отраслевых принципов гражданского права с учетом характера их содержательного взаимодействия.

В результате проведенного исследования предложено содержательное описание исследуемых явлений в контексте их взаимной обусловленности, определены особенности внутрисистемного действия нормативных правовых предписаний-принципов. Обосновано, что принципы гражданского права образуют целостное системное единство, источником которого являются объективно складывающиеся общественные отношения.

Ключевые слова: принципы гражданского права, равенство, свобода договора, ограничение свободы договора, основополагающие начала

Для цитирования: Мариев А. А. Соотношение принципов свободы договора и равенства участников гражданских правоотношений в системе принципов гражданского права // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 66–75.

Original article

The Correlation of the Principles of Freedom of Contract and Equality of Participants in Civil Relations in the System of Principles of Civil Law

Andrey A. Mariev

*Crimean Branch, Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, Simferopol, Russian Federation*

✉ andreymariev4@gmail.com

*Scientific supervisor: L. A. Shigonina, Senior Lecturer of the Civil Law
Department of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev*

Abstract. The principles of freedom of contract and equality currently carry out special functions in the civil law regulation of public relations. The normative prescriptions studied in this work serve as a guarantee for the normal functioning of the market economy, provide citizens and legal entities with the opportunity to freely realize their interests. The analysis of the principles of freedom of contract and equality of participants is necessary for the theoretical preparation of proper legislative regulation, the most complete provision of economic rights of persons.

The work is based on the study of scientific material on the principles of civil law, their main features. In connection with these circumstances, it seems necessary to conduct a study of the principles of freedom of contract and equality in their interrelation, on the one hand, and on the other, in the context of the systemic features of branch principles of civil law, taking into account the nature of their meaningful interaction.

As a result of the conducted research, a meaningful description of the studied phenomena is proposed in the context of their mutual conditionality, the features of the intra-system action of normative legal prescriptions-principles are determined. It is proved that the principles of civil law form an integral systemic unity, the source of which is objectively developing social relations.

Keywords: principles of civil law, equality, freedom of contract, restriction of freedom of contract, fundamental principles

For citation: Mariev, A. A. The correlation of the principles of freedom of contract and equality of participants in civil relations in the system of principles of civil law. *Femida.Science = Themis. Science*. 2025;(1):66-75. (In Russ.)

Отраслевые принципы гражданского права, представляя собой важные нормативные правовые предписания, в современных условиях гражданского оборота приобретают особую значимость. С учетом появления новых свойств гражданских правоотношений, обусловленных, например, созданием современных технологий, средств коммуникации и др., появляется необходимость исследования основополагающих начал правового регулирования, в частности, принципов свободы договора и равенства участников гражданских правоотношений, направленных на содействие развитию основных сфер общественной жизни, качественное усовершенствование взаимодействия субъектов, интеграцию и согласование их законных интересов.

Принципы гражданского права, образуя систему нормативных правовых предписаний, могут быть охарактеризованы исключительно с учетом их особенных свойств. В связи с этим появляются основания полагать, что подходить к исследованию отраслевых принципов гражданского права целесообразнее с применением синергетической методологии, теории систем, что составляет актуальность и научную новизну настоящей работы.

Основополагающие начала, закрепленные посредством нормативных правовых предписаний-принципов, содержание которых определено свойствами регулируемых общественных отношений, служат одним из средств для разграничения различных отраслей объективного юридического права, что свидетельствует об их качественной связанности. Именно посредством установления или санкционирования рассматриваемых явлений осуществляется правовое оформление общественных отношений на основании познанных закономерностей конкретной сферы социальной жизни.

Стоит отметить, что принципы гражданского права как отрасли права имеют двойственную регулирующую способность, занимают особое место в механизме государственно-правового воздействия на общественные отношения. Данное обстоятельство выражается во влиянии отраслевых принципов как на нормативное, в частности законодательное, регулирование, так и на практику применения гражданско-правовых норм. Воздействие отраслевых принципов гражданского права на формирование общеобязательных правил поведения заключается в том, что они служат основой для конституирования новых институтов права, обеспечения их взаимной согласованности и связанности, содействуют последовательности в закреплении субъективных гражданских прав и субъективных гражданских обязанностей. Влияние основополагающих начал на практику применения гражданско-правовых норм выражается в том, что они служат ориентиром для системного, телеологического и иных видов толкования. Без наличия сведений о рассматриваемых правовых явлениях применение аналогии права невозможно.

Отраслевые принципы гражданского права также обнаруживают свою регулирующую способность при юридической квалификации общественных отношений, поиске относимых к конкретным жизненным обстоятельствам нормативных правовых предписаний.

С учетом обозначенных особенностей, присущих рассматриваемому правовому явлению, в комплексе с применением методологии теории систем представляется возможным охарактеризовать некоторые отраслевые принципы гражданского права, в частности принципы свободы договора и равенства участников гражданских правоотношений, определить характер взаимосвязи рассматриваемых явлений, конкретные способы и формы регулирования гражданских правоотношений.

Таким образом, современное состояние и тенденции развития гражданского оборота, объективно определяющие необходимость в системной правовой регламентации общественных отношений, обуславливают необходимость исследования отраслевых принципов гражданского права в связи с данными явлениями.

Анализ научной литературы, в которой рассматриваются принципы гражданского права, показывает общую исследовательскую направленность по интерпретации основополагающих начал как системы с взаимосвязанными элементами. Присутствуют научные подходы, авторы которых считают, что рассматриваемое явление представляет собой форму объективного юридического права [1, с. 185], правовую идею [2, с. 98], гражданско-правую норму¹.

Принимая во внимание понимание принципов гражданского права как обусловленной закономерностями экономического развития системы гражданских нормативных правовых предписаний, в которой закреплены основополагающие начала (идеи), определяющие содержание и направленность правового регулирования имущественных, а также личных неимущественных правоотношений, можно охарактеризовать рассматриваемые явления следующим образом.

С учетом иерархичности и системности нормативных правовых актов в Российской Федерации, наличия у них различной юридической силы и вытекающего из указанного положения особого характера соподчиненности можно полагать, что некоторые принципы гражданского права содержатся в Конституции Российской Федерации, например в ст. 19, закрепляющей равенство всех перед законом и судом. Предписания ст. 23 Конституции закрепляют принцип неприкосновенности частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Принцип неприкосновенности собственности закреплен в ст. 35 Конституции Российской Федерации.

Положения акта высшей юридической силы, характеризующиеся наибольшей степенью обобщенности и действием на весь объем регулируемых объективным юридическим правом общественных отношений, конкретизируются и дополняются с учетом специфики предмета воздействия в отраслевом законодательстве.

Гражданские нормативные правовые предписания ст. 1 ГК РФ закрепляют такие основополагающие начала, действие которых распространяется на все институты гражданского права, среди них: равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Выделим также такие принципы, как свобода в установлении прав и обязанностей, добросовестность, возможность ограничения прав только на основании федерального закона. При этом ст. 1 ГК РФ не является единственным формальным источником общих отраслевых принципов гражданского права: они содержатся в иных законодательных положениях, например ст. 10 ГК РФ, в которой нормативно зафиксирован принцип недопустимости злоупотребления субъективным правом.

¹ Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. С. 22.

Представляется обоснованным полагать, что часть указанных явлений в силу количества регулируемых ими общественных отношений являются общими, так как воздействуют на весь предмет гражданского права как отрасли права. С учетом такого разграничения можно выделять специальные принципы, которые распространяются на определенную подотрасль, институт гражданского права. Например, к данной группе относится принцип надлежащего исполнения обязательств, выявляемый посредством системного толкования законодательных положений ст. 309, 312, 314, 316 ГК РФ в контексте действующего гражданско-правового регулирования.

Принцип равенства участников гражданских правоотношений представляет собой закрепленную на законодательном уровне правовую концепцию, определяющую равное правовое положение субъектов гражданских правоотношений, наличие общих для всех юридических фактов – оснований для приобретения субъективных гражданских прав и обязанностей. Как указывают в научной литературе², рассматриваемое правовое явление предполагает невозможность предопределять поведение иных участников гражданского оборота, отсутствие власти и подчинения. Участники гражданских правоотношений не имеют юридически закрепленной и обеспеченной государством возможности возлагать в одностороннем порядке субъективные обязанности на других лиц, за исключением случаев, специально предусмотренных законодательством. Исследуемый принцип обеспечивает лишь формальное, юридическое равенство, общую правоспособность и принципы гражданско-правового статуса участников регулируемых правоотношений – физических, юридических лиц, публично-правовых образований. В конкретных обстоятельствах субъекты могут обладать различным объемом экономических, финансовых, информационных, технологических и иных средств, что не может служить основанием для наделения их привилегированным правовым положением. В целях обеспечения равных возможностей по реализации субъективных гражданских прав принимаются нормативные правовые акты, как, например, Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей»³.

Положения указанного акта регулируют соответствующие общественные отношения с учетом фактического неравенства участников, наделяя менее защищенную сторону таким объемом субъективных гражданских прав и гарантий, который необходим для восполнения наличной ограниченности в контексте обеспечения оптимального баланса интересов как хозяйствующего субъекта, так и физического лица – потребителя.

Отраслевой принцип равенства проявляется в конструкциях договорных правоотношений. Например, глава 50 ГК РФ, устанавливая положения о договоре товарищества, выделяет его стороны – товарищей. Нормы рассматриваемой главы не устанавливают каких-либо категорий лиц, имеющих специальные привилегии в зависимости от имущественного, социаль-

² Гражданское право. С. 23. См. также: [3, с. 89].

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

ного положения и других, а выделяют общие права и обязанности участников договорных отношений, обусловленных сущностью обязательства. В п. 2 ст. 1042 ГК РФ указано, что вклады товарищей предполагаются равными по стоимости, за исключением предусмотренных законом случаев.

Некоторые авторы, рассматривая равенство как принцип гражданского права, отмечают, что он является необходимо присущим общественным отношениям, входящим в предмет правового регулирования гражданского права, считают, что равенство – специфическая черта самих отношений, а также полагают, что «данное равенство основывается на самих отношениях» [4, с. 37].

Комментируя рассматриваемую позицию, отметим, что, по нашему мнению, равенство не является имманентно присущим имущественным и связанным с ними личным неимущественным правоотношениям, поскольку историческое развитие экономической сферы общественной жизни содержит известное количество примеров, показывающих неравные отношения между хозяйствующими субъектами. Например, в конце XIX – начале XX в. в экономиках развитых стран выявилась тенденция к монополизации отраслей общественного воспроизводства, при которой доминирующие фирмы использовали свое положение, нарушая принцип равенства, в целях извлечения сверхприбыли и неправомерного ограничения конкуренции⁴. Представляется справедливым утверждать, что отраслевой принцип равенства участников гражданских правоотношений служит проявлением правовой рационализации общественных отношений, придания им должной направленности и целесообразной формы, которая обусловлена необходимостью обеспечить стабильное и устойчивое развитие общества на основе объективных закономерностей. Данный вывод иллюстрирует предложенное в общем определении принципов гражданского права положение, согласно которому система нормативных предписаний-принципов обусловлена устойчивыми и повторяющимися взаимосвязями экономической сферы общественной жизни. Обеспечение равных возможностей в реализации имущественных интересов является необходимой предпосылкой для формирования рыночного типа хозяйствования, поддержки инициативности и деловой активности в государстве, что, в свою очередь, будет существенно влиять на уровень благосостояния общества.

Таким образом, источником общеотраслевого принципа равенства участников гражданских правоотношений являются познанные объективные закономерности общественной жизни. Рассматриваемое правовое явление, проявляя свою способность к поддержке оптимального соотношения прав и законных интересов субъектов, служит важным механизмом в системе действующего гражданско-правового регулирования общественных отношений, способствует эквивалентному движению и распределению объектов экономического оборота.

⁴ История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. Т. 2 : Современная эпоха / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М. : Норма : Инфра-М, 2020. С. 94.

Нормативно закрепленный в ст. 1 ГК РФ принцип свободы договора является одним из основополагающих начал гражданско-правового регулирования, обслуживает динамику главным образом имущественных правоотношений. С учетом многообразия форм внешнего выражения и закрепления волеизъявления субъектов такая формулировка принципа, по нашему мнению, является не в полной мере соотносимой с иными положениями гражданского законодательства. С учетом того, что договор есть один из видов юридических актов, положения ст. 153 ГК РФ, закрепляющей понятие сделки и основные ее черты, в контексте предписаний п. 2, п. 3 ст. 154 ст. 420, ст. 421 при общей диспозитивной направленности гражданского законодательства позволяют утверждать следующее. Воля на заключение сделки, а не только договора должна быть сформирована свободно, не допускается воздействие иных лиц с целью изменения нормального порядка формирования волеизъявления. Субъекты вправе в данных обстоятельствах самостоятельно выбирать необходимые для них юридически значимые действия, определять содержание и вид сделки, которые наиболее полно способны посредством правовых форм удовлетворить законные интересы, за исключением случаев, прямо указанных в законе. В связи с этим, по нашему мнению, более приемлемо рассматривать данное явление в более широком смысле, распространяя его содержание и на сделки. Данное положение подтверждается в том числе тем, что буквальное толкование ст. 421 позволило бы предусмотреть сделки, заключение которых возможно с применением принуждения, что противоречит существу гражданско-правового регулирования, равным образом – и принципу равенства.

Следовательно, правовое регулирование заключения, изменения и расторжения сделок, а также иных связанных с такими юридическими фактами правоотношений основывается на определенном соотношении как принципа свободы договора, так и принципа равенства, которые, дополняя действие друг друга, позволяют обеспечить надлежащее правовое регулирование, создать условия для нормального порядка формирования волеизъявления.

Исследуя соотношение рассматриваемого основополагающего начала и свободы договора, ученые различным образом решают этот вопрос. По мнению некоторых авторов, свобода договора является частным случаем, проявлением принципа равенства. Формально-логическое соотношение рассматриваемых явлений описывается как соподчиненность. Данный научный подход предполагает первичность принципа равенства, его учредительный характер по отношению к иным основополагающим началам, в том числе свободе договора⁵. Исследователи, в частности, подчеркивают его конституирующий и универсальный характер, который выражается в закреплении в законе «единых и неперсонифицированных правил поведения» [5, с. 8–9].

Другие авторы, например В. А. Мальцев, отмечают относительно самостоятельный характер принципа свободы договора, выделяя его специфи-

⁵ Гражданское право. С. 24.

ческие черты [6, с. 69]. Третья группа авторов полагает, что принцип равенства является элементом свободы договора [7, с. 70].

Таким образом, в научной литературе отсутствует единство мнений в части соотношения и характера взаимосвязи принципов свободы договора и равенства участников гражданских правоотношений, ученые по-разному понимают содержание рассматриваемых правовых явлений.

Нормативное содержание принципа свободы договора с учетом ранее обозначенных его особенностей закреплено в ст. 421 ГК РФ, а также в отдельных положениях, регулирующих договорные обязательства, например п. 2, 3 ст. 492 ГК РФ. Следовательно, положения гражданского законодательства, закрепляющие возможность субъектов гражданских правоотношений устанавливать соответствующие договорные обязательства, можно рассматривать как субъективное гражданское право. Именно посредством субъективных прав и обязанностей происходит объективация обобщенных нормативных правовых предписаний-принципов в конкретные общественные отношения, им сообщается известная степень упорядоченности.

В содержание права традиционно включают: правомочие на собственные действия (поиск контрагентов, направление оферты), правомочие требовать от обязанных лиц определенного поведения (требовать устранения препятствий в реализации права), правомочие на защиту в юрисдикционной или неюрисдикционной форме. Вместе с тем субъективное право на заключение договора следует рассматривать в контексте его статики в абсолютном правоотношении, при котором лица обязаны не препятствовать в осуществлении соответствующих правомочий. Равным образом реализация этого права как юридический факт повлечет возникновение относительного правоотношения между субъектами обязательства.

Ученые также выделяют следующие элементы рассматриваемого принципа: свобода заключения или расторжения договора, свобода выбора вида договора, свобода в определении условий [6, с. 69]. Указанные элементы, по нашему мнению, входят в правомочие на собственное поведение, обеспечивая его наполнение необходимым содержанием.

При этом законодательством предусмотрены исключения из принципа свободы договора, которые необходимы для обеспечения баланса прав и законных интересов участников гражданских правоотношений [8, с. 187].

Таким образом, характеризуя соотношение принципа свободы договора и принципа равенства участников гражданских правоотношений в контексте их системной обусловленности, отметим, что данные правовые явления обнаруживают в некоторой степени различную юридическую природу. Принцип свободы договора, проявляя свою способность к упорядочиванию предмета правового регулирования, выступает в конкретных отношениях главным образом как субъективное гражданское право, обеспечивающее его носителю возможность удовлетворить свои интересы. При этом в гражданском законодательстве присутствует перечень изъятий, которые необходимы для обеспечения баланса прав и законных интересов, например, потребителей и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Вместе с тем рассматриваемое правовое явление, проявляя свою сущность

принципа гражданского права, служит основой для формирования нормативных конструкций договорных обязательств.

Принцип равенства является одним из фундаментальных императивов, который обеспечивает основу взаимодействия субъектов и принципы их гражданско-правового статуса. Реализация рассматриваемого правового явления на стадиях как правотворчества, так и правоприменения, право-реализации создает предпосылки для формирования должной степени упорядоченности предмета правового регулирования.

Взаимосвязь и взаимообусловленность рассматриваемых основополагающих начал проявляются в том, что посредством совместного их действия обеспечивается стабильное и целесообразное функционирование преимущественно экономической подсистемы общества, складываются предпосылки для рационального распределения благ посредством реализации положений гражданского законодательства. При этом рассматриваемые основополагающие начала органически взаимосвязаны с иными принципами, которые в комплексе образуют систему отраслевых принципов гражданского права.

Список источников

1. Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 185–192.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1981. 359 с.
3. Пашацкая Л. В. Принцип юридического равенства участников гражданских правоотношений в розничной купле-продаже // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. № 1 (40). С. 88–91.
4. Климишен И. И., Нигаматзянов А. Р., Гурьянов К. А., Овод И. В. Принцип равенства участников гражданских правоотношений // Colloquium-journal. 2021. № 1 (88). С. 35–38.
5. Киракосян С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 25 с.
6. Мальцев В. А. Свобода заключения непоименованных договоров // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 3. С. 69–71.
7. Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н., Федулов В. И. Принцип свободы договора в гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 69–71.
8. Кашина Ю. Н. О некоторых проблемах реализации права на заключение публичного договора физическими лицами в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 15 (357). С. 187–189.

References

1. Kulakov, V. V. Basic principles of civil law as a specific form of law. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2013;(4):185-192. (In Russ.)
2. Alekseev, S. S. *General theory of law*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1981. 359 p. (In Russ.)

A. A. Mariev. The correlation of the principles of freedom of contract and equality of participants

3. Pashatskaya, L. V. The principle of legal equality of the participants in retail contracts. *Industry: economics, management, technology*. 2012;(1):88-91. (In Russ.)
4. Klimishen, I. I., Nigamatzyanov, A. R., Guryanov, K. A., Ovod, I. V. Principle of equality of participants in civil legal relations. *Colloquium-journal*. 2021;(1):35-38. (In Russ.)
5. Kirakosyan, S. A. *The principle of equality in Russian civil law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don; 2009. 25 p. (In Russ.)
6. Maltsev, V. A. Freedom of the conclusion of innominate contracts. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Economic Problems and Legal Practice*. 2015;(3):69-71. (In Russ.)
7. Ivanova, Yu. A., Menyaylo, L. N., Fedulov, V. I. The principle of freedom of contract in civil law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(5):69-71. (In Russ.)
8. Kashina, Yu. N. On some problems of the realization of the right to conclude a public contract by individuals in the Russian Federation. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2021;(15):187-189. (In Russ.)

Информация об авторе

A. A. Мариев – студент 3 курса.

Information about the author

A. A. Mariev – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Уголовное право / Criminal Law

Научная статья

УДК 343.85

EDN: KRRUAT

Правовые основы применения искусственного интеллекта и перспективы его использования в борьбе с преступностью

**Александр Андреевич Антонов¹,
Юлия Алексеевна Кандышева²**

^{1, 2} Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ ¹ *dispraekailo14@gmail.com*

² *kandyshevagalina@gmail.com*

*Научный руководитель: **К. А. Краснова**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. Авторы обращаются к актуальному вопросу определения роли искусственного интеллекта в современном мире, обсуждению мировых тенденций его правового регулирования, отмечая, что всплеск принятия нормативных документов различного уровня пришелся на 2024 г. Авторы последовательно рассматривают теоретические и нормативные подходы к определению правосубъектности искусственного интеллекта и используют сравнительно-правовой метод исследования, обращаясь к международным актам, модельному законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ), а также Союзного Государства (Республика Беларусь, Российская Федерация). Авторы приходят к выводу, что в нашей стране в целом сформирована нормативная основа регулирования искусственного интеллекта как на федеральном уровне, так и на уровне подзаконных нормативных правовых актов.

Отмечено, что имеющиеся технологии искусственного интеллекта не внедряются в правоохранительную деятельность органов внутренних дел (полиции). В качестве перспективных направлений дальнейших научных исследований следует выделить те, которые позволят интегрировать существующие технологии искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов для предупреждения преступлений и организации служебной деятельности их сотрудников.

Ключевые слова: современные технологии, искусственный интеллект, искусственный сверхинтеллект, нейронные сети, правоохранительные органы, общественная безопасность, национальная безопасность, правопорядок

Для цитирования: Антонов А. А., Кандышева Ю. А. Правовые основы применения искусственного интеллекта и перспективы его использования в борьбе с преступностью // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 76–85.

Original article

Legal Basis for the Application of Artificial Intelligence and Prospects for Its Use in the Fight Against Crime

Alexander A. Antonov¹, Yulia A. Kandysheva²

^{1, 2} North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation

✉ ¹ dispraekailo14@gmail.com

² kandyshevagalina@gmail.com

Scientific supervisor: **K. A. Krasnova**, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The authors address the urgent issue of defining the role of artificial intelligence in the modern world, discussing global trends in its legal regulation, and noting that a surge in the adoption of regulatory documents at various levels occurred in 2024. The authors consistently consider theoretical and normative approaches to determining the legal personality of artificial intelligence and use a comparative legal research method, referring to international acts, model legislation of the member states of the Commonwealth of Independent States (CIS), as well as the Union State (Republic of Belarus, Russian Federation). The regulatory framework for artificial intelligence has been established in the Russian Federation, both at the federal level and through subordinate regulatory legal acts.

However, available artificial intelligence technologies are not currently being implemented in the law enforcement activities of internal affairs bodies (police). As promising areas for further scientific research, it is necessary to highlight those that will be devoted to the integration of existing AI technologies into the activities of law enforcement agencies for crime prevention.

Keywords: modern technologies, artificial intelligence, artificial superintelligence, neural networks, law enforcement, public safety, national security, law and order

For citation: Antonov, A. A., Kandysheva, Yu. A. Legal basis for the application of artificial intelligence and prospects for its use in the fight against crime. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):76-85. (In Russ.)

В последние годы наблюдается рост исследовательского интереса к проблеме правового регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом (далее – ИИ). Во-первых, это обусловлено тем, что, начиная с середины первого десятилетия XXI столетия, ряд государств (более 30) приняли стратегии в области ИИ на национальном уровне.

Обсуждению стратегических документов в сфере ИИ и их влияния на правоохранительную сферу отдельных стран посвящены работы М. М. Бикчантаева [1], И. Е. Бочаровой [2], П. В. Жестерова [3], Ю. Е. Пудовочкина [4], А. А. Сребрянской [5] и др.

Интерес к обсуждению этой проблемы в настоящее время вышел за пределы национального регулирования, что привело к появлению трудов, в ко-

торых анализируются общемировые тенденции в сфере правового регулирования ИИ. Среди них – научные статьи М. С. Жука [6], П. Н. Кобеца [7], Н. М. Олейника [8], Ю. А. Савинова [9] и др.

Подходы к уточнению правового статуса ИИ достаточно подробно исследованы в юридической литературе гражданско-правовой направленности. В целом можно выделить несколько подходов к проблеме правосубъектности ИИ. Первый подход подразумевает постановку ИИ в один ряд с физическим лицом [10, с. 105]. Второй подход основан на необходимости приравнивания статуса ИИ к статусу животных, в особенности по вопросам гражданско-правовой ответственности [11, с. 17]. Третий подход предлагает отнести ИИ к юридическим лицам и обозначать его как «электронное лицо» [12, с. 157; 13, с. 74].

Наднациональное регулирование ИИ

В условиях экспонентного роста числа разработок в области ИИ мировое сообщество активно ищет эффективные пути регулирования рассматриваемой сферы. Перечислим ключевые документы и годы их принятия.

В 2017 г. на конференции в штате Калифорния экспертами в области IT-технологий приняты так называемые Азиломарские принципы, которые установили этические рамки для разработчиков ИИ и лиц, их финансирующих.

В 2023 г. Консультативный орган по искусственному интеллекту при Генеральном секретаре ООН подготовил промежуточный отчет о применении ИИ.

Прошлый год стал богат на принятие правовых документов, регулирующих рассматриваемую нами сферу.

21 мая 2024 г. Совет ЕС одобрил Регламент об ИИ (иными словами, первый наднациональный закон об ИИ, принятый Европейским парламентом).

10 июля 2024 г. НАТО опубликовал свою пересмотренную стратегию ИИ, которая обращает особое внимание стран-членов на безопасное использование новейших технологий (генеративный ИИ, информационные инструменты на базе ИИ).

Кроме того, в 2024 г. разработан Глобальный индекс ответственного ИИ – первый в мире инструмент, позволяющий установить глобально значимые ориентиры для развития ответственного ИИ и оценить их влияние в странах по всему миру. В первом издании Глобальный индекс ответственного ИИ охватил 138 стран¹.

Регулирование ИИ в рамках СНГ представлено в мае 2023 г., когда Межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ рассмотрела проект Модельного закона об ИИ, первый подобный документ на постсоветском пространстве. Указанный законопроект имеет своей целью унификацию законодательства стран, входящих в СНГ, в рассматриваемой сфере. Предполагается, что в целом принятие данного акта сможет улучшить жизнь граждан, обеспечить их безопасность и развить экономическую и

¹ The Global Index on Responsible AI. URL: <https://www.global-index.ai/> (дата обращения: 10.01.2025).

социальную сферы общества. 18 апреля 2024 г. на Заседании Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи СНГ по науке и образованию был одобрен проект модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта»². В соответствии с ним государства – участники СНГ согласовали единое определение ИИ и правовые рамки его использования. Ожидается, что в 2025 г. разработка модельного закона о технологиях ИИ будет завершена.

Регулирование ИИ в Российской Федерации

В отечественных нормативных документах ИИ начал упоминаться в 2016 г. Например, в ранее действовавшей Стратегии научно-технологического развития (далее – Стратегия) основой инновационного развития российского общества был признан ИИ³. Примечательно, что в п. 21 вновь принятой Стратегии 2024 г. в качестве приоритетного направления научно-технологического развития на ближайшее десятилетие подтвержден «...переход к передовым технологиям проектирования и создания высокотехнологичной продукции, основанным на применении... искусственного интеллекта»⁴.

В п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года⁵ включен термин ИИ, определяемый как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Обозначенный выше комплекс включает в себя: 1) информационно-коммуникационную инфраструктуру; 2) программное обеспечение (в том числе использующее методы машинного обучения); 3) процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Отметим важность принятия Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ⁶, который определил цели специального правового регулирова-

² Проект модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта» подготовили в Университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА). URL: <https://msal.ru/news/proekt-modelnogo-zakona-o-tekhnologiyakh-iskusstvennogo-intellekta-podgotovili-v-universitete-imeni-/> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (документ утратил силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законо-

ния ИИ. Среди них: обеспечение повышения качества жизни населения, эффективности государственного или муниципального управления, деятельности хозяйствующих субъектов в ходе внедрения технологий ИИ, формирование комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ. Данный экспериментальный правовой режим был установлен на 5 лет, и его действие заканчивается 1 июля 2025 г.

Приказ Минэкономразвития России от 29 июля 2021 г. № 392⁷ содержит Перечень технологических задач, на реализацию которых может быть направлен проект в сфере ИИ. Кроме того, в этом приказе также представлена классификация современных технологий ИИ: компьютерное зрение; обработка естественного языка; распознавание и синтез речи; интеллектуальная поддержка принятия решений; перспективные методы ИИ.

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года⁸ сформулирована цель регламентации общественных отношений, возникающих по поводу ИИ и робототехники, а также впервые отмечается значимость ИИ для обеспечения национальной безопасности и правопорядка.

Предотвращение и раскрытие преступлений являются важнейшими компонентами обеспечения общественной безопасности в любой стране [14, с. 9]. Традиционно подходы к предупреждению и раскрытию преступлений основывались на человеческой интуиции и весьма ограниченных исходных данных, что приводило к тому, что часть противоправных деяний выпадала из поля зрения правоохранителей и формировала так называемую латентную преступность.

Однако недавние достижения в области технологий ИИ предлагают смену парадигмы, позволяя применять так называемые проактивные подходы, сочетающие традиционные методы предупреждения преступлений (патрулирование общественных мест, выборочные досмотры автомобилей и т. п.) с технологическими подходами, такими как системы наблюдения, картирование преступлений и географическое профилирование [15, с. 299].

Полагаем, что ИИ может быть использован в предупреждении и раскрытии преступлений с помощью таких подобластей, как машинное обучение и компьютерное зрение. Соответствующие перспективные направления внедрения технологий ИИ в деятельность органов внутренних дел активно обсуждаются в специальной литературе [16, с. 52]. Например, алгоритмы машинного обучения способны обрабатывать большие объемы данных

дательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6149.

⁷ Приказ Минэкономразвития России от 29 июня 2021 г. № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта». URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

для прогнозирования потенциальной преступной деятельности, тем самым преобразуя операции правоохранительных органов. Модели компьютерного зрения, в свою очередь, могут использовать визуальные данные с камер наблюдения и других источников для анализа, выявления и реагирования на преступления. В частности, технологии компьютерного зрения способны осуществлять детекцию и идентификацию объектов в сложной окружающей среде, в том числе для систем охраны и обеспечения общественной безопасности, тем самым позволяя оценить и своевременно реагировать на изменения криминальной ситуации [17, с. 42].

Следует подчеркнуть, что и в организации служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) могут быть использованы технологии по интеллектуальной поддержке принятия решений (управление персоналом, контроль производительности, психофизического состояния и поиск возможностей оптимизации загрузки сотрудников полиции), а также перспективные методы ИИ, которые включают разнообразные управленческие решения, технологии обогащения и улучшения качества больших объемов данных, получаемых с устройств и из других информационных систем, моделирование угроз информационной безопасности и т. п.

Однако нельзя забывать о серьезных рисках, связанных с внедрением ИИ [18, с. 82]. Ведь после того, как действие ИИ будет понятно большому числу людей, вырастают шансы использования его в преступных целях. Таким образом, злоумышленники смогут найти уязвимые места в системе и использовать их для сбора огромного количества личной информации граждан, информации, составляющей государственную тайну, и т. п. Помимо этого, наличие уязвимостей может повлиять и на обороноспособность государства, построенную на использовании ИИ.

Также стоит отметить, что уже сегодня мошенники используют современные технологии, связанные с подменой личности и голоса (дипфейки). Практически ежедневно СМИ публикуют подобные факты, призывая российских граждан к бдительности. Так, к концу 2024 г. было совершено 5,7 тыс. преступлений с использованием дипфейков⁹.

В России уже ведется разработка системы, которая способна определять признаки генерации синтетического голоса, используемой телефонными мошенниками [19, с. 76]. Данная система основана на ИИ и способна учитывать контекст и знания о голосовых данных, в связи с чем может более эффективно различать подлинный голос и подделку.

МВД России в начале 2024 г. заявило о планах разработки и внедрения ИИ в правоохранительную деятельность: речь шла о датасетах для обучения и тестирования нейросетевых моделей и двух системах на базе ИИ («Клон», «Конъюнктура»)¹⁰. Однако после данного заявления никакой публичной информации об итогах реализации данного проекта нигде не появлялось.

⁹ Одинаковы с лица: в России выросло число атак с применением дипфейков. URL: <https://iz.ru/1773345> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁰ МВД привлечет нейросети к поиску правонарушителей. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechek-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei> (дата обращения: 10.01.2025).

Перспективной видится разработка эффективной структуры и модели для обнаружения преступлений на основе глубокого обучения, что позволит обеспечить общественную безопасность и расширить возможности правоохранительных органов в выявлении «цифровых» преступлений, совершаемых в сети «Интернет».

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. Разработка ИИ является стратегически важной деятельностью государства, а внедрение данных технологий повысит эффективность в борьбе с преступностью.

2. Между тем существуют обоснованные риски, что технологии ИИ могут использоваться также и для совершения преступлений, в связи с чем требуют более тщательной проработки и экспертного обсуждения любые инициативы правового регулирования и охраны рассматриваемой сферы.

Список источников

1. Бикчантаев М. М. Развитие и регламентация технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации и в зарубежных странах // Право, экономика и управление: теория и практика : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 мая 2022 г.) / гл. ред. Э. В. Фомин. Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2022. С. 306–309.
2. Бочарова И. Е., Вершинина А. В., Вершинина Е. Д. Анализ стратегий государств мира в области искусственного интеллекта // Системное моделирование социально-экономических процессов : тр. 43-й Междунар. науч. школы-семинара (Воронеж, 13–18 окт. 2020 г.) / под ред. В. Г. Гребенникова, И. Н. Щепиной. Воронеж : Истоки, 2020. С. 250–255.
3. Жестеров П. В. Влияние цифровой трансформации на уголовную репрессию // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 1. С. 21–24.
4. Пудовочкин Ю. Е., Гусенко Д. П. Предупреждение преступлений в экологической сфере с применением технических и компьютерных средств и технологий // Проблемы региональной экологии. 2006. № 5. С. 63–66.
5. Сребрянская А. А., Лежников М. А. Правовой статус искусственного интеллекта в разных странах // Проблемы реформирования российской государственности : материалы XIV Всерос. конф. по нац. и междунар. праву (Екатеринбург, 20 дек. 2019 г.) / науч. ред. Д. Н. Сергеев. Екатеринбург : Учеб.-науч. лаборатория «SAPIENTIA», 2019. С. 9–13.
6. Жук М. С. Искусственный интеллект в современном мире // Наука молодых – наука будущего : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 2 февр. 2023 г.) Ч. 2 / ред. И. И. Ивановская, М. В. Поснова. Петрозаводск : Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука», 2023. С. 101–104.
7. Кобец П. Н. Криминологическое исследование потенциальных угроз для общества и государства, инициированных ростом инноваций в сфере искусственного интеллекта, и меры их предупреждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 148–162.
8. Олейник Н. М. Текущие тенденции и проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в экономику и государственное управление // Первый экономический журнал. 2024. № 10 (352). С. 159–170.
9. Савинов Ю. А., Тарановская Е. В. Искусственный интеллект в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 4. С. 58–71.

10. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 94–109.
11. Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. Т. 77, № 4 (209). С. 9–23.
12. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
13. Павлов В. И. Правосубъектность роботов как электронных лиц и возможные модели их юридической ответственности // Право.by. 2023. № 6 (86). С. 74–84.
14. Краснова К. А. Уголовная политика Европейского Союза в сфере противодействия коррупции : моногр. М. : Проспект, 2016. 88 с.
15. Тихань М. Роль государства в обеспечении безопасности спортивных мероприятий // Д. А. Безбородов, А. Н. Берестовой, М. Х. Гельдибаев и др. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте : моногр. СПб. : Астерион, 2021. С. 287–302.
16. Кобец П. Н. Вопросы ответственности за деяния, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта: проблемы и подходы к их решению // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 4. С. 49–55.
17. Кобец П. Н., Краснова К. А. О необходимости социально-криминологического моделирования криминальной ситуации в России // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование : сб. ст. / отв. ред. А. И. Долгова. М. : Рос. криминолог. ассоц., 2009. С. 41–46.
18. Кобец П. Н. Причинный комплекс возникновения криминальных рисков, вызванных применением технологий искусственного интеллекта, и превентивные меры по их предупреждению // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 80–85.
19. Краснова К. А., Кобец П. Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими и террористическими организованными группами, и необходимости противодействия киберпреступности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2 (43). С. 75–79.

References

1. Bikchantaev, M. M. Development and regulation of artificial intelligence technologies in the Russian Federation and in foreign countries. In: E. V. Fomin, ed. *Law, economics and management: theory and practice*. Collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (Cheboksary, 12 May 2022). Cheboksary: Publishing House "Sreda"; 2022. Pp. 306–309. (In Russ.)
2. Bocharova, I. E., Vershinina, A. V., Vershinina, E. D. Analysis of strategies of the world's states in the field of artificial intelligence. In: V. G. Grebennikov, I. N. Shchepina, eds. *System modeling of socio-economic processes*. Proceedings of the 43rd International Scientific Seminar (Voronezh, 13–18 October 2020). Voronezh: Istoki; 2020. Pp. 250–255. (In Russ.)
3. Zhesterov, P. V. Impact of digital transformation on criminal repression. *Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: Legal Issues*. 2022;(1):21-24. (In Russ.)
4. Pudovochkin, Yu. E., Gusenko, D. P. Prevention of crimes in the environmental sphere using technical and computer tools and technologies. *Regional Environmental Issues*. 2006;(5):63-66. (In Russ.)

5. Srebryanskaya, A. A., Lezhnikov, M. A. Legal status of artificial intelligence across countries. In: D. N. Sergeev, ed. *Problems of reforming Russian statehood*. Materials of the XIV All-Russian Conference on National and International Law (Yekaterinburg, 20 December 2019). Yekaterinburg: SAPIENTIA Educational and Scientific Laboratory; 2019. Pp. 9–13. (In Russ.)
6. Zhuk, M. S. Artificial intelligence in the modern world. In: I. I. Ivanovskaya, M. V. Posnova, eds. *The science of the young – science of the future*. Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference. (Petrozavodsk, 2 February 2023). Pt. 2. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “Novaya nauka”, 2023. Pp. 101–104. (In Russ.)
7. Kobets, P. N. Criminological study of potential threats to society and the state initiated by the growth of innovations in the field of artificial intelligence, and measures to prevent them. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2024;(3):148-162. (In Russ.)
8. Oleinik, N. M. Current trends and challenges of implementing artificial intelligence technologies in the economy and public administration. *Pervyy ekonomicheskij zhurnal = First Economic Journal*. 2024;(10):159-170. (In Russ.)
9. Savinov, Yu. A., Taranovskaya, E. V. Artificial intelligence in international trade. *Russian Foreign Economic Journal*. 2020;(4):58-71. (In Russ.)
10. Channov, S. E. Robot (artificial intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(12):94-109. (In Russ.)
11. Bakhteev, D. V. The legal status of artificial intelligence systems and models of differentiation of legal liability for damage caused by them. *Lex Russica*. 2024;77(4):9-23. (In Russ.)
12. Arkhipov, V. V., Naumov, V. B. On certain issues of theoretic grounds for development of robotics legislation: the aspects of will and legal personality. *Zakon = Law*. 2017;(5):157-170. (In Russ.)
13. Pavlov, V. I. The legal personality of robots as electronic persons and possible models of their legal responsibility. *Pravo.by = Law.by*. 2023;(6):74-84. (In Russ.)
14. Krasnova, K. A. *Criminal policy of the European Union in the field of combating corruption*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2016. 88 p. (In Russ.)
15. Tikhanyi, M. The role of the state in ensuring the safety of sports events. In: D. A. Bezborodov, A. N. Berestovoy, M. Kh. Geldibaev, et al. *Criminal law and criminological problems of countering crime in sports*. Monograph. St. Petersburg: Asterion; 2021. Pp. 287–302. (In Russ.)
16. Kobets, P. N. Issues of liability for acts committed using artificial intelligence technologies: problems and approaches to their solution. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2024;(4):49-55. (In Russ.)
17. Kobets, P. N., Krasnova, K. A. On the need for socio-criminological modeling of the criminal situation in Russia. In: A. I. Dolgova, ed. *New criminal situation: assessment and response*. Collection of articles. Moscow: Russian Criminological Association; 2009. Pp. 41–46. (In Russ.)
18. Kobets, P. N. The causal complex of the emergence of criminal risks caused by the use of artificial intelligence technologies and preventive measures to prevent them. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science*

A. A. Antonov, Yu. A. Kandysheva. *Legal basis for the application of artificial intelligence*

and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):80-85. (In Russ.)

19. Krasnova, K. A., Kobets, P. N. About modern information technologies used by extremist and terrorist organized groups and the need to counter cybercrime. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2018;(2):75-79. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Антонов – студент 3 курса;

Ю. А. Кандышева – студент 3 курса.

Information about the authors

A. A. Antonov – 3rd year student;

Yu. A. Kandysheva – 3rd year student.

Вклад авторов:

Антонов А. А. – сбор и систематизация данных; написание основного текста статьи.

Кандышева Ю. А. – обзор литературы по исследуемой проблеме; написание аннотации, ключевых слов и результатов исследования.

Contribution of the authors:

A. A. Antonov – data collection and systematization; writing the main text of the article.

Yu. A. Kandysheva – review of the literature on the problem under study; writing an abstract, keywords and research results.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 341.4

EDN: LKRAGM

Пиратство как угроза международной безопасности

Софья Алексеевна Зверева¹, Яна Маликовна Наваррская²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

✉ ¹ sofya_zvereva567@mail.ru

² ya.navarrskaya@mail.ru

Научный руководитель: **А. П. Евсеев**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
международного права Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. Авторы рассматривают пиратство как феномен в международном уголовном праве, а также проводят сравнительный анализ международных подходов и российского законодательства к данному преступлению и уголовной ответственности за него. Представлены разнообразные средства борьбы с пиратством и совершенствования международного сотрудничества в целях защиты публичных и частных интересов. Приведены случаи захвата судов и нападения на них из зарубежной и российской практики. В качестве наглядного примера представлена актуальная статистика происшествий на море и число пострадавших от таких инцидентов, при этом отмечается тенденция роста преступной деятельности в морских акваториях. Подчеркивается важность унификации норм, регулирующих преступления в морском пространстве. Акцентируется внимание на необходимости предотвращения угроз, исходящих от действий морских преступников. Перечисляются акватории и морские территории, нуждающиеся в защите. Делается вывод о том, что пиратство посягает на свободное передвижение морских судов, является фактором возникновения препятствий в морском пространстве, ставя под сомнение безопасность судоходства и представляя угрозу мировой экономике, вследствие чего противостояние пиратству приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: пиратство, морские суда, безопасность судоходства, преступление по международному праву, Мировой океан

Для цитирования: Зверева С. А., Наваррская Я. М. Пиратство как угроза международной безопасности // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 86–93.

Original article

Piracy as a Threat to International Security

Sofya A. Zvereva¹, Yana M. Navarrskaya²

^{1, 2} Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow,
Russian Federation

✉ ¹ sofya_zvereva567@mail.ru

² ya.navarrskaya@mail.ru

Scientific supervisor: **A. P. Evseev**, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The scientific article examines piracy as a phenomenon in international criminal law, and also provides a comparative analysis of international and Russian legislation for the presence of corpus delicti and responsibility for such a criminal act. The article presents options for combating piracy and improving cooperation in order to protect public and private interests. The cases of attacks on ships from international and national practice are described. As an illustrative example, current statistics are provided that show the number of incidents at sea and the number of victims of incidents, while there is a noticeable trend towards an increase in criminal activity at sea. The importance of unification of norms and legislation governing various crimes in the maritime space is emphasized. Attention is focused on the need to prevent the threat and the seriousness of the public danger posed by criminal acts at sea. Piracy encroaches on the free movement of ships, is a factor in the emergence of obstacles in maritime space, calls into question the safety of navigation and poses a threat to the global economy, as a result of which the fight against piracy is becoming relevant at the present time.

Keywords: piracy, naval vessels, safety of navigation, crime under international law, World ocean

For citation: Zvereva, S. A., Navarrskaya, Ya. M. Piracy as a threat to international security. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):86-93. (In Russ.)

Пиратство возникло практически синхронно с развитием морской торговли и началом морских конфликтов. Кроме захвата и ограбления торговых и иных судов к пиратству также относится нападение военных кораблей или подводных лодок на суда, осуществляющие торговлю. С возникновением воздушных судов термин «пиратство» применяется и к неправомерному захвату, ограблению или уничтожению воздушного транспорта.

Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время пиратство представляет собой глобальную деятельность преступных организаций международного характера, которая становится все более масштабной и кровавой, нанося ущерб мировой экономике. Вот почему борьба с ним регулируется нормами как национального, так и международного права.

Понятие пиратства и меры, принимаемые государствами для его пресечения, нашли свое закрепление в Конвенции об открытом море¹ (ст. 14–22) и Конвенции ООН по морскому праву² (ст. 100–107) (далее – Конвенции). Указанные Конвенции включают в себя похожие дефиниции пиратства, и правовая регламентация этого преступления почти идентична. Помимо морских пиратство охватывает и воздушные суда.

В книге «Океан вне закона» И. Урбина писал: «Потрясающая красота океана – это лишь фасад самой настоящей антиутопии, наполненной жуткими проявлениями бесчеловечности. Главенство закона, которое на суше часто воспринимается как аксиома... на морских просторах становится чем-то зыбким, а то и вовсе растворяется в шуме волн» [1, с. 109].

В данный момент существенный вред экономике наносят пираты, развивающие свою деятельность у побережья Сомали и Гвинейского залива (подробнее см.: [2, с. 186]). Кроме того, значительное количество атак на суда происходит в зонах спорной юрисдикции, особенно в Южно-Китайском море³.

Сомали является широко известной «горячей точкой» в масштабном возрождении морского пиратства, наметившемся приблизительно два десятилетия назад в связи с ростом мировой морской торговли. В настоящее время сомалийские пираты обладают достаточно высокоэффективной организацией с довольно точным делегированием и распределением ролей в материально-технической сфере и в области финансирования нападений, включая их реализацию, легализацию полученного выкупа и т. д. Однако надо иметь в виду, что участники нападений, рискующие жизнью в море, получают лишь незначительную долю выкупа. Основная часть средств достается организаторам, финансистам и посредникам.

Например, в декабре 2023 г. пираты из Сомали осуществили захват «MV Ruen» – грузового корабля, находившегося в собственности Болгарии и плавающего под флагом островного государства Мальты. Индийские ВМС успешно вернули захваченное сомалийскими пиратами судно и освободили экипаж. По данным Международного морского бюро, захват экипажа «MV Ruen» в Аравийском море стал первым подобным случаем у берегов Сомали с 2017 г.⁴

Как отмечается в литературе, «количество пиратских нападений в различных областях Мирового океана имеет стабильную тенденцию к росту»⁵.

¹ Конвенция об открытом море (заключена в г. Женева 29 апреля 1958 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 46. Ст. 457.

² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 48. Ст. 5493.

³ См. подробнее: Бразовская Я. Е. Международно-правовое обеспечение борьбы с незаконными актами против безопасности мореплавания // Морские вести России. 2014. 30 окт. URL: <https://morvesti.ru/themes/1697/53279/> (дата обращения: 14.12.2024).

⁴ Данилюк Э. Сомалийские пираты снова угрожают мировому судоходству. URL: <https://www.mn.ru/writers/elvira-danilyuk> (дата обращения: 21.12.2024).

⁵ Троицкий С. В. и др. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учеб. для вузов / отв. ред. Р. А. Каламкарян. М. : Юрайт, 2024. С. 13.

Международное морское бюро (International Maritime Bureau – IMB) приводит наглядную статистику за 2023 г. касательно морского пиратства и вооруженного ограбления судов. В 2023 г. совершено 120 происшествий морского пиратства и вооруженного ограбления, 115 таких же инцидентов было в 2022 г. Количество людей, оказавшихся в заложниках, а также похищенных служащих и членов экипажей резко возросло с 41 до 73 и с 2 до 14 в 2022 и 2023 гг. соответственно.

В первом полугодии 2024 г., по сообщению IMB, было зарегистрировано 60 случаев пиратства и вооруженного ограбления судов, за тот же период в 2023 г. – 65. Численность заложников возросла по сравнению с предыдущим годом с 36 человек до 85⁶.

Существует ряд проблем, связанных с применением ст. 105 Конвенции ООН по морскому праву, затрагивающей процессуальные аспекты⁷, а также вопросы организации⁸. В связи с этим многие государства уклоняются от уголовного преследования пиратов на собственной территории и стремятся передавать их другим прибрежным странам, которые наделены подходящей юрисдикцией.

Кения, находящаяся в Восточной Африке, – исключительное государство, уголовное законодательство которого предоставляет возможность привлекать к ответственности иноземных пиратов за акты, осуществленные в открытом морском пространстве⁹. Благодаря этому было заключено соглашение¹⁰ между США, Великобританией и Евросоюзом с одной стороны и Кенией – с другой, касающееся передачи задержанных пиратов для осуществления уголовного преследования. Это создает значительную нагрузку на правоохранительную и судебную систему этой страны. Тем не менее наличие заключенного договора не гарантирует согласия Кении на принятие пиратов для судебного разбирательства, что обусловлено отсутствием мест для размещения задержанных. Таким образом, проблема пиратства остается нерешенной, что указывает на недостаточность адекватных мер противодействия этому явлению и прибавляет пиратам уверенности в их безнаказанности.

В 2010 г. судами Кении, Нидерландов, Сейшельских островов и США было вынесено пять приговоров за пиратство. Все они касались граждан

⁶ Ткачева К. В. Обзор: Пираты совершили 60 атак на суда в первом полугодии 2024 года. URL: <https://portnews.ru/news/365578/> (дата обращения: 21.12.2024).

⁷ Установление личности, перевод на различные языки в ходе проверки и следствия, сбор доказательств, в основном через правовую помощь от других государств.

⁸ Транспортировка подозреваемых, содержание задержанных и осужденных, возвращение их в государство гражданства после отбытия наказания и т. д.

⁹ Уголовный кодекс Республики Кения от 1 августа 1930 г. № 10 (в ред. Закона № 19 от 2023 г.) (Глава III ст. 5) // Законы Кении : [сайт]. URL: <http://kenyalaw.org:8181/exist/kenyalex/actview.xql?actid=CAP.%2063> (дата обращения: 08.02.2025).

¹⁰ Доклад Генерального секретаря ООН от 26 июля 2010 г. (§ 23) // Объединенные Нации. Цифровая библиотека. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/687176?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 08.02.2025).

Сомали, захваченных в плен после неудачных нападений на суда, плававшие в открытом море. Несмотря на сходные фактические обстоятельства, суды пришли к различным выводам относительно наличия признаков пиратства в действиях обвиняемых и способности национальной юстиции судить последних: три группы обвиняемых (в Кении, Нидерландах и на Сейшелах) были осуждены, в то время как обвинения против двух других (США) были сняты [3, с. 798].

Как отмечает В. Н. Русинова, «сейчас накопилось существенное количество проблем в области преступлений в морском пространстве, которые требуют своевременного решения и серьезного подхода. В связи с этим разумно унифицировать законодательство, привести в единообразие нормы стран – участниц ООН, создать правовой целостный механизм по защите от угрозы пиратства. Имеет место также идея создания специализированного суда, в юрисдикцию которого входило бы отправдение правосудия конкретно по преступлениям в морском пространстве» [4, с. 111].

Разнообразные меры и способы борьбы с пиратством и его предотвращения осуществляются государствами и международными организациями, проявляющими интерес к данной проблеме¹¹. В данный момент большая часть стран внедрила в собственное уголовное законодательство нормы, затрагивающие противодействие пиратству¹².

Пиратство как самостоятельный состав преступления закреплено и в российском Уголовном кодексе. УК РФ содержит краткое определение пиратства, без воспроизведения элементов определения, упомянутых в ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву. Тем не менее ст. 227 УК РФ не разъясняет, должно ли нападение осуществляться в свободном море, в зоне, не подлежащей юрисдикции какой-либо страны, или в зоне моря, наделенной специальной юрисдикцией или внутригосударственным суверенитетом. Также отсутствует указание на мотив нападения, в особенности на преследование индивидуальных намерений и целей одним судном против другого или воздушного судна.

В уголовных кодексах некоторых стран¹³ и вовсе отсутствуют составы пиратства¹⁴.

¹¹ Конкретно – ООН, Международная морская организация, Евросоюз, НАТО и Лига арабских государств.

¹² Специальные составы и нормы пиратства содержатся в уголовном законодательстве Австралии, Аргентины, Боливии, Великобритании, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Замбии, Израиля, КНР, Коста-Рики, Кубы, Мексики, США, Соломоновых островов, Тувалу, Украины, Фиджи, Филиппин, ФРГ, Хорватии и Эстонии.

¹³ Австрии, Азербайджана, Албании, Андорры, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Индии, Испании, Италии, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Судана, Таиланда, Туниса, Туркменистана, Узбекистана, Финляндии, Франции, Швейцарии, Шри-Ланки.

¹⁴ См. подробнее: *Троицкий С. В.* и др. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебник для вузов / отв. ред. Р. А. Каламкарян. М. : Юрайт, 2024. С. 231.

Часть стран, хотя и не внедрили в законодательство положения о пиратстве, тем не менее предпринимают меры по его пресечению. Например, в 2010 г. во Франции был принят усовершенствованный закон, затрагивающий противодействие пиратству. Франция в своем законодательстве определяет пиратство, делая ссылку на ст. 101 Конвенции. В соответствии с ней пиратские акты определяются как «акты, совершенные в открытом море, вне юрисдикции какого-либо государства или, когда это допускает международным правом, в территориальном море какого-либо государства». Во французском законодательстве длительное время отсутствовали положения, касающиеся вооруженного разбоя на море. Недавно принятый закон наделяет французские судебные органы практически всеохватывающей юрисдикцией для преследования и обвинения за пиратские акты, осуществленные вне пределов государства, независимо от принадлежности суда и национальности жертв. Тем не менее это применимо лишь в ситуациях, когда пираты задержаны французскими властями. Закон наделяет французские ВМС значительными полномочиями для операций в морском открытом пространстве. Командиры кораблей вправе осуществлять обыск сомнительных судов, отдавать приказ на открытие огня, ликвидировать суда, задерживать пиратов и передавать под арест и дальнейшее осуждение. Статья 224-6 «Похищение воздушного судна, корабля или какого-либо транспортного средства» УК Франции¹⁵ предусматривает за пиратство наказание в виде двадцати лет лишения свободы (если в составе организованной группы, то тридцати).

Криминализация нападений на автомобильный транспорт в качестве пиратства, как это предусмотрено в УК КНР (ст. 122), вызывает вопросы. Пиратство в данном случае формулируется как «захват или удержание морского, речного судна или автомобиля с применением угроз, насилия или иных способов»¹⁶.

Согласно статистическим данным, в России с 1997 по 2011 г. было зарегистрировано 13 преступлений по ст. 227 УК РФ [5, с. 2]. Это обстоятельство не уменьшает значения и распространенности, а также опасности исследуемого феномена, а скорее указывает на известные пробелы и недостатки законотворческой деятельности и правоприменительной практики в области борьбы с пиратством [6, с. 528].

Например, в 2012 г. Южное следственное управление на транспорте СК России инициировало уголовное дело в связи с пиратским захватом танкера «Energy Centurion» с российским экипажем из 24 человек (23 гражданина Российской Федерации, преимущественно из Краснодарского края и Ростовской области, и капитан-грек) в территориальных водах Республики Того. Уголовное дело было возбуждено по ч. 2 ст. 227 (пиратство) УК РФ, что

¹⁵ Вступила в силу с 1 марта 1994 г.

¹⁶ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. проф. А. И. Коробеева, пер. с кит. проф. Хуан Даосю. СПб. : Юрид. центр, 2014. 416 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000016681/ (дата обращения: 14.12.2024).

предполагает наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет и штрафа до 500 тыс. руб. Согласно данным следствия, никто из членов экипажа не пострадал, были похищены лишь их личные вещи¹⁷.

Морской разбой требует адекватного и соразмерного наказания. В частности, следует ввести усиленные меры по преследованию и задержанию подозреваемых в пиратстве, особенно организаторов и финансистов нападений. Крайне важно идентифицировать и изымать доходы, полученные от данного преступления.

Необходимо строго придерживаться эмбарго на торговлю оружием и поставки вооружения в Сомали, как того требуют резолюции Совета Безопасности ООН. В перспективе разумно развивать международное сотрудничество в деле борьбы с пиратством в нескольких направлениях: создание эффективной системы слежения и регулярный мониторинг водной территории, международный коммуникационный обмен, качественное проведение расследований, международное развитие новых технологий, осуществление стабильных мероприятий по охране морской среды, а также взаимная материальная помощь.

В настоящее время, опираясь на сложившуюся практику, можно сказать, что пиратство попадает под ответственность только в рамках норм национального уголовного права, хотя и с учетом ст. 19 Конвенции 1958 г. и ст. 105 Конвенции 1982 г. Например, в УК РФ имеется ст. 227, хотя в некоторых государствах¹⁸ подобный состав вообще не предусмотрен в законодательстве. Учитывая это, такие страны привлекают пиратов к ответственности за другие преступления, в частности незаконный оборот наркотических и психотропных веществ или оружия в международных водах. При этом, принимая во внимание нормы уголовного права, было бы уместно ввести во всех странах на законодательном уровне специальный состав «пиратство».

Список источников

1. Урбина И. Океан вне закона. Работоторговля, пиратство и контрабанда в нейтральных водах. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 776 с.
2. Мялкина К. А. Международно-правовая регламентация противодействия современным формам пиратства в целях обеспечения безопасности морских перевозок // Молодой ученый. 2019. № 10 (248). С. 185–187.
3. Гарднер М. Судебные преследования за пиратство в национальных судах // Журнал международного уголовного правосудия. 2012. № 10. С. 797–821. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/facpub/1527/>.
4. Русинова В. Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море // Международное правосудие. 2011. № 1. С. 111–121.

¹⁷ На борту захваченного у берегов Того судна находятся 24 россиянина // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2012/08/29/zahvat-anons.html> (дата обращения: 08.02.2025).

¹⁸ Австрия, Албания, Бельгия, Вьетнам, Индия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Судан, Таиланд, Тунис.

5. Князева Н. А. Пиратство: уголовно-правовая характеристика и вопросы предупреждения : моногр. / под ред. А. И. Коробеева. М. : Контракт, 2012. 120 с.
6. Захаров С. С., Левина А. В. О целесообразности статьи 227 «Пиратство» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 528–530.

References

1. Urbina, I. *Ocean outside the law. Slave trade, piracy and smuggling in neutral waters*. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2021. 776 p. (In Russ.)
2. Myalkina, K. A. International legal regulation of countering modern forms of piracy in order to ensure the safety of maritime transportation. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2019;(10):185-187. (In Russ.)
3. Gardner, M. Piracy prosecutions in national courts. *Journal of International Criminal Justice*. 2012;(10):797-821. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/facpub/1527/>.
4. Rusinova, V. A Tribunal for the Somalian pirates? Problems and perspectives of the criminal prosecution of piracy and armed robbery at sea. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*. 2011;(1):111-121. (In Russ.)
5. Knyazeva, N. A. *Piracy: criminal and legal characteristics and issues of prevention*. Monograph. Ed. A. I. Korobeev. Moscow: Kontrakt; 2012. 120 p. (In Russ.)
6. Zakharov, S. S., Levina, A. V. On the expediency of Article 227 "Piracy" in the Criminal Code of the Russian Federation. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2023;(20):528-530. (In Russ.)

Информация об авторах

С. А. Зверева – студент 3 курса;

Я. М. Наваррская – студент 3 курса.

Information about the authors

S. A. Zvereva – 3rd year student;

Ya. M. Navarrskaya – 3rd year student.

Вклад авторов:

Зверева С. А. – сбор и анализ данных; написание основного текста статьи, обработка данных.

Наваррская Я. М. – рецензирование и редактирование текста статьи; написание аннотации и разделов, связанных с результатами.

Contribution of the authors:

S. A. Zvereva – data collection and analysis; writing the main text of the article, data processing.

Ya. M. Navarrskaya – reviewing and editing the text of the article; writing the abstract and sections related to the results.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 08.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 10.02.2025.

Научная статья

УДК 343.3/.7

EDN: QFXТОК

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными

Алена Евгеньевна Полушина

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ alena_polushina@internet.ru

Научный руководитель: К. А. Краснова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. Автор обращается к актуальному вопросу защиты животных в современном мире, обсуждению мировых тенденций правового регулирования этой области, а также изменений уголовно-правовых норм об ответственности за жестокое обращение с животными в нашей стране. Автор последовательно рассматривает теоретические и нормативные подходы к определению прав животных и их законодательному обеспечению и использует сравнительно-правовой метод исследования, обращаясь к международным актам, законодательству государств – членов Европейского союза (ЕС) и государств – членов ЕАЭС (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация).

Автор приходит к выводу, что в нашей стране на федеральном уровне в целом сформирована нормативная основа защиты животных от жестокого обращения и криминального насилия над ними, включающая в себя Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, специальный закон об ответственном обращении с животными. Подчеркивается важность повышения всеобщей осведомленности населения, в особенности подрастающего поколения, о необходимости гуманного отношения к животным и действующих строгих санкциях за совершение насильственных актов по отношению к ним.

Ключевые слова: общественная нравственность, преступное насилие, личность преступника, жестокое обращение, защита животных, хулиганские побуждения, профилактика правонарушений

Для цитирования: Полушина А. Е. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 94–101.

Original article

Problems of Criminal Prosecution for Cruelty to Animals

Alena E. Polushina

*North-West Branch, Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation*

✉ alena_polushina@internet.ru

Scientific supervisor: K. A. Krasnova, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department of the North-West Branch of the University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The author addresses the topical issue of animal protection in the modern world, discusses global trends in the legal regulation of this area, and examines changes in criminal law regarding liability for animal cruelty in our country. The author consistently examines theoretical and normative approaches to defining animal rights and their legislative support, using a comparative legal research method and referring to international acts and the legislation of member states of the European Union (EU) and the Eurasian Economic Union (EAEU) (Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and the Russian Federation).

The author concludes that a regulatory framework for protecting animals from cruelty and criminal violence has been generally established in our country at the federal level, including the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, and a special law on responsible animal treatment. The author emphasizes the importance of raising public awareness, especially among the younger generation, about the need for humane treatment of animals and the strict sanctions in place for committing violent acts against them.

Keywords: public morality, criminal violence, culprit identity, cruel treatment, animal protection, hooligan motives, crime prevention

For citation: Polushina, A. E. Problems of criminal prosecution for cruelty to animals. *Femida. Science = Themis.Science*. 2025;(1):94-101. (In Russ.)

Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными устанавливает ст. 245, которая размещена в главе 25 УК РФ, посвященной преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности. Общественная опасность жестокого обращения с животными не ограничивается лишь страданиями самих животных. Это явление имеет глубокие социальные последствия, поскольку повышает уровень напряжения в быту и обществе и может свидетельствовать о серьезных проблемах в личности конкретного преступника. Таким образом, это преступление многообразно и многообъектно по своему содержанию.

Исследования показывают, что люди, проявляющие агрессию и жестокость по отношению к животным, часто склонны к насилию и против других людей. Повышенной степенью общественной опасности обладают преступления в отношении животных, совершенные в соучастии¹. Психологи

¹ Богомолова К. И., Краснова К. А., Панова Ю. А. Современное уголовное законодательство и правоприменительная практика : учеб. пособие. Саратов : Поволж. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 57.

отмечают, что такие действия могут быть признаком глубоких психологических расстройств, отсутствия эмпатии и моральных ориентиров [1, с. 102]. Жестокие поступки по отношению к живым существам развивают в человеке негативные черты характера, которые впоследствии могут привести к совершению более тяжких преступлений.

Изучению личности преступника, совершающего жестокое обращение с животными, посвящены научные статьи и работы В. С. Мирошниченко [1], Е. Н. Рахмановой [2], О. В. Саратовой [3], Н. Ю. Филатовой [4; 5] и др.

Последние изменения в ст. 245 УК РФ были внесены в 2017 г.² Как они сказались на содержании признаков данного состава преступления? Для ответа на данный вопрос обратимся к предыдущей редакции указанной статьи от 7 декабря 2011 г.

Изменения в первую очередь коснулись диспозиции уголовно-правовой нормы, что свидетельствует о расширении круга лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. Чтобы привлечь человека к ответственности за преступление против животного (например, при гибели или нанесении увечья), раньше требовалось наличие одного из специфических признаков: хулиганские или корыстные побуждения; применение садистских методов; присутствие малолетних. Теперь же изменения нормы делают возможным привлечение к ответственности даже тех лиц, чьим мотивом было просто причинение боли или страданий животному без дополнительных квалифицирующих признаков. Это означает ужесточение законодательства по отношению к тем, кто совершает акты насилия над животными, и повышение уровня защиты прав животных [6, с. 324].

Начиная с 2017 г., ч. 2 ст. 245 УК РФ была дополнена новыми квалифицирующими признаками: совершение такого рода действий с публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или через сеть «Интернет», а также в отношении нескольких животных. Эти дополнения подчеркивают необходимость более строгой ответственности за жестокость в современном обществе, где такие действия могут получить широкую огласку и повлиять на большее число людей, а также вызвать широкий общественный резонанс.

Самым главным изменением явилось ужесточение санкций. Так, в санкции ч. 1 рассматриваемой статьи появилось наказание в виде лишения свободы, а квалифицирующие составы, содержащиеся в ч. 2, были переведены из преступлений небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести, поскольку верхний предел срока лишения свободы возрос до 5 лет.

Помимо УК РФ ответственность за ненадлежащее обращение с животными предусмотрена Федеральным законом «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

² Федеральный закон от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Российской Федерации»³. Так, за нарушение требований указанного Закона владельцы животных и иные лица несут административную, уголовную и иную ответственность в порядке, установленном действующим законодательством. К примеру, в 2023 г. введена административная ответственность за жестокое обращение с животными (при отсутствии признаков составов преступлений, содержащихся ст. 245 УК РФ) в ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ. Полагаем, что профилактика данного административного правонарушения и своевременное привлечение к административной ответственности виновных лиц сыграют позитивную роль в противодействии рассматриваемому преступлению [7, с. 88].

Обращаясь к наиболее близким по опыту государствам – членам ЕАЭС, можно заметить некоторые общие тенденции в законодательстве. Так, совсем недавно в ч. 2 ст. 245 УК РФ, ч. 3 ст. 316 Уголовного кодекса Республики Казахстан⁴ и ч. 2 ст. 163 Уголовного кодекса Кыргызской Республики⁵ в качестве отягчающего обстоятельства появился квалифицирующий признак: публичная демонстрация деяния в СМИ или сети «Интернет».

Важно отметить, что лишь небольшое количество дел получает широкую огласку. В основном это вызвано оперативным удалением всего нежелательного контента из сети «Интернет», в том числе записи непосредственно издевательств над животными. В 2016 году две девушки из Хабаровска убивали щенков и размещали в сети «Интернет» фотографии. Шокирующий контент хабаровчанки хранили в закрытых альбомах соцсетей и в личных переписках. Как именно информация попала в сеть, доподлинно неизвестно⁶.

Ситуация с безнадзорными животными в российских городах действительно сложная и требует комплексного подхода. Отсутствие четкого законодательства и эффективных программ регулирования численности бездомных животных приводит к тому, что многие регионы вынуждены действовать по собственному усмотрению, часто прибегая к методам, которые вызывают критику и протесты защитников животных. Полагаем, что отлов и уничтожение бездомных собак и кошек – это крайняя мера, которая не решает проблему в долгосрочной перспективе. Более эффективным подходом было бы внедрение программ стерилизации, вакцинации и регистра-

³ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Фалхвадзе Е. Хабаровские живодерки: что стало с двумя девушками, которые истязали щенков на «заброшке» и снимали на видео // Комсомольская правда. 2022. 25 нояб. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27476.5/4683031/> (дата обращения: 10.01.2025).

ции домашних питомцев, а также создание государственных приютов, где животные могли бы находиться до тех пор, пока им не найдут новых хозяев.

Волонтерские организации и частные приюты играют важную роль в решении этой проблемы, однако они сталкиваются со множеством трудностей, включая недостаток финансирования и ресурсов. Кроме того, существуют определенные риски, связанные с передачей животных в ненадежные руки. Для минимизации этих рисков необходимо усилить контроль за процессом передачи животных новым владельцам, возможно, ввести обязательную проверку потенциальных хозяев.

На фоне участвовавших случаев нападения бездомных животных, в особенности на детей, проблема безнадзорных животных требует системного решения на федеральном уровне. Официальной статистики по факту подобных инцидентов нет. По данным «Известий», в год происходит около 300 тыс. зарегистрированных нападений собак на людей, в 30% жертвами нападений становятся дети⁷. Исходя из данных по отдельным регионам, тенденция нападений бездомных животных лишь растет. Так, только территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации по Саратовской области за 2023 г. было зарегистрировано 342 сообщения об укусах собак⁸. Необходимо разработать и принять закон, который будет регулировать деятельность приютов и волонтерских организаций, устанавливать стандарты ухода за животными и контролировать процесс их отлова и содержания. Только таким образом можно добиться улучшения ситуации и обеспечения безопасности как для животных, так и для людей.

Для сравнения обратимся к опыту европейских стран, поскольку согласно рейтингу Всемирного общества защиты животных⁹ (ВОЗЖ) именно эти страны обладают наиболее высоким уровнем законодательного регулирования обращения с животными. Важную роль в установлении общих норм и правил играет Европейский союз.

Забота о благополучии животных закреплена в Договоре о функционировании Европейского союза¹⁰ (ст. 13), что обязывает государства-члены учитывать интересы животных при разработке политики в различных сферах, таких как сельское хозяйство, транспортировка, научные исследования и другие. Кроме того, ЕС принимает директивы и регламенты, направ-

⁷ Хрусталева К. В России за год происходит около 300 тысяч нападений собак на людей. Что известно о последних случаях? // Урал56.Ру. 2023. 19 апр. URL: <https://www.ural56.ru/news/692894/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁸ Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. С начала 2024 года участились случаи нападения бездомных собак на несовершеннолетних детей на территории области. 2024. 23 апр. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/region-news/12752> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ Animal Protection Index. URL: api.worldanimalprotection.org (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁰ European Union. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/ (дата обращения: 10.01.2025).

ленные на защиту животных. Например, Директива 2010/63/EU¹¹ регулирует использование животных в научных целях и требует минимизации страданий животных; Регламент (ЕС) № 1099/2009¹² устанавливает правила убоя животных, чтобы минимизировать боль и страдания во время процесса. Есть также нормы, регулирующие перевозку животных, условия содержания домашних питомцев и многое другое, что подробно рассмотрено в работах некоторых авторов [8, с. 87].

Каждая страна Евросоюза адаптирует эти общие нормы к своему национальному законодательству, обеспечивая тем самым высокий уровень защиты животных. Такой подход позволяет странам ЕС эффективно бороться с жестоким обращением с животными и создавать благоприятную среду для их благополучия.

Несмотря на развитое законодательство в сфере защиты прав животных, это не останавливает людей от совершения преступления. Так, 6 февраля 2024 г. в Швеции, где в соответствии с «Animal Protection Index» законодательство находится на уровне «В» (уровня «А» не удостоено ни одно государство), жительницу г. Стокгольма признали виновной в нарушении Закона о защите животных после того, как в ее квартире была обнаружена нелегальная ферма по разведению хомяков¹³. Разведение большого количества хомяков в условиях, где они испытывают стресс и страдания, противоречит принципам гуманного обращения с животными. Подобные ситуации могут нанести вред здоровью и благополучию животных. Целью разведения грызунов была их продажа в зоомагазин. Властям пришлось изъять неустановленное количество хомяков, а женщину приговорили к штрафу на сумму в 2500 крон. Решение властей изъять хомяков было правильным шагом, направленным на предотвращение дальнейших страданий животных. Изъятие животных обычно происходит в случаях, когда их владельцы не способны обеспечить им должный уход и условия проживания.

В ранее приведенных примерах дел о жестоком обращении с животными решающую роль сыграло внимание общественности. В описанной ситуации в Швеции именно соседи обвиняемой заинтересовались ее деятельностью и впоследствии обратились в компетентные органы.

Громкое же дело о «хабаровских живодерках» получило широкий резонанс уже после непредвиденного обнародования данных. Но, возможно, именно это помогло добиться справедливых сроков для виновных лиц. К сожалению, проблема защиты животных в России действительно долгое время оставалась на периферии общественного внимания. Однако важно понимать, что защита животных тесно связана с защитой общества в целом. Если государство не уделяет должного внимания борьбе с жестоко-

¹¹ European Union. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/ (дата обращения: 10.01.2025).

¹² European Union. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/ (дата обращения: 10.01.2025).

¹³ Новости Швеции. URL: swedinfo.ru (дата обращения: 10.01.2025).

стью по отношению к животным, это может создать условия для роста преступности и насилия в обществе, что следует учитывать при оценке и реагировании на изменение криминальной ситуации в стране [9, с. 43].

Борьба с жестоким обращением с животными должна стать частью общей стратегии профилактики правонарушений. Важно повышать осведомленность населения о важности гуманного отношения к животным и ужесточать меры наказания за подобные деяния. Только так можно создать общество, где ценятся жизнь и благополучие всех его членов, независимо от того, человек это или животное.

Список источников

1. Мирошниченко В. С. Криминологическая характеристика лиц, совершающих жестокое обращение с животными // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2012. № 5. С. 102–104.
2. Рахманова Е. Н., Филатова Н. Ю. Правовая регламентация ответственности за жестокое обращение с животными в Китайской Народной Республике // *Российское правосудие*. 2022. № 6. С. 63–69.
3. Саратова О. В. Личность совершившего преступление, связанное с жестоким обращением с животными // *Общество и право*. 2009. № 5. С. 218–221.
4. Филатова Н. Ю. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в Италии и России // *Адвокатская практика*. 2017. № 5. С. 59–62.
5. Филатова Н. Ю. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными по законодательству США // *Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки*. 2019. № 2. С. 35–40.
6. Овсейчук А. С. Проблемы теории и практики применения уголовного закона о жестокости обращения с животными // *Молодой ученый*. 2019. № 25 (263). С. 324–327.
7. Кобец П. Н., Краснова К. А. Противодействие отдельным видам преступлений посредством предупреждения административных правонарушений // *Преступность, ее виды и проблемы борьбы : сб. ст. / под ред. А. И. Долговой. М. : Рос. криминолог. ассоц., 2011. С. 87–97.*
8. Ситников Г. В. Конституционализация защиты животных в современных государствах (на примере Германии и Швейцарии) // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2019. № 6 (133). С. 86–105.
9. Кобец П. Н., Краснова К. А. О необходимости социально-криминологического моделирования криминальной ситуации в России // *Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование : сб. ст. / под ред. А. И. Долговой. М. : Рос. криминолог. ассоц., 2009. С. 41–46.*

References

1. Miroshnichenko, V. S. Criminological characteristics of persons committing a cruelty to animals. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2012;(5):102-104. (In Russ.)
2. Rakhmanova, E. N., Filatova, N. Yu. Legal regulation of liability for cruelty to animals in the people's republic of China. *Rossiyskoe pravosudie = Russian Justice*. 2022;(6):63-69. (In Russ.)

3. Saratova, O. V. The identity of the perpetrator of a crime related to animal cruelty. *Society and Law*. 2009;(5):218-221. (In Russ.)
4. Filatova, N. Yu. Comparative law analysis of criminal liability for animal abuse in Italy and Russia. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*. 2017;(5):59-62. (In Russ.)
5. Filatova, N. Yu. Criminal responsibility for animal cruelty under U.S. law. *Nauchnoe mnenie. Ekonomicheskie, yuridicheskie i sotsiologicheskie nauki = The Scientific Opinion. Economic, Juridical and Sociological Sciences*. 2019;(2):35-40. (In Russ.)
6. Ovseychuk, A. S. Problems of theory and practice of application of the criminal law on cruelty to animals. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2019;(25):324-327. (In Russ.)
7. Kobets, P. N., Krasnova, K. A. Countering certain types of crimes through the prevention of administrative offenses. In: A. I. Dolgova, ed. *Crime, its types and problems of struggle*. Collection of articles. Moscow: Russian Criminological Association; 2011. Pp. 87–97. (In Russ.)
8. Sitnikov, G. V. Constitutionalization of animal protection in modern states (on the example of Germany and Switzerland). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2019;(6):86-105. (In Russ.)
9. Kobets, P. N., Krasnova, K. A. On the need for socio-criminological modeling of the criminal situation in Russia. In: A. I. Dolgova, ed. *New criminal situation: assessment and response*. Collection of articles. Moscow: Russian Criminological Association; 2009. Pp. 41–46. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Е. Полушина – студент 3 курса.

Information about the author

A. E. Polushina – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.

Гражданское и административное судопроизводство / Civil and Administrative Proceedings

Научная статья

УДК 340.9

EDN: RHQFAA

Принцип объективной истины доказательного права в гражданском процессе России и КНР: от советской модели до современности

Анна Викторовна Васильева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

✉ yamacha2003@yandex.ru

Научный руководитель: М. А. Митина, старший преподаватель кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация. В трудах Н. А. Чечиной неоднократно поднимается вопрос о применимости и жизнеспособности принципа объективной истины в гражданском процессе. Актуальность исследования обусловлена дискуссионностью принципа объективной истины в современном гражданском процессе, особенно в контексте противоречия между активной ролью суда и состязательной моделью, доминирующей в «буржуазных» правовых системах. Объектом исследования выступают принципы объективной истины и состязательности в гражданском процессе, их взаимодействие и конфликт. В качестве методов использованы сравнительно-правовой анализ для сопоставления российской и китайской моделей с учетом исторической преемственности, догматический метод и историко-генетический подход в целях выявления влияния советской процессуальной школы на правовые системы постсоциалистических государств.

Выводы исследования: достижение объективной истины невозможно без активной роли суда, особенно в условиях дисбаланса процессуальных возможностей сторон. Установлено, что китайское доказательное право, сохраняя черты советской модели, эволюционирует в сторону усиления состязательных элементов, что создает противоречия в применении принципа объективной истины.

Ключевые слова: гражданский процесс, допустимость доказательств, суд, объективная истина, состязательность, относимость доказательств, принцип состязательности

Для цитирования: Васильева А. В. Принцип объективной истины доказательного права в гражданском процессе России и КНР: от советской модели до современности // Фемида. Science. 2025. № 1 (16). С. 102–111.

Original article

Principle of Objective Truth of Evidence Law in the Civil Procedure of the Russia and the PRC: From the Soviet Model to Present Times

Anna V. Vasileva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ *yamaxa2003@yandex.ru*

Scientific supervisor: M. A. Mitina, Senior Lecturer of the Civil Procedure Department of the St. Petersburg State University

Abstract. In her works N. A. Chechina repeatedly raises the question of applicability and viability of the principle of objective truth in civil proceedings. The relevance of the study is conditioned by the debatability of the principle of objective truth in modern civil proceedings, especially in the context of the contradiction between the active role of the court and the adversarial model. The object of the study is the principles of objective truth and adversarial principles in civil procedure, their interaction and conflict. The methodological basis includes comparative legal analysis to compare the Russian and Chinese models taking into account historical continuity, dogmatic method and historical-genetic approach in order to identify the influence of the Soviet procedural school on the legal systems of post-socialist states.

Conclusions of the study: the achievement of objective truth is impossible without the active role of the court, especially in the conditions of imbalance of procedural opportunities of the parties. Chinese evidentiary law, while retaining the features of the Soviet model, is evolving towards the strengthening of adversarial elements, which creates contradictions in the application of the principle of objective truth.

Keywords: civil procedure, admissibility of evidence, court, objective truth, competitiveness, relevance of evidence, principle of competitiveness

For citation: Vasileva, A. V. Principle of objective truth of evidence law in the civil procedure of the Russia and the PRC: from the soviet model to present times. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):102-111. (In Russ.)

Развитие принципа объективной истины в гражданском процессе в СССР

Начала принципа объективной истины следуют еще из ГПК РСФСР 1923 г.¹ Так, согласно ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г. суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся, чтобы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные обстоятельства не могли быть использованы им во вред. В ст. 118 ГПК РСФСР было предусмотрено, что доказательства представлялись сторонами, но также могли быть собраны по инициативе суда, и в соответствии со ст. 121

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923.

ГПК РСФСР суд мог по собственной инициативе или по просьбе сторон производить необходимые поверочные действия.

Свое развитие и толкование принцип объективной истины получил чуть позже и в доктрине: впервые он был применен А. Я. Вышинским в 1937 г. [1, с. 172]. Он считал, что этот принцип способствовал обличению виновных и их наказанию, вне зависимости от сознания участников процесса и обстоятельств, входящих в предмет доказывания, – т. е. суд «помогает» сторонам собирать доказательства.

Данный тезис в свое время обосновывал также К. С. Юдельсон. Имея в виду положения ГК РСФСР 1922 г. и ГПК РСФСР 1923 г., он писал: «...недопущение свидетельских показаний является гарантией для трудящихся от недобросовестных элементов. Достаточно такому недобросовестному лицу предъявить неосновательный иск о взыскании, например, денег под предлогом несуществующего договора займа и подговорить одного-двух лжесвидетелей, чтобы добиться (если эти лжесвидетели не будут разоблачены) взыскания суммы, которая в самом деле в долг не давалась» [2, с. 172]. Таким образом, на первое место ставилась защита добросовестных трудящихся, которые могут быть не в полной мере осведомлены о своих правах, иметь какие-либо препятствия в самостоятельном сборе доказательств.

Следующий ГПК РСФСР 1964 г.² обязывал суд доказывать те обстоятельства, на которые стороны ссылаются как на основания своих требований и возражений, а сам судебный процесс становился следственным. Так, согласно ст. 14 ГПК РСФСР суд обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон.

В 1995 г. смещать господствовавший более 30 лет следственный процесс постепенно начали идеи о важности автономии сторон и принципе формальной истины, присущие состязательному процессу. В соответствии с ними суд более был не вправе заниматься сбором и представлением доказательств по собственной инициативе, и решение выносилось по имеющимся в деле доказательствам в случае, если стороны процесса не представляли суду доказательств. **Однако является ли решение, вынесенное на основании фактов и доказательств, определенных непосредственно сторонами, законным?** В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке является неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела. Сравним данное положение с основаниями к отмене в ГПК РСФСР в редакции 1964 г. и 1995 г. соответственно. Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 306 ГПК РСФСР 1964 г. основанием к отмене решения суда в кассационном порядке и передаче дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции является **неполное выяснение обстоятельств**, имеющих значение для дела. В редакции же Кодекса от 30 ноября 1995 г.

² Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964.

№ 189-ФЗ³ в данный пункт внесена поправка, согласно которой основанием является **неправильное определение юридически значимых обстоятельств**. Уже здесь прослеживается смещение акцента с обязанности суда установить обстоятельства дела (т. е. выяснить объективную истину) на важность корректного толкования обстоятельств, уже представленных сторонами, что позже нашло свое закрепление в современном ГК РФ (т. е. предпочтение отдается форме, а не содержанию).

Н. А. Чечина в труде о презумпции истинности судебного решения, вступившего в законную силу [3], категорично высказывается о возможности установления формальной истины. Она отмечает, что формальная истина может быть «истиной» только для эксплуататорских классов, выявляемой судом в интересах усиленной эксплуатации трудящихся масс. Представляется, что данная позиция применима и сейчас. Так, будучи членом рабочих групп по разработке ГПК РСФСР и нового гражданско-процессуального законодательства и учитывая в том числе новые тенденции в социально-экономическом и политико-правовом развитии, Н. А. Чечина отмечала, что презюмирование истинности решения не делает его справедливым, равно как и не устраняет наличествующий между сторонами спор. В настоящее время эта проблема по-прежнему актуальна: суд, будучи пассивным наблюдателем в процессе, вынося судебное решение, основанное исключительно на тех обстоятельствах, которые представили стороны, таким образом позволяет более сильной стороне в процессе одержать победу не за счет установления объективной истины, выявления и восстановления нарушенного права, а за счет соблюдения ряда формальных процедур и представления (или, наоборот, сокрытия) доказательств, о существовании которых другая сторона могла даже не знать. Так, когда стороны распоряжаются своими материальными и процессуальными правами, а суд лишь наблюдает за процессуальной правильностью происходящего «состязания» и может устанавливать только формальную истину, он закономерно будет делать вывод только на основе представленных доказательств, что далеко не всегда может соответствовать действительности. Данный аргумент подчеркивает основную проблему установления формальной истины – обращаясь в суд за защитой нарушенного права, сторона ожидает, что сможет его восстановить. И восстановить его можно только при условии вынесения решения в пользу правого, для чего необходимо отыскать объективную истину. Когда суд, останавливаясь на формальном подходе и будучи пассивным наблюдателем, выносит решение только на основе изложенного, спор в действительности остается неразрешенным, являясь фикцией, принятой по повелению закона.

Принцип объективной истины в ГПК РФ

Принято считать, что гражданский процесс в настоящее время базируется на прямо закрепленном в Кодексе принципе состязательности, кардинально трансформированном еще в 1995 г. и усиленном принятым в

³ Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 49. Ст. 4696.

2002 г. ГПК РФ. Это различие носит качественный характер. В гражданском судопроизводстве, как известно, обязанность доказывания обычно лежит на сторонах. Если одна из них не представляет суду доказательств, то суд, в сущности, **не обязан даже предполагать их наличие в природе**. Таким образом, достигаемая сейчас судами истина по своей сути является «формальной». Под формальной истиной следует понимать ту, «которая признается таковой, если она соответствует формальным указаниям закона».

Однако данная позиция, полностью отрицая существование элементов принципа объективной истины, не учитывает ряд раскрывающих их положений ГПК РФ. К примеру, проанализируем ч. 2 ст. 12 ГПК РФ и ст. 14 ГПК РСФСР в редакции 1995 г. Согласно ГПК РСФСР суд, сохраняя беспристрастность, создает необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела: разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий и в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, оказывает им содействие в осуществлении их прав. В данном случае суд действительно находится как бы «над сторонами», не вмешивается в процесс доказывания, следит за соблюдением процессуальных прав сторон, однако не проявляет собственной инициативы для выяснения истины. Сравним данное положение с действующей редакцией ГПК РФ: суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, **создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства** при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Обратимся также к ч. 2 ст. 56 ГПК РФ: суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, **даже если стороны на какие-либо из них не ссылались**.

Таким образом, в данном случае суд не только наблюдает, но и способствует сторонам в представлении ими доказательств и более, чем в предыдущей редакции, заинтересован в установлении действительных обстоятельств дела.

Является ли большая автономия сторон отказом от объективной истины? Сохранилась ли необходимость цели достижения объективной истины?

Представляется, что да. Несмотря на то что в ГПК РФ принцип объективной истины не нашел отражения в чистом виде, в ряде норм можно проследить его элементы. Так, по общему правилу, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Однако исполнение этих обязанностей определено жесткими рамками процессуального закона и в соответствии с **правилом относимости** доказательств делает суд активным участником процесса. Так, в соответствии с этим правилом, отраженным в ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, совокупность фактов, имеющих значение для дела, в итоге опре-

делает суд, руководствуясь собственной квалификацией спорных правоотношений в соответствии с законом, а не предложенной сторонами.

Свое выражение принцип объективной истины нашел и в **правиле о допустимости доказательств**. Так, для установления обстоятельств гражданского дела предусмотрено всего шесть средств доказывания. Это объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи и заключения экспертов, а обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими средствами доказывания [4, с. 45]. Довольно подробно отсутствие коллизий между правилом допустимости доказательств и принципом объективной истины обосновал А. Г. Калпин: «Даже тогда, когда все возможности получения сведений в требуемой законом процессуальной форме исчерпаны, суд с объективной достоверностью констатирует факт отсутствия допустимых доказательств и тем самым констатирует отсутствие у истца права на принудительное осуществление его требования или отсутствие оснований для освобождения от ответственности перед истцом у ответчика, ссылающегося в опровержение исковых требований на наличие сделки. В отношении установления этих фактов решение суда должно отвечать объективной истине. Следовательно, даже применительно к этим случаям было бы принципиально неправильно рассматривать правило допустимости как помеху на пути к установлению истины» [5, с. 13–14].

Особенно наглядно прослеживается тенденция стремления к принципу объективной истины при столкновении вышеупомянутых правил относимости и допустимости доказательств и необходимости вынести истинное решение. Так, может легко оказаться, что тот или иной факт в действительности произошел, но ввиду отсутствия в конкретном случае доказательств определенного вида, допустимых для его удостоверения согласно закону, этот факт должен быть в случае спора судом отвергнут либо, напротив, суд не предложил стороне осуществить свое право по представлению доказательств и ей в этом не способствовал. Таким образом, возникает противоречие между действительностью и ее судебным подтверждением [6].

Принцип объективной истины в ГПК КНР

Согласно традиционной теории КНР о доказательствах достижение объективной истины является необходимым требованием к результату процесса доказывания, которое должно быть соблюдено в гражданском процессе. Так, задача доказывания в суде состоит в том, чтобы определить «объективную истину» по конкретному делу, и факты, установленные судебными властями, должны полностью соответствовать фактам, которые действительно имели место, быть объективными и достоверными [7].

Однако с постепенным реформированием гражданско-процессуального закона и стремлением уменьшения объема полномочий судей все больше ученых стали отмечать недостатки этой теории. Так, реформа методов гражданского судопроизводства с 1990-х гг. основывалась на ослаблении полномочий судов и усилении бремени доказывания сторон. В условиях господствующей традиционной теории объективной истины, когда судья

должен выяснить все факты, относящиеся к делу, даже если у сторон вообще нет претензий или имеются неоспоримые факты, суд должен их самостоятельно расследовать в соответствии со своими полномочиями, и решение не выносится немедленно, если обе стороны исчерпали все средства доказательства [8]. Критикуя традиционную теорию объективной истины, ученые часто указывают на следующий недостаток: данная теория чрезмерно идеалистична и на практике нереализуема, а также игнорирует законы самого судебного процесса, дает ненаучное теоретическое объяснение процесса доказывания в судебном процессе, что, в свою очередь, выдвигает нереалистичные требования к практике доказывания в судебном процессе. Поскольку требование о достижении истины при активном участии суда в процессе доказывания нереалистично, его руководящая роль в судебной практике крайне слаба.

Несмотря на обширные доктринальные дискуссии, ГПК КНР принят на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва 9 апреля 1991 г.⁴, и его последующие редакции вполне определенно подчеркивают активную роль суда, не только обеспечивающего права сторон во время судебного разбирательства, но и самостоятельно собирающего доказательства, что является неотъемлемым элементом принципа объективной истины. Так, в соответствии со ст. 64 Кодекса стороны несут ответственность за представление доказательств при обосновании своих позиций, однако **народный суд собирает доказательства** в случаях, если сторона и ее представитель по объективным причинам не могут самостоятельно собрать доказательства или **если народный суд сочтет, что эти доказательства необходимы** при рассмотрении дела.

Несмотря на то что китайский гражданский процесс и строился преимущественно с учетом советской модели, и в ГПК КНР, как указано выше, в части доказывания сильны начала, поддерживающие принцип объективной истины, в КНР большую роль также играют подзаконные нормативно-правовые акты, толкования судов и КПК КНР. В силу такой особенности китайской правовой системы различия между советской и китайской системами все же есть, и они обуславливают диаметрально разное толкование и применение принципа на практике.

Так, 1 мая 2020 г. были официально введены в действие «Некоторые положения Верховного народного суда о доказательствах в гражданских процессах»⁵, которые пересматривались в течение почти пяти лет. До введения

⁴ 中华人民共和国民事诉讼法: 1991年4月9日第七届全国人民代表大会第四次会议通过 // 中国法律年鉴. 1991. 1号. 第45–67页. [Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (принят на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва 9 апреля 1991 г.) // Ежегодник китайского права. 1991. № 1. С. 45–67].

⁵ 最高人民法院关于民事诉讼证据的若干规定: 2001年12月6日最高人民法院审判委员会第1201次会议通过 // 最高人民法院公报. 2002. 1号. 第3–10页. [Некоторые положения Верховного народного суда о доказательствах в гражданских процессах (принят на 1201-м заседании Судебного комитета Верховного народного суда 6 декабря 2001 г.) // Бюллетень Верховного народного суда. 2002. № 1. С. 3–10].

в действие новых «Положений о гражданских доказательствах»⁶ судам необходимо было уделять большое внимание срокам представления доказательств в гражданском процессе, и ошибки были недопустимы. Так, если доказательные материалы не представлялись в течение срока для представления доказательств, чаще всего это расценивалось как отказ от представления доказательств.

В судебной практике КНР можно выделить целую категорию споров, преимущественно связанных с невозвратом кредитуру задолженности, в которых суды формально разрешали дело по существу, однако истина установлена не была. Например, в делах, в которых согласно доказательствам, представленным истцами, они с ответчиками вступали в кредиторско-долговые отношения и ответчик должен был выполнить свои обязательства по погашению в течение срока, предусмотренного в долговой расписке, хотя ответчики и утверждали в ходе судебных разбирательств, что не брали в долг либо что долговая расписка была написана под принуждением, суды не вставали на сторону ответчиков ввиду недостаточности представленных доказательств⁷. В данных случаях цели гражданского процесса выполнялись исключительно формально, а потому согласно принятым позже новым Положениям прежняя практика прямого лишения материальных прав в процессуальном порядке из-за непредставления в установленный срок соответствующих доказательств в гражданских процессах навсегда ушла.

Таким образом, современная судебная система КНР достигла перехода от «информирования истины» к «раскрытию истины» при определении обстоятельств дела, что означает, что современная судебная система применяет принцип объективной истины, где закон о доказательствах является основой для того, чтобы судьи действительно оценивали доказательства, а не используемые сторонами процессуальные механизмы. Актуальна дискуссия о включении в Положения о гражданских доказательствах норм, согласно которым Положения **не должны ни ограничивать опыт и мудрость судьи**, ни вызывать у судьи пассивное отношение к вынесению решений из-за чрезмерного невмешательства [9].

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что в правовой системе и Российской Федерации, и КНР принцип объективной истины сохраняется на сегод-

⁶ 民事诉讼证据规定: 2001年12月6日最高人民法院审判委员会第1201次会议通过 // 最高人民法院公报. [Положения о гражданских доказательствах (приняты на 1201-м заседании Судебного комитета Верховного народного суда 6 декабря 2001 г.) // Бюллетень Верховного народного суда. 2002. № 1].

⁷ 南京市鼓楼区人民法院鼓民一初字第212号民事判决书 (2007) [Народный суд района Гулоу г. Нанкин. Гражданское решение № 212 (первой инстанции) от 2007 г.] // Официальная база судебных решений КНР «中国裁判文书网»; 江苏省连云港市中级人民法院民一终字第946号判决书 (2002) [Народный суд промежуточной инстанции г. Ляньюньган пров. Цзянсу. Гражданское решение № 946 (окончательное) от 2002 г.] // Официальная база судебных решений КНР «中国裁判文书网». URL: <https://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 04.10.2024).

няшний день. Несмотря на существующие споры о необходимости усиления состязательных начал, в настоящее время китайский гражданский процесс придерживается принципов «основано на фактах и законе» и «тот, кто утверждает, должен представить доказательства» (оставляя за судом право по собственной инициативе собирать доказательства). Это доказывает господство принципа объективной истины в гражданском процессе КНР. Учитывая то, что и в гражданском процессе России, и в гражданском процессе КНР существует тенденция расширения полномочий судов и судебного усмотрения, принцип объективной истины на сегодняшний день не только не забыт, но и развивается, активно применяемый на практике.

Список источников

1. Вышинский А. Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе. 4-е изд. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. 232 с.
2. Юдельсон К. С. Судебные доказательства и практика их использования в гражданском процессе. М. : Проспект, 1956. 251 с.
3. Чечина Н. А. О презумпции истинности судебного решения, вступившего в законную силу // Избранные труды по гражданскому процессу / сост. Е. Ю. Новиков, Н. С. Лосев. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2021. С. 189–192
4. Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. М. : Проспект, 2017. 288 с.
5. Калпин А. Г. Письменные доказательства в судебной практике по гражданским делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 20 с.
6. Гурвич М. А. Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 85–93.
7. 刘金友主编：《证据理论与实务》. 法律出版社1992年版，第150–160页. [Лю Цзинью. Теория и практика доказательств. Law Press, 1992. С. 150–160].
8. 陈朝阳：“司法公正与效率视野下的民事诉讼证明标准探讨”，载《诉讼证据制度研究》，建明主编，第275–301页. [Чэнь Чаоян. Обсуждение стандартов сертификации в области гражданского судопроизводства с точки зрения справедливости и эффективности судебной системы // Исследования системы судебных доказательств / глав. ред. Цзяньмин. Пекин : Law Press China, 2008. С. 275–301].
9. 参见章武生等：《司法现代化与民事诉讼制度的建构》，法律出版社2000年版. 第243–245页. [Чжан Вушэн и др. Модернизация судебной системы и построение системы гражданского судопроизводства. Law Press, 2000. С. 243–245].

References

1. Vyshinsky, A. Ya. *Problems of evaluation of evidence in the Soviet criminal process*. 4th ed. Moscow: Law Publishing House of the People's Commissariat of Justice; 1937. 232 p. (In Russ.)
2. Yudel'son, K. S. *Judicial evidence and practice of its use in the civil process*. Moscow: Prospekt; 1956. 251 p. (In Russ.)
3. Chechina, N. A. On the presumption of truth of a court decision that has entered into legal force. In: E. Yu. Novikov, N. S. Losev, N. A. Chechina, comp. *Selected works on civil procedure*. 2nd ed. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University; 2021. Pp. 189–192. (In Russ.)

A. V. Vasileva. *Principle of objective truth of evidence law in the civil procedure*

4. Bonner, A. T. *Problems of establishing the truth in civil proceedings*. Moscow: Prospekt; 2017. 288 p. (In Russ.)
5. Kalpin, A. G. *Written evidence in judicial practice in civil cases*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1966. 20 p. (In Russ.)
6. Gurvich, M. A. The principle of objective truth of the Soviet civil procedural law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1964;(9):85-93. (In Russ.)
7. 刘金友主编：《证据理论与实务》，法律出版社1992年版，第150–160页。 [Liu, Jingyu. *Theory and Practice of Evidence*. Law Press; 1992. Pp. 150–160].
8. 陈朝阳：“司法公正与效率视野下的民事诉讼证明标准探讨”，载《诉讼证据制度研究》，建明主编，第275–301页。 [Chen, Chaoyang. Discussion of certification standards in the field of civil proceedings from the point of view of fairness and effectiveness of judicial proceedings. In: Zhenming, ed. *Investigation of the judicial evidence system*. Beijing: Law Press China; 2008. Pp. 275–301].
9. 参见章武生等：《司法现代化与民事诉讼制度的建构》，法律出版社2000年版。第243–245页。 [Zhang, Wusheng, et al. *Judicial Modernization and the Construction of Civil Justice System*. Law Press; 2000. Pp. 243–245].

Информация об авторе

A. B. Васильева – студент 4 курса.

Information about the author

A. V. Vasileva – 4th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья

УДК 347.9

EDN: THEVPR

Воздействие информационных технологий на принцип гласности в гражданском процессе

Екатерина Алексеевна Колобынина

*Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Казань, Российская Федерация*

✉ *k.85.27.3@gmail.com*

*Научный руководитель: И. В. Воронцова, д.ю.н., доцент, заведующий
кафедрой гражданского процессуального права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия имени
В. М. Лебедева*

Аннотация. Информационные технологии проникают в систему правосудия, становясь важнейшей составляющей разрешения дела, и кажется, что в скором времени нельзя будет говорить о качественном и справедливом решении суда вне информатизации всех этапов судебного процесса. В статье автор пытается ответить на вопрос о том, насколько цифровизация уже повлияла и повлияет на сущность гражданского процесса, которая закреплена прежде всего в его процессуальных принципах.

На примере принципа гласности, который, по мнению автора, активнее других принципов участвует в цифровизации судопроизводства, рассматриваются основные положительные факторы, а также риски, связанные с трансформацией этого принципа на современном этапе развития гражданского процесса. Высказываются предположения о том, какие есть возможные пути решения тех или иных проблем, возникающих в связи с воздействием информационных технологий на рассматриваемый принцип и его элементы. В конце исследования аргументируются выводы, что результаты изменения принципа гласности под влиянием цифровизации носят позитивный характер, однако у изучаемого явления существуют и отрицательные аспекты, которые, по мнению автора, также удастся преодолеть.

Ключевые слова: цифровизация судопроизводства, принципы гражданского процессуального права, принцип гласности, принцип доступности правосудия, открытость правосудия

Для цитирования: Колобынина Е. А. Воздействие информационных технологий на принцип гласности в гражданском процессе // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 112–119.

Original article

The Impact of Information Technology on the Principle of Transparency in Civil Proceedings

Ekaterina A. Kolobytnina

*Kazan Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Kazan, Russian Federation*

✉ *k.85.27.3@gmail.com*

Scientific supervisor: I. V. Vorontsova, Doctor of Science (Law), Associate Professor, Head of the Civil Procedure Law Department of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. Information technologies are increasingly becoming an integral part of the justice system and are playing a significant role in the resolution of cases. The article aims to explore the question of whether legal proceedings can be equated without the use of digital technologies or whether their integration is essential. The extent to which digitalization has influenced and will continue to influence the nature of civil proceedings, which is primarily reflected in its procedural principles, will also be examined.

Using the example of the principle of transparency, which the author believes is more actively involved in digitalization of legal proceedings than other principles, this article discusses the main positive aspects as well as risks associated with the transformation of these principles at the current stage of civil procedure development. The article makes some predictions about possible solutions to certain issues arising from the influence of information technology on court proceedings. It concludes that the results of changes to the principle of publicity due to digitalization have been positive, but there are also negative aspects of this phenomenon that the author believes can be overcome.

Keywords: digitalization of legal proceedings, principles of civil procedure law, principle of transparency, principle of accessibility of justice, openness of justice

For citation: Kolobytnina, E. A. The impact of information technology on the principle of transparency in civil proceedings. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):112-119. (In Russ.)

Процесс информатизации всех сфер жизни является неоспоримой реальностью современного мира. Хотя он сопряжен с многочисленными вызовами и рисками, это неизбежное явление, которое невозможно обратить вспять или остановить. Поэтому всем общественным институтам необходимо адаптироваться к новым цифровым реалиям, чтобы продолжать эффективно функционировать. В этом контексте судебная система не может позволить себе оставаться в стороне от глобальной тенденции цифровой трансформации и должна идти в ногу со временем. Невыполнение этого требования приведет к разрыву между судебным процессом и развитием общества, что сделает суд неспособным выполнять свою основную функцию – беспристрастно рассматривать дела и восстанавливать нарушенные права. Смогут ли суды справиться с этой задачей, если весь судебный процесс, включая его основополагающие начала – принципы – будет полностью трансформирован в связи с цифровизацией?

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, важно начать с определения принципов, лежащих в основе гражданского судопроизводства, и их роли в общей структуре и функционировании гражданского судопроизводства [1, с. 376]. Принципы представляют собой основные идеи, которые управляют всем процессом, определяя порядок, цели и ценности, которых следует придерживаться при рассмотрении гражданских споров. Некоторые правоведы сравнивают принципы не только с основой правовой системы, но и со стенами или рамками, которые ее поддерживают¹. Действительно, в определенной степени принципы права служат основой, которая ограждает судебное разбирательство от неправомерного и незаконного вмешательства. Принципы выступают в качестве оплота, гарантирующего справедливость и демократичность всех юридических процессов. В этой связи очень важно сохранить баланс между тем, чтобы принципы соблюдались, не изменяя своей сущности, оставаясь, таким образом, механизмом охраны, но не являлись бы в силу своей неизменчивости барьером к совершенствованию посредством информатизации гражданского процесса в целом.

Но так ли это сейчас? Удалось ли законодателю соблюсти такой баланс на современном этапе развития судопроизводства по гражданским делам?

Одним из наиболее ключевых и способствующих активной трансформации правосудия в процессе цифровизации стал принцип гласности судебного разбирательства. Данный принцип закреплен в ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации, устанавливающей открытое разбирательство дел во всех судах, а также непосредственно в ст. 10 ГПК РФ и предполагает, что разбирательство в судах открыто, а решения выносятся публично, за исключением некоторых дел, когда это противоречит интересам правосудия, безопасности или защите частной жизни². Последний аспект является немаловажным и значимым для правильного понимания гласности в целом, его несоблюдение ведет к злоупотреблению и искаженному применению принципа, чего ни в коем случае не должно происходить в угоду реализации таких элементов рассматриваемого принципа, как открытость и публичность [2, с. 115]. Цифровизация судебной деятельности выводит принцип гласности на новый этап восприятия, расширяя доступ к информации и увеличивая прозрачность правосудия в таких формах и масштабах, о которых до внедрения информационных технологий говорить не приходилось. Онлайн-платформы и цифровые архивы делают судебные материалы доступными для невероятно широкой аудитории. Благодаря принятому в 2008 г. Федеральному закону № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»³ созданы сайты всех судов в России, на которых публикуются судебные реше-

¹ Фурсов Д. А. Принципы арбитражного процессуального права : учеб. пособие. М. : ЦМИПКС при МГСУ, 1998. С. 47.

² Лебедев М. Ю. Гражданский процесс : учебник для вузов. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 42.

³ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

ния, информация о работе судов, расписание заседаний. По сути, теперь любой желающий – общественность, журналисты, исследователи – может без труда ознакомиться с материалами интересующих его дел, узнать решение суда, при этом не прилагая никаких усилий, зайдя лишь на официальный сайт интересующего суда, а также в ГАС «Правосудие», «Мой арбитр» или справочно-правовые системы «Гарант» и «Консультант». Все это способствует более активному участию граждан в правовой жизни государства и контролю со стороны судебной власти [3, с. 269]. О развитии публичности правосудия такого уровня еще лет десять назад можно было только мечтать, а сейчас это просто реальность. Стоит отметить, что под публичностью следует понимать право каждого на получение информации о деятельности судов как процессуального, так и иного характера, что возможно лишь при открытости и доступности такой деятельности.

Открытость в гражданском процессе как элемент принципа гласности представляет собой обеспечение доступа к информации о судебном разбирательстве для всех заинтересованных лиц, включая общественность, с соблюдением ограничений, установленных законом. Это означает, что информация о ходе процесса, судебных актах и решениях должна быть доступна, понятна и прозрачна. Интересна по этому поводу позиция А. А. Смолы, в соответствии с которой понятие «открытость» соотносится с гласностью как целое и ее часть, включая в себя понятие «гласность» как принцип, определяющий открытость рассмотрения дела во всех судебных органах [4, с. 53]. Наиболее актуальным элементом открытости в трансформации принципа гласности судебного разбирательства на современном этапе нам представляется трансляция судебных процессов на интернет-платформах.

Этот инструмент был применен еще в 2009 г. Верховным Судом Канады, а в 2018 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса стал проводить трансляции судебных заседаний в прямом эфире на YouTube-канале суда [5, с. 44]. Что касается нашего государства, то первым трансляцию цивилистического процесса в интернет-пространстве начал использовать Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а затем Конституционный Суд Российской Федерации. Лишь с 2015 г. такая практика стала возможной для реализации в судах общей юрисдикции. Вероятно, на данном этапе этот инструмент требует наибольшего распространения, впрочем, нельзя забывать и о безопасности, которая без должной информационной защиты каналов связи и интернет-платформ может быть поставлена под угрозу, чего никоим образом нельзя допустить [6, с. 144].

В связи с этим появляется вопрос о потенциальной проблеме незащищенности данных и возможности несанкционированного доступа к судебным материалам. Кажется, что обеспечение безопасности не вызывает трудности, поскольку профессиональные IT-специалисты могут установить необходимую информационную защиту. Однако здесь назревает новая проблема – привлечение таких специалистов и в дальнейшем использование работниками судов сложных технических программ. Идеальным решением видится подготовка межотраслевых специалистов, понимающих суть как цифровых, так и правовых явлений. Из более достижимого – необходимо проводить разъяснение основных понятий и обучать уже действующих

судебных специалистов базовым принципам работы с IT-технологиям, но и данное решение указанной проблемы требует немалых человеческих ресурсов и материальных затрат.

Что касается доступности, то ее можно определить как гарантированное Конституцией Российской Федерации и обеспечиваемое законодательством Российской Федерации состояние, при котором любое лицо, чьи права и законные интересы нарушены, имеет реальную возможность обратиться в суд за защитой и быть уверенным в качественном рассмотрении его дела, не сталкиваясь с неоправданными препятствиями финансового, физического характера или любыми другими ограничениями. Доступность в аспекте цифровизации системы правосудия неразрывно связана с открытостью правосудия и обеспечивается обнародованием актов суда через упомянутые выше электронные сервисы правосудия; аудио- и видеопотоколизацией судебного процесса; новыми формами извещения участников гражданского процесса – смс-оповещением, а также посредством единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота участника процесса.

Одним из самых важных, на наш взгляд, механизмов доступности правосудия является система видео-конференц-связи (далее – ВКС), которая все активнее применяется судами. ВКС – это технологическое решение, позволяющее участникам судебного процесса (судьям, сторонам дела, представителям, иным участникам) общаться и взаимодействовать в режиме реального времени на расстоянии, используя видео- и аудиосвязь. Это позволяет проводить судебные заседания или отдельные процессуальные действия без физического присутствия всех участников в одном зале суда. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, каждый год доля судебных заседаний, проводимых судами с использованием системы ВКС, увеличивается примерно на 40%⁴. Однако, несмотря на прогресс данного аспекта в связи с информатизацией судебного процесса, это явление приносит с собой новые сложности, наиболее актуальной из которых в настоящее время представляется отсутствие технических возможностей у большого числа граждан для участия в гражданском процессе с использованием новых технологий [7, с. 496]. Техническая неоснащенность не только затрудняет реализацию элемента доступности, но и может приводить к нарушению принципа равенства участников процесса, так как одни граждане имеют все средства и навыки и могут использовать новые инструменты в защите своих прав, а у других в силу различных обстоятельств такая возможность отсутствует [8, с. 67]. Не исключены также технические сбои и неполадки, неподконтрольные участникам процесса.

Так, 8 июля 2021 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации вынесла Определение № 302-ЭС21-3164, которое касалось проведения судебного заседания по делу № А74-

⁴ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 25.12.2024).

14640/2019 посредством систем ВКС. Верховный Суд отменил решение, вынесенное по делу без участия истца, и отметил, что суды не должны нарушать положения о доступности правосудия, рассматривая дела в отсутствие одной из сторон, если такое отсутствие обусловлено невозможностью подключения посредством системы ВКС вследствие технических сбоев⁵.

Также неоднозначным остается и другой вопрос, связанный с использованием ВКС: обеспечивается ли доступность для участников процесса, однако ограничивается возможность лицам, не участвующим в деле, находиться в зале суда при рассмотрении дела. Таким образом, нарушается важнейший элемент принципа гласности – открытость судебного разбирательства [9, с. 233]. Законодатель не урегулировал вопрос о том, возможно ли присутствие в зале суда иных лиц во время проведения судебных заседаний в формате ВКС. Согласимся с мнением Т. В. Соловьевой о возможном решении рассмотренной выше проблемы посредством трансляции судебных заседаний, проводимых с использованием ВКС [10, с. 154]. Продолжая мысль профессора, предложим свой путь разрешения данного вопроса. Нам представляется необходимым дополнить ст. 155.1 ГПК РФ положением, в котором будет указано: «Иные лица, не участвующие в деле, могут присутствовать при проведении судебного заседания путем использования системы видео-конференц-связи при условии их предварительной регистрации на портале государственных и муниципальных услуг». Мы предлагаем ввести простой и логичный механизм регистрации иных лиц через портал «Госуслуги», где будут вноситься все данные таких лиц, после чего им будет высылаться ссылка для подключения к судебному заседанию. Важно отметить, что во избежание опасности несанкционированного подключения необходимо обеспечить администрирование платформы, на которой проводится судебное заседание; такая система подключения обеспечит доступ к процессу только тех лиц, которые прошли предварительную регистрацию.

В целом можно сделать вывод, что цифровизация судопроизводства предоставляет новые возможности для реализации принципа гласности в гражданском процессе, делая правосудие более открытым и доступным. Однако важно учитывать риски, связанные с конфиденциальностью, безопасностью и цифровым разрывом, и разрабатывать механизмы их минимизации. Отвечая на вопрос, поставленный в начале исследования, отметим, что в настоящее время трансформация принципа гласности не достигла идеального равновесия, однако законодательная и судебная деятельность направлена на поиск оптимального баланса между правом общества на открытый доступ к информации о судопроизводстве и необходимостью защитить частную жизнь, государственную тайну и обеспечить безопасность участников процесса.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 июля 2021 г. № 302-ЭС21-3164 по делу № А74-14640/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/document/pdf/9d1d150b-9335-482d-a845-bdac494ca947/aa06641c-4ca3-4619-bd1f-a79b0f44973d/a74-14640-2019_20210708_opredelenie.pdf?isaddstamp=true (дата обращения: 15.01.2025).

Список источников

1. Афанасьев С. Ф., Зарубина М. Н. О некоторых гарантиях реализации общеправовых принципов гражданского процесса в условиях цифровизации правосудия // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики : сб. ст. / ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2021. С. 375–382.
2. Кукарцева А. Н. Влияние цифровизации на осуществление судебной власти в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7, № 1 (25). С. 112–118.
3. Шайдуллина Р. И. Влияние цифровизации на гражданское процессуальное право: перспективы использования технологий в судебном разбирательстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-5 (97). С. 268–270.
4. Смола А. А. Актуальные вопросы реализации принципа гласности судебного разбирательства в арбитражных судах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 47–77.
5. Луконина Ю. А. Трансформация основополагающих начал гражданского процессуального права в аспекте цифровизации правосудия по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10. С. 42–45.
6. Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Брянцева О. В. и др. Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов : моногр. : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Ф. Афанасьева, В. Ф. Борисовой. М. : РУСАЙНС, 2022. 198 с.
7. Пестова К. А. Трансформация принципа гласности гражданского процесса // Вопросы российской юстиции : сетевое изд. 2024. № 30. С. 490–499.
8. Симонян К. Р. Влияние цифровизации правосудия на трансформацию механизмов правового воздействия // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 3. С. 64–70.
9. Исакова А. И., Ткачева Н. Н. Проявление принципа гласности судебного разбирательства по гражданским делам в условиях цифровизации // Вестник науки : электрон. журн. 2024. Т. 2, № 4 (73). С. 232–236.
10. Соловьева Т. В. Гласность судебного разбирательства в условиях пандемии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 152–156.

References

1. Afanasyev, S. F., Zarubina, M. N. On some guarantees for the implementation of general legal principles of civil procedure in the context of digitalization of justice. In: L. V. Voitovich, ed. *Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: problems of theory and practice*. Collection of articles. St. Petersburg: Asterion; 2021. Pp. 375–382. (In Russ.)
2. Kukartseva, A. N. The impact of digitalization on the exercise of judicial power in the Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2023;7(1):112-118. (In Russ.)
3. Shaidullina, R. I. The impact of digitalization on civil procedure law: prospects for the use of technology in court proceedings. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;(10-5):268-270. (In Russ.)

E. A. Kolobytnina. *The impact of information technology on the principle of transparency*

4. Smola, A. A. Current issues of implementation of the principle of public hearings in the commercial ("arbitrazh") courts of the Russian Federation. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*. 2012;(5):47-77. (In Russ.)
5. Lukonina, Yu. A. Transformation of fundamental origins of civil procedure law in terms of digitization of justice in civil cases. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*. 2020;(10):42-45. (In Russ.)
6. Afanasyev, S. F., Borisova, V. F., Bryantseva, O. V., et al. Transformation of legal regulation of relations related to the use of digital technologies in the judicial system and in the system of execution of judicial acts. Monograph. In 2 pts. Pt. 1. Eds. S. F. Afanasyev, V. F. Borisova. Moscow: RUSAJNS; 2022. 198 p. (In Russ.)
7. Pestova, K. A. Transformation of the principle of publicity of the civil procedure. *Voprosy rossijskoj yustitsii = Issues of Russian Justice*. E-edition. 2024;(30):490-499. (In Russ.)
8. Simonyan, K. R. The impact of digitalization of justice on the transformation of legal impact mechanisms. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;(3):64-70. (In Russ.)
9. Isakova, A. I., Tkacheva, N. N. Manifestation of principle of transparency of civil proceedings in context of digitalization. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. E-journal. 2024;2(4):232-236. (In Russ.)
10. Solovieva, T. V. Publicity of the trial in the context of a pandemic. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021;(6):152-156. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Колобынина – студент 3 курса.

Information about the author

E. A. Kolobytnina – 3th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.

The article was submitted 16.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Уголовный процесс и криминалистика / Criminal Procedure and Criminology

Научная статья

УДК 343.982.43

EDN: TONFDC

Специфика назначения судебно-почерковедческой экспертизы на современном этапе

Арина Олеговна Волкова

*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация*

✉ *arinkin16@mail.ru*

*Научный руководитель: С. М. Бобовкин, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы назначения почерковедческой экспертизы. Уделено особое внимание специфике подготовки сравнительного материала и иной информации (об условиях выполнения рукописи и ее исполнителе), важной для проведения экспертного исследования, а также формулированию вопросов эксперту. Методологическую основу исследования составляют методы научного познания, среди которых выделяются методы наблюдения, сравнения, анализа, синтеза, изучения экспертной практики.

Результаты исследования: отдельные авторские рекомендации по назначению почерковедческих экспертиз могут быть использованы для повышения уровня взаимодействия между судебно-экспертными, следственными и судебными органами, а также способствовать увеличению эффективности получаемых результатов.

Выводы: на основании анализа деятельности государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также результатов анкетирования экспертов-почерковедов выявлены некоторые особенности назначения почерковедческих экспертиз в отношении современных объектов исследования, учет которых может положительно отразиться как на сроках их производства, так и на определенности выводов.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, назначение экспертизы, формулировка вопросов, исследуемые рукописи, образцы для сравнительного исследования, информация об исполнителе рукописи, данные об условиях выполнения, типичные ошибки

Для цитирования: Волкова А. О. Специфика назначения судебно-почерковедческой экспертизы на современном этапе // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 120–127.

Original article

The Specifics of the Purpose of Forensic Handwriting Examination at the Present Stage

Arina O. Volkova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow,
Russian Federation*

✉ *arinkin16@mail.ru*

Scientific supervisor: **S. M. Bobovkin**, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Forensic Examinations and Criminalistics Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article discusses some issues of the appointment of handwriting expertise. The author pays special attention to the specifics of preparing comparative material and other information (about the conditions of the manuscript and its executor), which is important for conducting expert research, as well as formulating questions to the expert. The methodological basis of the research consists of methods of scientific cognition, among which the methods of observation, comparison, analysis, synthesis, and study of expert practice are distinguished. Results: individual author's recommendations on the appointment of handwriting examinations can be used to increase the level of interaction between forensic experts, investigative and judicial authorities, as well as to increase the effectiveness of the results obtained. Conclusion: based on the analysis of the activities of state and non-state forensic institutions, as well as the results of a survey of handwriting experts, the article presents some features of the purpose of handwriting examinations in relation to modern research objects, the use of which can have a positive impact on both the timing of their production and the certainty of conclusions.

Keywords: handwriting expertise, the purpose of the examination, the formulation of questions, the manuscripts under study, samples for comparative research, information about the executor of the manuscript, data on the conditions of the object, typical errors

For citation: Volkova, A. O. The specifics of the purpose of forensic handwriting examination at the present stage. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):120-127. (In Russ.)

С момента своего существования и по настоящее время судебно-почерковедческая экспертиза является одним из наиболее востребованных видов экспертных исследований. Особое значение она имеет при расследовании экономических преступлений, разного рода мошенничества и иных правонарушений, связанных с необходимостью установления исполнителей рукописных реквизитов, а также определением внутренних и внешних условий их выполнения.

Практическая значимость обозначенного рода экспертиз подтверждается тенденцией ежегодного увеличения количества таких экспертных исследований.

Вместе с тем анализ результатов анкетирования экспертов-почерковедов свидетельствует о низком уровне взаимодействия между инициатором назначения экспертизы, руководителем экспертно-криминалистического

подразделения и экспертом как на этапе назначения экспертизы, так и на протяжении процесса ее производства. В особенности данная проблема выражается в некорректной постановке вопросов и предоставлении сравнительных материалов, не отвечающих порой ни качественным, ни количественным критериям. Так, практически каждый третий судебный эксперт при анкетировании указал, что в большинстве случаев при получении первичных экспертиз ему было представлено недостаточное количество свободных образцов, необходимых для изучения пределов вариационности почерка конкретного лица. В целом отмеченная практика негативно отражается на сроках проведения экспертных исследований и нередко приводит к даче выводов в вероятной форме либо форме «не представляется возможным» [1, с. 78].

Следует подчеркнуть, что отсутствие взаимодействия между субъектом назначения экспертизы и экспертом в части постановки вопросов, предоставления объектов исследования и информации о писавшем, а также об условиях выполнения рукописи может привести к существенным недостаткам.

1. Недостаточное понимание целей и задач исследования: при отсутствии взаимодействия между инициатором и экспертом в части обсуждения вопросов эксперту может возникнуть ситуация, когда сформулированные вопросы могут выходить за пределы компетенции эксперта.

2. Недостаточность предоставленных образцов с позиции анализа как качественного, так и количественного критерия: без обсуждения между инициатором и экспертом возможны как предоставление недостаточного количества сравнительных материалов, так и упущения в части его сопоставимости по виду, составу, объему и условиям выполнения.

3. Малый объем информации (*ее полное отсутствие*) о личности писавшего и условиях выполнения, данная информация необходима для решения отдельных диагностических задач, а также корректной оценки выявленных информативных признаков.

4. Недостаточное знание возможностей экспертизы и современного уровня его методического обеспечения: отсутствие взаимодействия может привести к несоответствию ожидаемых инициатором результатов и реальных выводов по экспертизе. Так, применение отдельных частных методик позволяет получить исключительно вероятностные выводы, которые зачастую недостаточно эффективно используются судебно-следственными органами в процессе доказывания.

В рамках данной работы хотелось бы особое внимание уделить специфике подготовки сравнительных материалов для назначения судебно-почерковедческой экспертизы. Параметр их достаточности предполагает изучение качественного и количественного критериев.

Качественный критерий определения достаточности сравнительных материалов заключается в их соответствии, точности, полноте исходной рукописи. В целом все сравнительные образцы должны быть сопоставимы с исследуемой рукописью по таким параметрам, как вид документа, способ его изготовления, физическое состояние; язык исполнения рукописного объекта и условия его выполнения; вид и состояние материалов пись-

ма; вид письменности; вид и характер исследуемой рукописи, ее содержание, способ исполнения письменных знаков; темп выполнения записей (подписей) [1, с. 80].

Количественный критерий определения достаточности сравнительных материалов определяется возможностью всестороннего анализа признаков, содержащихся в сравниваемых рукописях [1, с. 80]. Таким образом, необходимо иметь достаточное количество материалов для сравнения, чтобы получить объективное представление о ситуации или явлении. *В почерковедческой экспертизе это значит – изучить пределы вариационности почерка проверяемого лица, т. е. изучить все многообразие вариантов исполнения одноименных букв и письменных знаков.* Количество материалов также должно быть достаточным для проведения всестороннего и полного раздельного анализа, сравнительного исследования и обобщения результатов.

Практика свидетельствует, что в последние годы ни тот, ни другой критерий при первичной экспертизе не соблюдались. Следовательно либо суд при направлении материалов на экспертизу предоставляют недостаточное количество сравнительных материалов (*например, ограничиваются лишь малым количеством экспериментальных образцов*), что препятствует изучению пределов вариационности почерка проверяемого лица.

Целесообразно отметить, что от достаточности предоставленных на судебно-почерковедческую экспертизу сравнительных материалов во многом зависят форма выводов, их определенность и в целом возможность проведения экспертизы. Поэтому при сборе образцов для сравнительного исследования нужно использовать традиционное правило: чем меньше объем рукописи, тем больше образцов должно быть предоставлено [2, с. 116].

Традиционно выделяют свободные, условно-свободные и экспериментальные образцы для сравнительного исследования. Процесс их получения достаточно обстоятельно изложен в учебном пособии «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» В. В. Серегина, В. Ф. Орловой, М. В. Бобовкина¹.

Вместе с тем в условиях активного использования цифровых технологий, а также увеличения документооборота в судебно-почерковедческой практике появились новые объекты. Однако процесс получения сравнительного материала для назначения почерковедческих экспертиз, где объектами выступают новые виды рукописей, не в полной мере нашел свое отражение в имеющихся научных источниках. В связи с этим логически обоснованным представляется рассмотреть данную проблему и сформулировать отдельные рекомендации в этой части.

В настоящее время в практике производства почерковедческой экспертизы особую значимость приобретает проблема исследования изображений различных категорий рукописей. Сложности криминалистического исследования данных объектов обусловлены прежде всего их специфичностью, малой степенью информативности, некоторым искажением иден-

¹ Серегин В. В., Орлова В. Ф., Бобовкин М. В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учеб. пособие. Волгоград : ВА МВД России, 2017. 349 с.

тификационных и диагностических признаков почерка проверяемого лица и отсутствием единого методического подхода к процессу экспертного исследования [2, с. 119].

Необходимо учитывать, что при предоставлении таких объектов на судебно-почерковедческую экспертизу высок риск монтажа почерковых реализаций, поэтому на исследование должен быть представлен больший объем сравнительных материалов, сопоставимых по составу, объему и условиям выполнения с использованием аналогичного типа пишущего прибора и материалов письма. Важным аспектом будет выступать предоставление рукописей, где рукописные реквизиты будут характеризоваться аналогичным содержанием и размещением (*выполнены в определенных графах и строках*). В этих целях целесообразно предоставление значительного количества свободных образцов почерка проверяемого лица, соответствующих указанным параметрам. Данное обстоятельство необходимо для поиска исходного рукописного объекта, который мог быть использован в качестве исходного для изготовления спорного цифрового документа.

Далее рассмотрим особенности подготовки материалов для еще одного, сравнительно нового почеркового объекта. В частности, практика свидетельствует об увеличении количества экспертиз в отношении граффити. В первую очередь это связано с их использованием за пределами правового поля: надписи экстремистского содержания, вандальные надписи, содержащие угрозы, незаконная реклама и прочее.

В данном случае особого внимания как со стороны инициатора назначения экспертизы, так и эксперта заслуживает изучение использовавшихся нетрадиционных материалов письма и в общем механизма следообразования: процарапывание заостренным предметом имеющихся слоев краски, применение мела, угля, кисти и красок, а также баллонов с распылителями красок и многое другое. Отметим, что необычные условия письма продиктованы не только используемыми материалами, но и характеристиками следовоспринимающей поверхности (*вертикальное положение, различные материалы: бетон, кирпич, дерево, стекло, металл, пластик, картон и т. п.*), что отчасти обусловит проявление тех или иных признаков, а соответственно, потребует более основательного анализа и изучения [3, с. 24].

При подготовке образцов для проведения почерковедческой экспертизы граффити следует иметь в виду, что у человека могут быть выработаны разные стили исполнения буквенно-цифровых записей граффити, следовательно, и образцы должны охватывать все вариации стилей, которыми владеет проверяемое лицо. Для соблюдения данного параметра в качестве свободных образцов возможно предоставить значительное количество фотоизображений предыдущих работ конкретного исполнителя, а также экспериментальные образцы, выполненные как в обычных условиях, так и под действием равных по силе сбивающих факторов.

Поскольку граффити выполняются на необычной поверхности в необычных условиях, то и сравнительные образцы должны отбираться в приближенных к ним условиях. Предлагается следующий метод получения экспериментальных образцов: ватман располагается на вертикальной поверхности; далее предполагаемый исполнитель рукописи пишет на нем текст

непривычным пишущим прибором, например аэрозольной краской из баллончика. Таким образом, рукопись выполняется в необычных условиях (например, стоя) необычным орудием письма, что в определенной степени обеспечивает критерий сопоставимости в части действия сбивающих факторов.

Кроме того, при поступлении на экспертизу граффити-подписи стоит учитывать, что могут встречаться полный и краткий варианты ее исполнения. Применение того или иного варианта зависит от рода подложки, физического и психического состояния исполнителя, числа подписей, исполняемых подряд, условий исполнения, размера материала, на котором выполняется граффити, и т. д. Поэтому как свободные, так и экспериментальные образцы граффити должны быть представлены как можно в большем количестве.

В случае поступления на исследование граффити от имени другого реально существующего лица необходимо представлять образцы почерка обоих лиц (*от имени которого исполнено граффити и предполагаемого*).

При исследовании граффити, исполненных специальными шрифтами и с подражанием печатному шрифту, необходимо направлять на исследование образцы, исполненные как скорописью, так и шрифтом, которым исполнены исследуемые записи².

Успешное проведение исследования граффити как объекта почерковедческой экспертизы зависит от качества граффити, сопоставимости сравнительного материала, а также опыта эксперта, который будет проводить исследование.

В период глобализации объектами споров становятся документы, содержащие почерковые реализации, выполненные на иностранных языках, которые существенно отличаются от русской скорописи. В качестве отличительных особенностей рассматриваемых объектов следует выделить: конструктивное своеобразие, значительное количество письменных знаков (*достигающее нескольких десятков тысяч*) и определенные правила исполнения [3, с. 23].

В данном случае исходя из специфики объекта как на этапе назначения экспертизы, так и в рамках ее производства необходимо привлечение специалиста, обладающего специальными знаниями в области лингвистики, которые касаются использованного типа письма. Специалист-лингвист поможет установить структуру исследуемой иноязычной рукописи, определить компоненты письменных знаков, изучить последовательность и правильность выполнения знаков, а также определить стиль написания иноязычной рукописи и выбрать наиболее сопоставимые образцы из всего спектра сравнительных материалов, которые выполнены на том же языке. С точки зрения сопоставимости образцов для сравнительного исследования должен быть представлен значительный объем образцов, исполненных посредством аналогичного вида письменности, на том же языке, а также

² Карданов Р. Р. Методические основы проведения криминалистических экспертиз : учеб. пособие. Краснодар : КРУ МВД России. С. 144.

соответствующим по типу пишущим прибором (например, если при написании исходной иноязычной рукописи был использован маркер, то образцы должны быть выполнены маркером, если черная гелевая ручка, то черной гелевой ручкой и т. д.).

Важно учитывать, что, несмотря на визуальное сходство отдельных письменных знаков, в частности иероглифов, процесс их разграничения сопряжен с определенными сложностями. Так, японские иероглифы возможно отличить от китайских лишь путем установления понятийной составляющей. Ввиду этого определить вид письменности, как правило, сможет лишь лингвист. В противном же случае возникает вероятность предоставления на экспертизу совершенно несопоставимых объектов, выполненных разными видами письменности.

В дополнение отметим, что в экспертно-криминалистической практике нередко возникают ситуации, когда для объективной оценки выявленных признаков, их сопоставления, распознавания различных внутренних и внешних факторов, влияющих на почерк, объяснения совпадений и различий, а также правильной интерпретации результатов исследования эксперту требуются дополнительные сведения. Прежде всего информация об обстоятельствах выполнения исследуемой рукописи (*необычная поза при письме, материалы и пишущие принадлежности и т. д.*) может быть использована для подтверждения предположения о действии на процесс письма определенного сбивающего фактора, интерпретации отдельных диагностических признаков и объяснения имеющихся различий.

При назначении почерковедческой экспертизы также рекомендуется предоставлять данные о предполагаемом исполнителе рукописи: его возрасте, образовании, профессии, национальности, ведущей руке, психическом и физическом состоянии в период написания. Указанные сведения будут использоваться для решения некоторых диагностических задач почерковедческой экспертизы. Например, могут способствовать установлению факта наличия, степени, характера, вида и формы психического расстройства у лица, написавшего данный рукописный текст. Сведения о дате создания оспариваемых записей (подписей) и образцов для сравнения дадут возможность экспертам государственных судебно-экспертных учреждений провести качественное сравнительное исследование наиболее сопоставимых по времени объектов и корректно объяснить наличие обнаруженных совпадающих и различающихся признаков почерка.

В определенных ситуациях следственным органам и суду необходимо предоставлять экспертам информацию об условиях как выполнения рукописи, так и получения образцов для сравнения (*например, если они были выполнены лицом, находящимся в стрессовом состоянии, болезненном состоянии, под воздействием физического истощения, сразу после приема лекарственных препаратов и т. п.*). Эта информация также поможет экспертам более объективно оценить выявленные информативные признаки почерка.

Полагаем, что качественная подготовка сравнительных материалов, а также других материалов дела, имеющих значение для производства судебно-почерковедческой экспертизы, будет способствовать решению в ка-

тегорической форме поставленных идентификационных и диагностических задач, что, в свою очередь, повысит эффективность процесса доказывания по различным делам.

Список источников

1. Бобовкин С. М., Захарова И. Г. О подготовке материалов для назначения судебно-почерковедческой экспертизы // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3. С. 77–82.
2. Бобовкин С. М. Изображения рукописей – современные объекты почерковедческой экспертизы // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 2. С. 113–133.
3. Бобовкин С. М., Диденко О. А. Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 20–25.

References

1. Bobovkin, S. M., Zakharova, I. G. On preparation of materials for appointment of forensic handwriting examination. *Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2020;(3):77-82. (In Russ.)
2. Bobovkin, S. M. Images of manuscripts – modern objects of handwriting expertise. *Pravosudie/Justice*, 2022;4(2):113-133. (In Russ.)
3. Bobovkin, S. M., Didenko, O. A. Objects of forensic handwriting examination in the present-day conditions. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(2):20-25. (In Russ.)

Информация об авторе

А. О. Волкова – аспирант.

Information about the author

A. O. Volkova – postgraduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 18.11.2024.

Экономика / Economy

Научная статья

УДК 336.6

EDN: TUJTYW

Комплексный подход к обеспечению финансовой безопасности организаций строительной отрасли

Ольга Витальевна Лужанская

*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация*

✉ *Pretty_Olga_Lu@mail.ru*

*Научный руководитель: М. В. Александрова, к.э.н., доцент, доцент
кафедры экономики Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева*

Аннотация. Исследование посвящено изучению проблемы выбора приоритетных направлений обеспечения финансовой безопасности организаций строительной отрасли. Цель научной статьи – изучить основные подходы к понятию финансовой безопасности организации, выявить актуальные проблемы и определить приоритетные направления повышения уровня финансовой безопасности предприятий строительной отрасли в современных условиях экономической нестабильности. Для реализации заявленной цели были поставлены и решены следующие задачи: на основе анализа существующих научных подходов сформулировано авторское определение финансовой безопасности организации как постоянно развивающейся системы; обоснован выбор комплексного риск-ориентированного подхода к обеспечению финансовой безопасности, учитывающего специфику строительной отрасли; предложена комплексная стратегия риск-менеджмента, включающая управление внешними, внутренними, экономическими и пандемическими рисками; экономически обоснованы рекомендации по внедрению системы риск-менеджмента, включающей создание единого центра управления рисками, многоступенчатой системы внутреннего контроля, использованию современных IT-решений и формированию культуры риск-менеджмента.

Ключевые слова: финансовая безопасность, строительная отрасль, риск-менеджмент, финансовая устойчивость, внутренний контроль, экономическая безопасность, финансовые риски

Для цитирования: Лужанская О. В. Комплексный подход к обеспечению финансовой безопасности организаций строительной отрасли // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 128–135.

Original article

A Comprehensive Approach to Ensuring Financial Security of Construction Industry Organizations

Olga V. Luzhanskaya

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow,
Russian Federation*

✉ *Pretty_Olga_Lu@mail.ru*

Scientific supervisor: M. V. Alexandrova, Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Economics Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the problem of choosing priority areas for ensuring the financial security of organizations in the construction industry. The purpose of the scientific article is to study the main approaches to the concept of financial security of an organization, identify current problems and identify priority areas for improving the level of financial security of construction industry enterprises in modern conditions of economic instability. To achieve the stated goal, the following tasks were set and solved in the article: based on the analysis of existing scientific approaches, the author's definition of the financial security of an organization as a constantly evolving system is formulated; the choice of an integrated risk-oriented approach to ensuring financial security, taking into account the specifics of the construction industry, is justified; a comprehensive risk management strategy is proposed, including the management of external, internal, economic and pandemic risks; the recommendations on the implementation of a risk management system, including the creation of a single risk management center, a multi-stage internal control system, the use of modern IT solutions and the formation of a risk management culture, are economically justified.

Keywords: financial security, construction industry, risk management, financial stability, internal control, economic security, financial risks

For citation: Luzhanskaya, O. V. A comprehensive approach to ensuring financial security of construction industry organizations. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):128-135. (In Russ.)

В современных условиях турбулентности мировой экономики, усиления геополитической напряженности и сохраняющихся пандемических рисков вопрос обеспечения финансовой безопасности приобретает особую актуальность и практическую значимость.

Одним из ключевых факторов, определяющих национальный суверенитет страны, является устойчиво функционирующая государственная финансовая система. Ввиду значимости исследуемой категории необходимо провести изучение критериев и индикаторов обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации, что будет способствовать своевременному выявлению проблем в этой сфере [1, с. 450].

Строительная отрасль, являясь одним из ключевых драйверов экономического развития страны, характеризуется высокой капиталоемкостью, длительным производственным циклом и существенной зависимостью от

внешних факторов, что делает ее особенно уязвимой к различным категориям рисков – от макроэкономических шоков до локальных операционных проблем. Разрывы в цепочках поставок, волатильность цен на строительные материалы, изменения валютных курсов, ужесточение регуляторных требований и трансформация рынка труда создают новые вызовы для финансовой устойчивости строительных компаний.

В этих условиях разработка эффективных механизмов и инструментов обеспечения финансовой безопасности становится критически важной задачей для менеджмента строительных организаций, что обуславливает необходимость научного исследования данной проблематики, систематизации существующих подходов и разработки новых методологических решений, адаптированных к современным реалиям строительного бизнеса.

Рассмотрим сущность термина «финансовая безопасность» через призму различных научных подходов. С одной стороны, финансовая безопасность рассматривается как комплексный показатель, отражающий способность предприятия противостоять внешним и внутренним угрозам, сохраняя при этом свои ключевые финансовые интересы. Важным аспектом в данной концепции является долгосрочная перспектива развития компании, основанная на ее финансовой философии.

С другой стороны, финансовая безопасность достигается через грамотное распоряжение ресурсами при контролируемом уровне риска, что обеспечивает стабильное функционирование организации.

Таким образом, по мнению автора, можно определить *финансовую безопасность организации* как постоянно развивающуюся комплексную систему, которая обеспечивает рациональное использование финансовых средств; поддерживает необходимый уровень финансовой стабильности; защищает от различных угроз; создает базу для долгосрочного развития; сохраняет баланс между риском и доходностью.

Такое определение охватывает как стратегические, так и операционные аспекты финансовой безопасности организации, предлагая комплексный подход к изучению данного явления. Комплексный подход, рассматривающий предприятие как социально-экономическую систему, в которой результативность выполнения функций коррелируется с показателями эффективности работы хозяйствующего субъекта и учитывается влияние некоторого множества внешних и внутренних факторов, определяющих, с одной стороны, способности предприятия к эффективной деятельности, а с другой стороны – возможности и угрозы, локализованные во внешней среде. Комплексный подход предполагает, что эффективность работы предприятия оценивается не только финансовыми, но и социально-экономическими показателями, в том числе включающими инновационный и кадровый аспект [2, с. 72].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить *три основных подхода к обеспечению финансовой безопасности организации*:

- первый подход основывается на системе финансовых интересов предприятия и предполагает создание комплексной системы их защиты. Согласно данному подходу необходимо идентифицировать приоритетные финансовые интересы компании, выявить существующие и потенциаль-

ные угрозы, а затем разработать механизмы их нейтрализации. Особое внимание уделяется формированию эффективной системы мониторинга финансового состояния и своевременному выявлению признаков кризисных явлений;

- второй подход базируется на индикативном анализе и построении системы пороговых значений ключевых финансовых показателей. В рамках данного подхода разрабатывается система индикаторов финансовой безопасности, учитывающая специфику отрасли, определяются их пороговые значения, и на основе постоянного мониторинга отклонений фактических значений от нормативных принимаются управленческие решения;

- третий подход основывается на риск-ориентированном управлении и предполагает формирование комплексной системы управления финансовыми рисками организации. Здесь особое внимание уделяется идентификации, оценке и минимизации финансовых рисков, характерных для отрасли, таких как риски удорожания строительных материалов, валютные риски при закупке импортного оборудования, риски неплатежей со стороны заказчиков и др.

Представляется целесообразным опираться на третий подход, основанный на риск-ориентированном управлении. Данный выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, строительная отрасль характеризуется повышенным уровнем рисков, связанных с длительностью производственного цикла, высокой капиталоемкостью проектов, зависимостью от множества контрагентов и внешних факторов. Во-вторых, в современных условиях экономической нестабильности именно эффективное управление рисками становится ключевым фактором обеспечения финансовой безопасности строительных организаций. В-третьих, риск-ориентированный подход позволяет не только реагировать на уже возникшие угрозы, но и предупреждать их появление через построение комплексной системы риск-менеджмента.

Кроме того, данный подход хорошо согласуется с современными международными стандартами управления рисками и лучшими практиками корпоративного управления. Таким образом, использование риск-ориентированного подхода позволит наиболее полно учесть специфику строительной отрасли и разработать эффективные механизмы обеспечения финансовой безопасности строительных организаций в современных условиях.

В масштабных строительных проектах существует значительная корреляция между внутренними рисками и эффективностью управленческого контроля со стороны руководящего состава проектной команды. Внутренние риски строительного проекта можно систематизировать по зонам ответственности ключевых участников. В эту систему входят риски, связанные с деятельностью собственника проекта, архитектурного бюро, компаний – поставщиков материалов и оборудования, проектных организаций, генерального подрядчика и субподрядных организаций. Для каждого из этих участников крайне важно иметь четко определенный круг обязанностей и ожидаемых результатов их деятельности, что позволяет создать прозрачную систему ответственности.

Особое внимание следует уделить минимизации рисков, связанных с ответственностью владельца проекта, поскольку именно он несет наиболь-

шие финансовые обязательства и принимает ключевые стратегические решения, что достигается путем тщательного документирования всех договоренностей, четкого распределения ответственности между участниками проекта и внедрения эффективной системы контроля за исполнением обязательств всеми сторонами.

Внешние риски (политические, социокультурные, экономические, природные и др.), хотя и не являются непосредственной частью строительного процесса, оказывают критическое влияние на успешность реализации проектов. Особое внимание следует уделить политическим рискам, включающим геополитическую напряженность, изменения в законодательстве, коррупционные явления и бюрократические препоны. Эти риски тесно связаны с понятием странового риска, который проявляется в ситуациях, когда государство испытывает серьезные экономические трудности, влияющие на его платежеспособность.

При анализе политических рисков в международных строительных проектах акцентируют внимание на таких факторах, как затраты на рабочую силу, логистические цепочки поставок, стоимость сырья, накладные расходы и волатильность валютных курсов.

В качестве актуального примера можно рассмотреть ситуацию в Шри-Ланке, где экономический кризис 2022 г., сопровождавшийся массовыми протестами и политической нестабильностью, серьезно повлиял на строительную отрасль¹. Страна столкнулась с системными проблемами, включая высокий уровень коррупции, nepotism и неэффективное государственное управление. Последствия кризиса усугубились влиянием пандемии COVID-19 и резким падением туристического потока, что привело к дефициту иностранной валюты и проблемам с импортом строительных материалов.

Одним из наиболее серьезных внешних рисков для строительной отрасли в современном мире является риск глобальных экономических потрясений. Например, торговая война между США и Китаем (2018–2021) существенно повлияла на мировые цены на строительные материалы и оборудование, нарушила устоявшиеся цепочки поставок и создала дополнительную неопределенность на рынке. Руководство КНР выразило желание повысить пошлины на полиформальдегидный сополимер – химикат, используемый для производства строительных материалов, что в долгосрочной перспективе может негативно повлиять на цены в сфере строительных работ². Эта ситуация продолжает оказывать влияние на международные строительные проекты из-за сохраняющихся торговых ограничений и геополитической напряженности.

Таким образом, традиционно выделяют три вида рисков, характерных для строительной организации: внутренние, внешние и экономические. Основываясь на анализе факторов внешней среды, предлагается добавить риски, связанные с пандемией.

¹ Партнерство во имя прогресса // INDO-PACIFIC DEFENSE «FORUM». URL: <https://ipdefenseforum.com/ru/2024/08/партнерство-во-имя-прогресса/> (дата обращения: 27.12.2024).

² Почему враждуют США и Китай. И чем это опасно для мировой экономики // Т-Ж. URL: <https://journal.tinkoff.ru/trade-war/> (дата обращения: 27.12.2024).

В современном мире среди ключевых факторов неопределенности, оказывающих существенное влияние на эффективность и продолжительность строительных проектов, особое место занимает риск возникновения пандемий. Масштабные эпидемиологические кризисы не только характеризуются повышенной смертностью населения на обширных территориях, но и провоцируют серьезные дестабилизирующие эффекты в экономической, социальной и политической сферах.

Основываясь на результатах данного исследования, автор делает вывод, что вероятность возникновения пандемий существенно возросла за последние сто лет, чему способствовал ряд факторов современной глобализации: усиление экономической интеграции, ускоренная урбанизация, трансформация моделей землепользования и возрастающее антропогенное воздействие на природные экосистемы.

Наглядным примером реализации подобных рисков стала пандемия COVID-19, последствия которой вызвали беспрецедентное замедление экономического роста компаний независимо от их масштаба и степени вовлеченности в международные цепочки поставок. Введение жестких ограничений на перемещение людей и грузов между странами привело к нарушению глобальных логистических цепочек. Строительная отрасль столкнулась с вызовами в сфере поставок материалов и оборудования, что потребовало внедрения комплекса защитных мер на строительных площадках, включая карантинные мероприятия, усиление мер профилактики и постоянный мониторинг здоровья персонала.

В условиях возрастающих рисков для обеспечения финансовой безопасности организации предлагается использование комплексного риск-ориентированного подхода, в основе которого находится создание единого центра управления финансовыми рисками. Данный подход основывается на непрерывном мониторинге внешней среды, включая анализ макроэкономических показателей, политической ситуации и регуляторных изменений, что позволяет своевременно выявлять потенциальные угрозы и разрабатывать превентивные меры защиты.

Для управления внешними рисками предусматривается формирование диверсифицированной базы поставщиков из различных географических регионов, внедрение гибких условий в договоры с контрагентами, определяющих возможность пересмотра цен при существенном изменении рыночных условий, а также создание специального резервного фонда для компенсации потерь от реализации внешних рисков.

В части управления внутренними рисками предполагаются внедрение многоступенчатой системы внутреннего контроля на всех этапах реализации строительных проектов, разработка детальных регламентов и стандартов выполнения работ, создание эффективной системы мотивации персонала, привязанной к качеству выполнения работ. Важным элементом является внедрение современных IT-решений для управления проектами и контроля за расходованием ресурсов.

Интеграция инноваций в промышленность требует соответствующей цифровой инфраструктуры, такой как высокоскоростной интернет, облачные решения и кибербезопасность. В то же время неравномерное развитие

инфраструктуры в различных регионах и отраслях экономики создает дополнительные барьеры для внедрения новых технологий.

С расширением использования больших данных, IoT и киберфизических систем возникает необходимость решения проблем кибербезопасности, защиты данных и предотвращения технологических рисков [3, с. 57].

Развитие цифрового сектора является необходимым условием развития экономики в целом, что требует значительных вложений, большей адаптивности и гибкости. Ведущую роль в развитии экономики играют отрасли производства, связанные с IT, и обеспечение эффективности функционирования этих отраслей с учетом их постоянного развития является ключевой задачей государства. Трансформация экономической системы открывает огромные возможности в области оптимизации затрат, совершенствования производственного и реализационного процессов, прогнозирования и принятия стратегических и тактических решений [4, с. 441].

В условиях сохраняющихся пандемических угроз финансовая стратегия организации должна предусматривать разработку детальных протоколов действий при различных эпидемиологических сценариях. Важным элементом является формирование альтернативных логистических маршрутов и каналов поставок, а также расширение возможностей по внедрению систем автоматизации различных процессов для снижения зависимости от человеческого фактора.

Интегрирующими элементами стратегии выступают комплексная информационная система риск-менеджмента, система ключевых индикаторов риска для всех категорий рисков и формирование культуры риск-менеджмента среди сотрудников всех уровней. Реализация предложенной стратегии требует выделения не только достаточных финансовых, но и человеческих ресурсов, регулярного обучения персонала, внедрения современных управленческих решений и постоянного мониторинга эффективности принимаемых мер.

Таким образом, в результате проведенного исследования было сформулировано авторское определение финансовой безопасности организации, представляющееся наиболее полным, а также сделан вывод о необходимости реализации комплексного риск-ориентированного подхода к обеспечению финансовой безопасности. Следует также подчеркнуть, что интеграция всех элементов стратегии обеспечивается через единую информационную систему риск-менеджмента и формирование соответствующей корпоративной культуры.

Список источников

1. Александрова М. В., Проскурина З. Б., Юткина О. В. Влияние политики государства на финансовую безопасность страны в условиях цифровизации // *Управленческий учет*. 2024. № 9. С. 450–455.
2. Сыщикова Е. Н. Комплексный подход к оценке эффективности работы промышленного предприятия // *Организатор производства*. 2016. № 3 (70). С. 71–82.
3. Сыщикова Е. Н., Макарова Е. Е. Конвергентные проблемы управления инновационно-промышленным развитием экономических систем на современном этапе // *Организатор производства*. 2024. Т. 32, № 3. С. 53–65.

4. Александрова М. В., Юткина О. В., Маслюкова Е. А. Угрозы и вызовы финансовой безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29 нояб. 2023 г.) / ред. Ю. Ф. Аношина. М. : Моск. экон. ин-т, 2023. С. 441–448.

References

1. Alexandrova, M. V., Proskurina, Z. B., Yutkina, O. V. The influence of state policy on the financial security of the country in the conditions of digitalization *Upravlencheskij uchet = Managerial Accounting*. 2024;(9):450-455. (In Russ.)
2. Syshchikova, E. N. An integrated approach to assessing the efficiency of an industrial enterprise. *Organizator proizvodstva = Organizer of Production*. 2016;(3):71-82. (In Russ.)
3. Syshchikova, E. N., Makarova, E. E. Convergent problems of management of innovation-industrial development of economic systems at the present stage. *Organizator proizvodstva = Organizer of Production*. 2024;32(3):53-65. (In Russ.)
4. Alexandrova, M. V., Yutkina, O. V., Maslyukova, E. A. Threats and challenges to the financial security of the Russian Federation. In: Yu. F. Anoshina, ed. *Actual problems of economic development and management in modern conditions*. Collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Moscow, 29 November 2023). Moscow: Moscow Institute of Economics; 2023. Pp. 441–448. (In Russ.)

Информация об авторе

О. В. Лужанская – студент 1 курса.

Information about the author

O. V. Luzhanskaya – 1st year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 13.03.2025.

The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 13.03.2025.

Научная статья

УДК 172.12.177

EDN: TZJCFX

Идея моральной автономии как условия формирования правосознания личности в творчестве И. Канта

Даниил Сергеевич Кожемякин

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

✉ setts0108@gmail.com

Научный руководитель: М. А. Гусарова, д.филос.н., доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В статье исследуется проблема моральной автономии как условия формирования целостного правосознания. Обращаясь к фундаментальным трудам И. Канта и работам современных ученых, автор статьи отмечает, что моральная автономия в творчестве великого немецкого философа выступает исходным принципом правовой социализации личности, а следовательно, основой общественного правопорядка. Применяя общенаучные методы – анализа, синтеза, дедукции, а также приемы экстраполяции, автор приходит к выводу, что идея моральной автономии раскрывается посредством феноменов внутренней свободы и универсальности долженствования, а ее исследование актуально в условиях построения правового государства в современной России.

Ключевые слова: автономия, мораль, закон, категорический императив, право, свобода, правосознание, правовое государство

Для цитирования: Кожемякин Д. С. Идея моральной автономии как условия формирования правосознания личности в творчестве И. Канта // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 136–142.

Original article

The Idea of Moral Autonomy as a Condition for the Formation of Legal Consciousness of an Individuals in the Works of I. Kant

Daniil S. Kozhemyakin

*North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after
V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation*

✉ setts0108@gmail.com

Scientific supervisor: M. A. Gusarova, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of the General Theoretical Legal Disciplines Department of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article examines the problem of moral autonomy as a condition for the formation of a holistic legal consciousness. Referring to the fundamental works of I. Kant and the works of modern authors, the article notes that moral autonomy in the works of the great German philosopher acts as the initial principle of the legal socialization of the individual, and, consequently, the basis of public law and order. Applying general scientific methods – analysis, synthesis, deduction, as well as extrapolation techniques, the author comes to the conclusion that the idea of moral autonomy is revealed through the phenomena of internal freedom and universality of obligation, and its study is relevant in the context of building a legal state in modern Russia.

Keywords: autonomy, morality, law, categorical imperative, right, freedom, legal consciousness, legal state

For citation: Kozhemyakin, D. S. The idea of moral autonomy as a condition for the formation of legal consciousness of an individuals in the works of I. Kant. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):136-142. (In Russ.)

Выдающийся немецкий мыслитель эпохи Просвещения Иммануил Кант оставил глубокий след в истории философии, особенно в этике и правовой теории. Его идеи о человеческой автономии, морали, праве и свободе стали основой для формирования множества современных правовых принципов и концепций, которые до сих пор оказывают значительное влияние на философскую и правовую мысль. В центре кантианской философии находится идея автономии разума, т. е. способности человека самостоятельно устанавливать законы для себя, руководствуясь внутренними убеждениями, а не внешними предписаниями. Согласно Канту, именно такая автономия наделяет человека подлинной свободой, позволяя ему действовать в соответствии с нравственными принципами, которые он сам осознанно принимает.

Объектом настоящего исследования выступает философско-правовая концепция И. Канта, представленная в ряде его знаменитых трудов, таких как «Критика чистого разума» [1, с. 25], «Критика практического разума» [2, с. 37], «Метафизика нравов» [3, с. 15] и др.

Предметом исследования является идея автономии морали как условия формирования правосознания. Среди основных задач следует выделить такие, как анализ понятия морального сознания как атрибута свободной личности, выявление корреляционных связей между автономной моралью и правовым поведением личности, между автономным сознанием и зрелым правосознанием, экстраполяция идеи взаимосвязи автономии морали и правосознания на факторы формирования правового государства.

Для достижения поставленных задач используется ряд общенаучных методов, метод анализа первоисточников, метод экстраполяции.

В качестве исходной установки настоящего исследования выделяется тезис И. Канта об автономии как условии формирования нравственного начала в человеке. Автономия предполагает, прежде всего, способность к самозаконотворчеству, которое, по мнению философа, позволяет человеку не только осознавать свой долг перед собой, но и выполнять свои обязанности перед обществом, тем самым участвуя в построении справедливого правового порядка. И в этом смысле автономия выступает как связующее звено между моралью и правом, создавая фундамент для устойчивой системы нравственных обязательств и законопослушного общества.

На наш взгляд, именно тема автономии морали является ключевой для понимания кантовской этики, которая основывается на идее, что моральные законы должны быть внутренне оправданы, а не навязаны извне. Автономию также можно считать ключевым понятием и в кантовской правовой теории, поскольку моральная автономия объясняет феномен моральной ответственности личности и ее способность к самозаконотворчеству. Это делает ее важной для понимания правосознания и моральных оснований права. Как правильно подмечают современные авторы, автономию возможно мыслить как проявление ничем не ограниченной независимости, неподотчетности индивида и считать ее на основе этого либо одним из самых важных достояний человека, либо свидетельством его упадка [4, с. 97].

В труде «Критика практического разума» И. Кант рассматривает право как механизм, обеспечивающий внешнюю свободу человека в обществе [2, с. 256], что достигается с помощью законов, которые охраняют индивидуальные свободы и одновременно поддерживают безопасность общества. Нравственный закон имеет значение не только для воли, а значит, адресован ко всем существам, обладающим волей или практическим разумом. Философ пишет об этом следующее: «Понятие умопостигаемого мира есть, следовательно, только точка зрения, которую разум вынужден принять вне явлений для того, чтобы мыслить себя практическим» [2, с. 304]. Здесь автономия выступает не просто как способность личности самостоятельно формулировать свои моральные принципы, но и как основа правосознания, определяющего отношение человека к законам и общественному порядку. Категорический императив И. Канта звучит как универсальный моральный закон: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, с. 270].

Универсальность этого правила предполагает, что каждый поступок человека должен быть обоснован с точки зрения его применимости ко всем

людям и ко всем обществам, поэтому оно может быть названо всеобщим. В кантовской концепции автономии запечатлевается требование, чтобы моральные законы были универсальными и применимыми ко всем, а значит, имеющими не меньшее влияние на правовое поведение человека, чем позитивное право. Нельзя не отметить, что данный принцип значим и в современном обществе, стремящемся к реализации справедливости и равенства, поскольку без внутренней моральной мотивации невозможно ни сформировать личную ответственность, ни осуществить полноценное гражданское участие в демократических процессах.

Согласно Канту, источником морального долженствования выступают не внешние приказы, не сила авторитетов и не обещания выгоды. Оно проистекает из разума самого человека, осознающего моральный закон как абсолютный и обязательный. Кант в труде «Критика чистого разума» писал, что «предмет чистого и безусловного интеллектуального благорасположения есть моральный закон в его могуществе, которое он осуществляет в нас, властвуя над всеми предшествующими ему движущими силами души и над каждой из них в отдельности» [1, с. 491]. Такая мотивация и делает действия подлинно нравственными и подлинно свободными. Исполнение долга, по Канту, является наивысшей формой морального поведения, поскольку человек проявляет свою волю и свободу в подчинении разуму и моральному закону, который он принимает как собственное решение. Моральное долженствование также не должно зависеть от субъективных интересов или давления со стороны общества.

В труде «Критика практического разума» И. Канта раскрывается еще один аспект моральной автономии – это ответственность перед самим собой и «свобода в подчинении самому себе» [2, с. 256]. Иными словами, человек свободен, когда он действует в соответствии с теми принципами, которые он сам для себя сформулировал на основании своего разума. В этом и заключается уникальность кантовского подхода к этике: свобода и долг здесь не противопоставляются, а дополняют друг друга. Свобода не означает произвольный выбор или полное отсутствие ограничений; напротив, она предполагает способность действовать согласно универсальным моральным принципам, которые человек формулирует как автономное, разумное существо.

Стоит отметить, что исследование автономии также позволяет лучше понять, как формируется нравственная зрелость личности, ее способность осознанно участвовать в создании и соблюдении правовых норм, что способствует укреплению правового государства. Ряд современных авторов единодушно подчеркивают, что кантовское учение о моральной автономии может служить базисом для создания справедливого государства [5, с. 22; 6, с. 18; 7, с. 50]. Солидаризируясь с ними, подчеркнем: понимание закона как добровольного обязательства, как осознанного субъектом делает возможной республиканскую форму правления, при которой каждый гражданин участвует в создании законов и подчиняется им не как вынужденным нормам, а как проявлению собственного разума и воли, что позволяет строить общество, основанное на взаимном уважении и ответственности [8, с. 50; 9, с. 362].

Не случайно Кант указывает на взаимосвязь свободы и автономии как фундамента этики, а значит, и правовой системы.

Согласно труду Канта «Критика чистого разума», моральная автономия позволяет воспринимать позитивное право не как внешнее ограничение или принуждение, навязанные извне, а как внутреннее обязательство, воспринимаемое добровольно и осознанно в силу своего рационального мышления и моральной ответственности [1, с. 112].

Как утверждал Кант в труде «Критика практического разума», правопорядок, основанный на принципах автономии, возможен только в обществе свободных и ответственных граждан, которые понимают и принимают правовые нормы как универсальные обязательства [2, с. 87]. Именно в таком обществе правопорядок и правосознание становятся неотделимыми друг от друга, поскольку автономия каждого отдельного человека способствует укреплению общей стабильности и справедливости правовой системы, создавая основу для гармоничного общественного устройства.

Подводя итоги, необходимо отметить, что принцип автономии морали в философии И. Канта, не только опознающийся в системе морально-этических координат, но и проявляющийся в правосознании, нашел отражение в русской дореволюционной философии права и теории права, в частности в концепции возрожденного естественного права П. И. Новгородцева (см.: [8, с. 49]), в теории правосознания И. А. Ильина (см.: [7, с. 49]), в философии права Вл. Соловьева (см.: [9, с. 358]) и др. Формирование правосознания, основанного на автономной морали, способствует достижению условий для построения правового государства, которое есть объединение граждан, осознающих себя как часть единого целого и, следовательно, подчиняющихся законам, являющимся выражением общего разума и морального долга. Из этих рассуждений можно сделать вывод, что в обществе, в котором мораль и право неотделимы, взаимосвязаны правопорядок и правосознание, автономия каждого отдельного человека способствует укреплению общей стабильности и справедливости правовой системы, создавая основу для гармоничного общественного устройства.

Идеи И. Канта о моральной автономии как условии формирования правосознания актуальны в настоящее время в современной России, поскольку объясняют внутренние механизмы социальной солидарности на всех уровнях общества. Так, в Конституции Российской Федерации закреплено, например, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). В ст. 13 Конституции России указано, что в России признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Это поддерживает принцип свободы мысли и убеждений, что соответствует идеям Канта о моральной автономии. В ст. 19 указано, что все люди равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Приведенные положения укрепляют идею правового государства, а также отвечают парадигме многополярного мира.

Список источников

1. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М. : Наука, 1999. 799 с.
2. Кант И. Критика практического разума // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М. : Мысль, 1965. 544 с.
3. Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем. Н. О. Лосского. М. : Мысль, 1997. 592 с.
4. Артемьева О. В. Универсальность и автономия в этике И. Канта // Философские науки. 2018. № 11. С. 86–102.
5. Аронсон Д. О. Свобода и принуждение: кантовское обоснование понятия права // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 10 (132). С. 17–25.
6. Скларова А. М. Основные принципы и нормы морали в этической системе И. Канта // Дискурс. 2017. № 3. С. 15–25.
7. Гусарова М. А. Личностная автономия как условие оптимального развития права и правосознания в концепции И. А. Ильина // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 2. С. 49–52.
8. Гусарова М. А. Поиски путей преодоления кризиса правосознания в отечественной теории «возрожденного естественного права» (на примере концепции П. И. Новгородцева) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3 (60). С. 49–52.
9. Луговой С. В. Кантовский проект практической антропологии и учение Вл. Соловьева о первичных данных нравственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2024. Т. 28, № 2. С. 358–370.

References

1. Kant, I. *The critique of pure reason*. Transl. from German by N. O. Lossky. Moscow: Nauka; 1999. 799 p. (In Russ.)
2. Kant, I. Critique of practical reason. *Collected works*. In 6 vols. Vol. 4, pt. 1. Moscow: Mysl'; 1965. 544 p. (In Russ.)
3. Kant, I. *The metaphysics of morals*. Transl. from German by N. O. Lossky. Moscow: Mysl'; 1997. 592 p. (In Russ.)
4. Artemyeva, O. V. Universality and autonomy in Kant's moral philosophy. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*. 2018;(11):86-102. (In Russ.)
5. Aronson, D. O. Freedom and coercion: Kant's substantiation of the concept of right. *Vestnik RGGU. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2014;(10):17-25. (In Russ.)
6. Sklyarova, A. M. Basic moral standards in etic system of I. Kant. *Discourse*. 2017;(3):15-25. (In Russ.)
7. Gusarova, M. A. Personal autonomy as a condition for the optimal development of law and legal awareness in the conception of I. A. Ilyin. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*. 2014;(2):49-52. (In Russ.)
8. Gusarova, M. A. Finding ways to overcome the crisis of legal awareness in the domestic theory of "revived natural law" (by the example of P. I. Novgorodtsev's conception). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015;(10-3):49-52. (In Russ.)

9. Lugovoi, S. V. Kant's project of practical anthropology and the teachings of V. Solov'yov on the primary data of morality. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(2):358-370. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. С. Кожемякин – студент 1 курса.

Information about the author

D. S. Kozhemyakin – 1st year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 10.02.2025.

Научная статья

УДК 34.023, 159.922

EDN: VIAIWB

Роль феномена сознания в определении правового статуса искусственного интеллекта

Владислава Евгеньевна Куприянова

Высшая школа права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Российская Федерация

✉ vladakupriyanova389@gmail.com

Научный руководитель: А. Ю. Огородников, д.филос.н., профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена сознания, в частности природы рефлексии при определении правового статуса искусственного интеллекта. Автором проведен теоретический анализ понятий «сознание», «рефлексия». Рассмотрены доктрины и российская и зарубежная правовая практика. Актуальность изучаемой проблемы обусловлена тем, что современная трансформация юриспруденции сталкивается с серьезными вызовами в определении правового поля искусственного интеллекта. Безусловно, невозможно создавать правовые положения, не опираясь на философские (внутренние) основания того или иного явления. Цель исследования заключается в выявлении роли феномена сознания в формировании правового статуса искусственного интеллекта, а также разработке возможных моделей и подходов к пониманию природы дееспособности искусственного интеллекта и способности искусственного интеллекта к анализу социально-правовой реальности. Для этого смоделирован гипотетический вид дееспособности, процессуально определяемый для искусственного интеллекта, и рассмотрено соотношение рефлексии и субъективной стороны преступления как базис для правового сознания искусственного интеллекта. В работе сделан вывод о важности выявления способности искусственного интеллекта к рефлексии при его участии в вынесении судебных или управленческих решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовой статус, сознание, рефлексия, дееспособность, правосознание, правосубъектность

Для цитирования: Куприянова В. Е. Роль феномена сознания в определении правового статуса искусственного интеллекта // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 143–151.

Original article

The Role of the Phenomenon of Consciousness in Determining the Legal Status of Artificial Intelligence

Vladislava E. Kupriyanova

Higher School of Law, O. E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

✉ *vladakupriyanova389@gmail.com*

Scientific supervisor: A. Yu. Ogorodnikov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Philosophy and Sociology Department of the O. E. Kutafin Moscow State Law University

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of consciousness, in particular the nature of reflection in determining the legal status of artificial intelligence. The author has carried out a theoretical analysis of the concepts of “consciousness” and “reflection”. Examples of Russian and foreign legal practice are considered. The relevance of the problem under study is due to the fact that the modern transformation of jurisprudence faces serious challenges in determining the legal field of artificial intelligence. But, of course, it is impossible to create legal provisions without relying on the philosophical (internal) foundations of a particular phenomenon. The purpose of the study is to identify the role of the phenomenon of consciousness in the formation of the legal status of artificial intelligence, as well as to develop possible models and approaches to understanding the nature of the capacity of artificial intelligence and the ability of artificial intelligence to analyze social and legal reality. For this purpose, a hypothetical type of legal capacity is modeled, which is procedurally determined for artificial intelligence, and the ratio of reflection and the subjective side of crime is considered as the basis for the legal consciousness of artificial intelligence. The paper concludes that it is important to identify the ability of artificial intelligence to reflect when it participates in making judicial or management decisions.

Keywords: artificial intelligence, legal status, consciousness, reflection, legal capacity, legal awareness, legal personality

For citation: Kupriyanova, V. E. The role of the phenomenon of consciousness in determining the legal status of artificial intelligence. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(1):143-151. (In Russ.)

В современном мире, где информатизация выходит на первый план, человечество сталкивается с новыми вызовами, которые возникают в ходе разработки цифровых технологий. Сегодня искусственный интеллект (далее – ИИ) начинает проникать в различные сферы жизни, от поисковых запросов до беспилотных систем с алгоритмами распознавания образов. Мир по-настоящему охвачен тенденцией на усовершенствование нейронных сетей и поиск путей их применения. Однако пока ИИ продолжает путь модернизации и самообучения, научное сообщество сталкивается с вопросом определения его правового статуса. Одни ученые предлагают внедрение нового правового статуса для ИИ, другие говорят о внесении поправок в существующее законодательство без изменения его правового статуса [1]. Проводятся многочисленные эксперименты, которые показывают поведе-

ние ИИ в той или иной деятельности. Например, одним из таких является заседание суда, проведенное студентами Института государства и права Тюменского университета¹. В рассматриваемом деле истец пытался оспорить отказ Роспатента в регистрации патента на деталь, созданную нейросетью. Вердикт выносил ИИ после заслушивания обеих сторон. Заявление истца оставили без удовлетворения. Другим примером применения ИИ является российская компания Destra Legal, где, по рассказам сооснователя Андрея Гольцблата², ИИ формирует комплект документов для суда, заполняет шаблоны, а также обрабатывает данные для определения вероятности исхода дела. В обоих примерах российской практики ИИ, по сути, замещает должность эксперта во время обработки того или иного юридического действия.

Приведем зарубежные примеры. Верховный народный суд КНР заявил, что судьи должны в обязательном порядке опираться на систему «умных судов», построенных на ИИ³, т. е. выносить судебное решение по рекомендациям ИИ. Самое интересное, что в случае несогласия судьи с данной системой ему необходимо предоставлять письменное обоснование своей позиции. Получается, что мнение нейронных сетей приравнивается к мнению человека. Более того, людей обязывают прислушиваться к нему или заставляют лишний раз доказывать правоту своей позиции.

Рассмотренные примеры показывают, как ИИ постепенно становится неотъемлемой частью деятельности компаний и судов. Безусловно, оптимизация многих рутинных процессов позволяет повысить производительность и показатели, однако не стоит забывать, что технологии несовершенны и невозможно полностью доверяться нейронным сетям. Судебная ошибка может испортить жизнь большому числу невиновных людей, а неверно подготовленные документы могут серьезно навредить репутации юридических компаний. Возникает вопрос: кто будет нести ответственность за нарушения, возникающие вследствие использования ИИ, насколько тот может быть включен в зону ответственности сам по себе, имитируя ту или иную форму сознательной деятельности, или вся вина будет возложена на программистов? Ведь когда ИИ совершает действия, приводящие к финансовым потерям, физическому ущербу или иным негативным последствиям, сложно определить, сделано ли это «преднамеренно» в юридическом смысле [2].

В самом кратком виде правовой статус определяется в науке как юридически закрепленное положение личности в обществе⁴. Именно правовой

¹ Никитина И. В тюменском суде решение по делу впервые вынесла нейросеть // RG.ru. URL: <https://rg.ru/2024/05/22/reg-urfo/v-tiumenskom-sude-reshenie-vpervye-vynesla-nejroset.html> (дата обращения: 22.11.2024).

² Ромашков А. Доверили бы свое судебное дело юристу-нейросети? // BFM.ru. URL: <https://www.bfm.ru/news/525492> (дата обращения: 22.11.2024).

³ Чаплыгина М. Судей в КНР обязали использовать ИИ при вынесении решений // Rapsinews.ru. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20220719/308146405.html (дата обращения: 22.11.2024).

⁴ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Дело, 2022. С. 181.

статус субъекта позволяет определить тот или иной набор прав и обязанностей, а также меры ответственности, применяемые к этому лицу при совершении правонарушения. При установлении правового статуса личности в ходе рассмотрения конкретного дела не возникает вопросов об определении затрагиваемых прав и свобод, так как существует законодательство, четко регламентирующее положение личности. К тому же человеку достаточно просто осознать, как иное лицо, имея какой-либо мотив и возможности, вступает в правоотношения или совершает правонарушение. Но можно ли предположить наличие подобных возможностей, рассматривая искусственный интеллект?

Проблема рефлексии в обосновании правосубъектности

Если попробовать представить себе обычного человека, совершившего преступление, то сразу появляется мысль о злом нарушителе закона, который раскаивается или, наоборот, совершенно не жалеет о поступке, который совершил. А может быть, это преступление совершено малолетним, не осознающим последствия своих действий. Тем не менее в описанных примерах видно субъективное отношение к совершенному деянию. Это проявление рефлексии – т. е. человек через призму своего мироощущения дает оценку действиям, вырабатывает отношение к ним. Мы можем уверенно сказать, что рефлексия – это проявление сознания, потому что во время этого процесса человек пытается осмысленно обдумать обстоятельства дела. П. Тейяр де Шарден в работе «Феномен человека» писал: рефлексия – это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь [3]. То есть в рамках совершенного преступления правонарушитель познает себя в рамках возможностей собственного сознания.

В уголовном праве даже выделяется понятие субъективной стороны преступления, включающей в себя вину, мотив, цель, эмоциональное состояние лица. Все эти аспекты вполне вписываются в понятие рефлексии. То есть теоретически суд пытается через показания свидетелей, представляемые доказательства и т. п. установить, что в момент преступления было осознаваемо человеком. Именно поэтому выделяется разная степень дееспособности (по возрасту и по определенным психическим особенностям личности), поскольку эти аспекты очень влияют на восприятие совершенного деяния.

У искусственного интеллекта отсутствует ряд перечисленных признаков, в том числе рефлексия действий. Сознание человека содержит качества – субъективное осознание восприятия. У цифровых систем оно отсутствует. Поэтому в современной правовой практике искусственный интеллект выступает как объект права, в составе которого находятся элементы интеллектуальной деятельности. Это вполне логично, потому что искусственный интеллект является современным инструментом создания продуктов искусства, письменных трудов и т. д. Однако рассмотрим ИИ как составляющую систему управления беспилотного транспорта.

В настоящее время в Российской Федерации разрабатывается проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ВАТС)⁵. В статье 13 регламентируется, что изготовитель несет ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных недостатков ВАТС. Вступление Закона в силу планируется 1 марта 2025 г. Становится очевидным, что в российской практике ИИ в содержании программы ВАТС не будет считаться субъектом права и ответственность будет нести его изготовитель, т. е. лицо, осознающее последствия своих действий.

Такой же подход есть и в зарубежной практике. Суд в Мюнхене обязал компанию Tesla выплатить 101 тыс. долларов владелице соответствующего автомобиля, в котором возникли проблемы с автопилотом⁶. В данном гражданском иске ответственность легла на компанию-производителя. Это довольно очевидное разрешение подобных дел, потому что ИИ (пока что) невозможно представить как полноправного субъекта права с наличием субъективной стороны. А как известно, преступление не имеет места, если нет субъекта, а значит, и субъективной стороны.

Генезис дееспособности у ИИ

Согласно ст. 21 ГК РФ дееспособность – это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность). В этой формулировке есть взаимосвязь понятий «создание» и «исполнение». Такой подход является традиционным правовым принципом, согласно которому люди несут ответственность за результаты своих действий [4]. Сразу же вспоминается такое важное свойство сознания, как возможность самостоятельно пережить некое событие и выработать личную реакцию на него, т. е. «создать» переживание и «исполнить» определенную реакцию. Само по себе сознание активно, поскольку связано с воздействием на окружающий мир, точно так же как нормы права созданы с целью регулирования общественных отношений, т. е. внешнего мира. Таким образом, дееспособность, помимо всего прочего, основана на свойствах сознания. В случае с законом – на способности человека взаимодействовать с окружающей правовой реальностью.

Оценим ИИ – он динамичен. Точно так же, как и человеческое сознание, с непрерывным поступлением информации ИИ сохраняет в себе и приоб-

⁵ Проект федерального закона от 30 декабря 2021 г. «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/>.

⁶ Мальшиев К. Суд обязал выплатить владелице Tesla 101 000 долларов из-за проблем с автопилотом // Auto.ru. URL: https://auto.ru/mag/article/nemeckiy-sud-obyazal-tesla-vyplatit-101-000-evro-za-avtopilot-s-opasnymi-glyukami/?ysclid=m0zudn5caj462542721&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 13.09.2024).

ретают новые реакции и свойства, которые он сможет применить в будущем. Имитируя деятельность человеческого мозга, ИИ может расширять спектр возможных реакций. Вновь вспомним связь понятий «создать» и «исполнить». При непрерывном обучении «создаются» новые сигналы внутри нейронной сети и «исполняются» ответы на них. Получается, что ИИ может обладать некоторыми «зачатками» дееспособности. Однако, если рассматривать воздействие окружающего мира, могут быть сложности с возникновением у ИИ такого свойства. Нейронные сети не иницируют взаимодействие самостоятельно, а лишь обрабатывают запрос пользователя, в отличие от человека, который сознательно идет на внешний контакт. Но даже при этом недостатке следует определить возможность возникновения дееспособности из имеющихся свойств, характерных для зачатков сознания.

Одним из уровней дееспособности, который на данный момент наиболее проблематично спроецировать на ИИ, является возможность осознать преступность собственных деяний. Мы можем предположить, что последующие разработки в сфере ИИ будут направлены на копирование/имитацию человеческой деятельности или активности. В таком случае ИИ сможет «представить себя» на месте человека, совершившего преступление. Опять же это будет лишь попытка скопировать принцип человеческого мышления, однако если ИИ сможет представить себя на месте преступника и описать его чувства, то может ли он при должном обучении представить возможный мотив совершения противоправного деяния и совершить его? В таком случае целесообразно рассмотреть новый уровень дееспособности, предполагающий имитирование осознания преступления. Выделим его признаки.

1. Это пограничное состояние между недееспособностью и частичной дееспособностью, так как имитация мотива к преступлению может быть осознаваема и в таком случае признать ИИ недееспособным нельзя, однако говорить о полноценной рефлексии ИИ пока нецелесообразно. Тогда с точки зрения закона можно объяснить, почему за преступление ИИ нести ответственность будет его создатель, – ведь за малолетних ответственность несут родители.

2. Имитация создания ИИ самим для себя гражданских обязанностей. Если он сможет симитировать мотив преступления, значит, в таком случае следует предположить возможность копирования осознания обязанностей. Возможно, в будущем ИИ будет осознавать, что нельзя преступать закон.

3. Отсутствие процессуальной дееспособности как таковой, представленные «интересов» ИИ в суде разработчиком.

Рассмотрим вероятность возникновения признаков дееспособности у ИИ на основе концептов сознания, разработанных в современной философии. В соответствии с функционалистским подходом сознание может существовать без мозга, поскольку каузальная цепь может быть реализована в любой сложной системе, в том числе и в нематериальной⁷. А значит, пред-

⁷ Функционализм (философия сознания) // ru.Ruwiki.ru. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Функционализм_\(философия_сознания\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Функционализм_(философия_сознания)) (дата обращения: 22.09.2024).

полагается возможность сознания и рефлексии и у ИИ, ведь он выполняет определенные функции. Совершение преступления выступает как некая функция, определяющая сознание ИИ, следовательно, можно говорить о дееспособности. Д. Чалмерс в работе «Сознающий ум» показывает, что сознание не исчерпывается свойствами мозга [5]. Когда человеку поступает некая информация, то он воспринимает ее как физически, так и ментально. Здесь присутствует квалиа – некая нематериальная энергия, которая обрабатывается вместе с физиологическими аспектами. Сам процесс обучения нейронных сетей по сути своей также является поглощением нематериальной энергии – знаний, к тому же ИИ не имеет физиологических возможностей для восприятия мира органами чувств. Если мы принимаем данный подход, то получается, что совершенное правонарушение может стать следствием определенного «ментального состояния» ИИ, в рамках которого вырабатывается реакция. Под «ментальным состоянием» в данном случае понимается совокупность систем самого ИИ, функции которых направлены на поглощение нематериальной энергии. Если нейросеть обучится на составлении ошибочных документов, значит, сама будет ошибаться, если поручить ей такое создание. При развитии подобной нейронной сети и зарождении в ней рефлексии получится, что она будет понимать, что ее функция познания переходит в функцию исполнения неправомерной деятельности, что говорит о возможном зарождении дееспособности.

С точки зрения деятельностного подхода, ярким представителем которого является Томас Нагель [6], сознание является результатом деятельности субъекта. Значит, преступление можно рассматривать как некую деятельность и субъективный опыт ИИ. Следовательно, и здесь можно говорить о дееспособности. ИИ, имитируя человеческий мозг, совершает определенные операции, и в нашем случае при нарушении закона он сам создает для себя новую среду, в которой он вырабатывает свою реакцию на поступающий запрос. Это является своеобразной деятельностью, что указывает на зачатки признаков сознания, относящихся к дееспособности.

С позиций семантического подхода мы говорим о том, что ИИ через непрерывающийся процесс познания формирует некую картину мира, в которой он будет способен проявить свою интеллектуальность. Так рассуждает современный философ сознания Джон Серл [7]. Использование своих знаний является целенаправленным поведением. Это значит, что нынешние возможности ИИ по имитации человеческого мышления могут привести к тому, что ИИ сможет через мотивы, выделенные в собственной картине мира, совершать некие деяния. Вновь возникает взаимосвязь «создания» и «исполнения». И здесь можно рассуждать о зарождении дееспособности.

При таком развитии событий ИИ, возможно, начнет признаваться не просто объектом права или инструментом создания интеллектуальной собственности, но и субъектом права, осознающим юридические последствия. Тогда перед юридической наукой встанет вопрос об установлении мер ответственности, применимых к самому ИИ как возможно осознанному субъекту, если их вообще можно применить. Важно понимать, что вероятность возникновения правосубъектности искусственного интеллекта будет зави-

сеть от уровня его развития и области применения. Бурное развитие применения нейронных сети видно в Китае на примере системы «умных судов». При таком раскладе ИИ будет развиваться и обучаться стремительно и возникнет необходимость определения правосубъектности. В Российской Федерации нет устойчивой законодательной базы для ИИ, однако возникновение правосубъектности ИИ вполне возможно при расширении сфер его применения.

Таким образом, проблема сознания играет важную роль в определении правового статуса ИИ. Основываясь на возможности рефлексии и появления субъективной стороны преступления, можно определить, каким образом ИИ в будущем может перерасти в полноценный субъект права. Интегрируя сенсорные каналы, ИИ может имитировать осознанное, целенаправленное поведение. Искусственное сознание относится к способности систем искусственного интеллекта обладать самосознанием и придавать смысл своим действиям [8]. Имитация рефлексии собственных действий может в будущем создать возможность для возникновения сознания ИИ. Тем не менее, пока научное сообщество не придет к пониманию природы сознания и его зачатков у ИИ, нейросети обречены оставаться объектом права. Это включает в себя понимание технических аспектов систем искусственного интеллекта и их последствий для юридической ответственности [9].

Список источников

1. Saud, A. Criminal liability about the use of artificial intelligence: investigating the actus reus element of AI-driven technology // *American Journal of Law*. 2024. Vol. 6, no. 1. P. 1–25.
2. Kerekes L. Some aspects of the regulation of artificial intelligence // *Indonesia Private Law Review*. 2023. Vol. 4, no. 2. P. 111–122.
3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М. : Наука, 1987. 240 с.
4. Hsu Chou-Yi, Jiang-Jia Wang. Systematic discussion of artificial intelligence's personality in criminal law and the punishability for improper omission by the group acting as their guarantor position // *Russian Law Journal*. 2023. Vol. 11, no. 6S. P. 281–295.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. М. : УРСС : Кн. дом «Либроком», 2013. 512 с.
6. Негель Т. Ум и космос / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Канон+, 2024. 192 с.
7. Searle J. R. *Consciousness and language*. Cambridge University Press, 2002. 269 p.
8. Butlin P., Long R., Elmoznino E., Bengio Y. et al. Consciousness in artificial intelligence: insights from the science of consciousness // *ArXiv* : [website]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708>.
9. Artificial intelligence and the law. Cybercrime and criminal liability / eds. D. J. Baker, P. H. Robinson. London : Routledge, 2020. 280 p.

References

1. Saud, A. Criminal liability about the use of artificial intelligence: investigating the actus reus element of AI-driven technology. *American Journal of Law*. 2024;6(1):1-25.

2. Kerekes, L. Some aspects of the regulation of artificial intelligence. *Indonesia Private Law Review*. 2023;4(2):111-122.
3. Teilhard de Chardin, P. *The phenomenon of man*. Transl. from French by N. A. Sadvovsky. Moscow: Nauka; 1987. 240 p. (In Russ.)
4. Hsu, Chou-Yi, Jiang-Jia, Wang. Systematic discussion of artificial intelligence's personality in criminal law and the punishability for improper omission by the group acting as their guarantor position. *Russian Law Journal*. 2023;11(6S):281-295.
5. Chalmers, D. *The Conscious mind. In search of a fundamental theory*. Transl. from Engl. by V. V. Vasiliev. Moscow: URSS; "Librokom" Book House; 2013. 512 p. (In Russ.)
6. Nagel, T. *Mind and cosmos*. Transl. from Engl. by V. V. Tselishchev. Moscow: Kanon+; 2024. 192 p. (In Russ.)
7. Searle, J. R. *Consciousness and language*. Cambridge University Press; 2002. 269 p.
8. Butlin, P., Long, R., Elmoznino, E., et al. *Consciousness in artificial intelligence: insights from the science of consciousness*. ArXiv: [website]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708>.
9. Baker, D. J., Robinson, P. H., eds. *Artificial intelligence and the law. Cybercrime and criminal liability*. London: Routledge; 2020. 280 p.

Информация об авторе

В. Е. Куприянова – студент 1 курса.

Information about the author

V. E. Kupriyanova – 1st year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

Научная статья

УДК 101.1+172, 340

EDN: VMGZWY

Кантианство в философии права П. И. Новгородцева

София Александровна Суворова

*Институт прокуратуры Саратовской государственной юридической академии,
Саратов, Российская Федерация
katasuvorova09@gmail.com*

*Научный руководитель: **А. Е. Комлев**, к.филос.н., доцент кафедры
философии Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Обращение к философско-правовому наследию русских мыслителей предполагает необходимость выявления рецепции ими идей западноевропейской философии. Труды И. Канта стали базисом для построения П. И. Новгородцевым оригинальной концепции права. Методология настоящей работы построена на сравнении и сопоставлении философских концепций И. Канта и П. И. Новгородцева, а также на герменевтике, аутентичности толкования их трудов в области философии права. Кантианские правовые идеи были творчески осмыслены и переработаны, дополнены необходимостью учета социокультурных факторов. П. И. Новгородцев во многом предвосхитил ориентиры современной российской правовой аксиологии посредством привнесения гуманистических ценностей в орбиту философско-правового дискурса.

Ключевые слова: кантианство, идея всеобщего права, аксиологический потенциал права, И. Кант, П. И. Новгородцев

Для цитирования: Суворова С. А. Кантианство в философии права П. И. Новгородцева // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 152–158.

Original article

Kantianism in the Philosophy of Law by P. I. Novgorodtsev

Sofia A. Suvorova

*Institute of Public Prosecutor's Office, Saratov State Law Academy, Saratov,
Russian Federation
katasuvorova09@gmail.com*

*Scientific supervisor: A. E. Komlev, Candidate of Science (Philosophy),
Associate Professor of the Philosophy Department
of the Saratov State Law Academy*

Absrtact. The appeal to the philosophical and legal heritage of Russian thinkers implies the need to identify their reception of the ideas of Western European philosophy. The works of I. Kant became the basis for P. I. Novgorodtsev's construction of an original concept of law. The methodology of this work is based on the comparison and comparison of the philosophical concepts of I. Kant and P. I. Novgorodtsev, as well as on hermeneutics, the authenticity of the interpretation of their works in the field of philosophy of law. Kantian legal ideas were creatively comprehended and reworked, supplemented by the need to take into account socio-cultural factors. P. I. Novgorodtsev anticipated the guidelines of modern Russian legal axiology, brought humanistic values into the orbit of philosophical and legal discourse.

Keywords: kantianism, the idea of universal law, the axiological potential of law, I. Kant, P. I. Novgorodtsev

For citation: Suvorova, S. A. Kantianism in the philosophy of law by P. I. Novgorodtsev. *Femida. Science = Themis.Science*. 2025;(1):152-158. (In Russ.)

Философское наследие является бесконечным источником открытия новых идей, которые рождаются в интеллектуальном сопоставлении прошлого и будущего. Историческая интеллектуальная преемственность является одним из способов ценностной укорененности в традиции, стабилизации социального бытия. «В “эпоху” кризиса внутренних ценностей, “нехватки бытия” право становится особенно актуальным» [1, с. 15]. Основной целью данной статьи является сравнение философско-правовых идей И. Канта и П. И. Новгородцева в контексте выявления генезиса оригинальных российских концепций права, исследования аксиологического потенциала идей классической философии для современности.

Немецкая классическая философия получила глубокую рефлексию в трудах русских философов XIX в. И. Кант оказал значительное влияние на эволюцию философских представлений о праве в трудах русских мыслителей. В «Критике практического разума» И. Кант рассматривает право как априорную форму внешних поступков людей, которая обусловлена их внутренними убеждениями [2, с. 171–192]. Правовые отношения регулирует всеобщий правовой закон: «...поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сооб-

разной со всеобщим законом...» [3, с. 140]. Следовательно, поступки человека должны быть совместимы со свободой других людей, соотносящейся с рационально предполагаемыми правилами всеобщего поведения. Кант развивает также учение об отношении права к нравственности, но в итоге он разделил два этих главных понятия и устранил связь между ними, «...оставив нравственность на недостижимую высоту чистого служения долгу, к которому не должны примешиваться никакие иные помыслы и мотивы» [4, с. 505]. Важно отметить, что философ сделал акцент на различии этих законов с целью определить границы, за которыми начинается сфера частной жизни человека, где формальной власти закона не должно быть места. Данная идея уже была описана в «Критике практического разума», где рассматривалось различие моральности и легальности. Моральность подразумевает под собой чистое уважение к закону разума. Легальность характеризуется отсутствием волеизъявления и наличием фактора внешнего побуждения. Для Канта свобода является основанием права только во «внешнем применении» и в той мере, в которой возможно «сочетать всеобщее взаимное принуждение со свободой каждого» [5, с. 13]. И. Кант пишет также о том, что юридические законы имеют основу в моральных законах и правилах, ключевую роль в которых играет разум [6, с. 236–237].

И. Кант выделял положительное и естественное право. Положительное право трактуется им как вытекающее из воли законодателя. Естественное право он понимал как «покоящееся на одних только априорных принципах» практического разума, что было антитезой натуралистическому подходу. Положительное право Кант характеризовал как «вытекающее просто из воли законодателя» [7, с. 147].

Естественное право подразделяется на частное и публичное. Частное право является неотъемлемым элементом естественного состояния людей. Однако для его реализации необходимо государство, в котором естественное общение преобразуется в гражданское общество. Публичное право отображает гражданское состояние и представляет собой систему законов, разработанных для одного или нескольких народов и необходимых для поддержания правового порядка. Данное право Кант разделял на государственное, международное и космополитическое, под которым подразумевалось право гражданина на общение со всеми людьми в мире. Немецкий мыслитель выявил одну из главных проблем человеческого рода – справедливое гражданское устройство, в котором его членам предоставляется величайшая свобода, порождающая социальный антагонизм. Назначение права состоит в том, чтобы надежно обеспечить личности неотъемлемые права, гарантировать свободу.

Влияние идей И. Канта прослеживается в трудах П. И. Новгородцева – одного из ярких представителей русской философии права. Павел Иванович Новгородцев – выдающийся правовед, философ и теоретик социального либерализма, а также крупный общественный деятель России. Он является признанным главой Московской школы философии права начала XX в. В своих исследованиях Новгородцев сосредоточился на философско-методологических проблемах политики и права, нравственной сферы общественной жизни и государственных отношений. Большая часть его

работ посвящена изучению метафизических оснований права и морали, форм взаимосвязи и взаимопроникновения этических и юридических норм в духовной культуре, а также анализу особенностей реализации абсолютной этической ценности в социальной жизни. Он видел одну из своих основных задач в нравственном обосновании юридических норм, не сводя их при этом к нормам морали или религии. П. И. Новгородцев определил цель философии права следующим образом: «Оберегать и сохранять нравственную основу права от воздействий односторонней теории и мелкой практики, утверждать его чистое, идеальное значение и моральную основу» [8, с. 300]. Причины сбоев в работе правовых институтов он видел в разобщенности людей, особенно в кризисные периоды. Согласно его концепции наиболее совершенным государством является то, которое препятствует распространению зла в обществе и одновременно создает условия для прогрессивного развития и достижения общечеловеческого блага.

П. И. Новгородцев в статье «Нравственный идеализм в философии права» выступал с критикой позитивизма, указывая на его ограниченность в понимании таких аспектов человеческого существования, как свобода, мораль, этика и духовность [9]. Он подчеркивал необходимость учета не только фактов, но и ценностей, идеалов и целей, которые определяют поведение человека. Подобного рода критику можно обнаружить в трудах И. Канта [6, с. 219–310]. Философы акцентируют внимание на значимости естественного права как фундамента правовой системы. П. И. Новгородцев рассматривает право как высшую норму, основанную на природе человека и его разуме. Он отмечает, что публичное право связано с интересами общества и государства, тогда как частное право охватывает индивидуальные права и интересы. Естественное право он рассматривал как цель и критерий оценки положительного права, как совокупность моральных и идеальных представлений о позитивном праве. Идея Канта о роли права в обеспечении свободы каждого индивида находит подтверждение в положениях Новгородцева о необходимости защиты индивидуальных прав при соблюдении общественных интересов.

Русский философ развивал также идею кантовского категорического императива. П. И. Новгородцев рассматривал личность и государство, их взаимосвязь в контексте возможностей обеспечения правопорядка. Необходимо найти разумную границу между правами лица и государства. В качестве средства разграничения полномочий государства и гражданского лица можно рассматривать гарантии соблюдения прав лица со стороны государства. «С достоверностью можно предположить, что проблема поиска и соотносимости абсолютного и относительного в общественной жизни проистекали у Новгородцева из ощущения духовной и политической дисгармонии» [10, с. 250]. Нарушение прав человека будет с неизбежностью означать разрушение и упадок государства.

Идея всеобщего права понимается П. И. Новгородцевым в качестве положения, которое должно быть одинаково применимо ко всем людям независимо от их социального или иного статуса и положения. Он критиковал существующие правовые системы за их несправедливость и неравенство. Новгородцев разделял идею всеобщего прогресса права. Однако философы

по-разному понимали прогресс права. Так, И. Кант считал, что прогресс в области права заключается в постепенном приближении к идеалу правового государства, в котором права и свободы человека будут обеспечены [11, с. 5–18]. П. И. Новгородцев же полагал, что прогресс в области права должен быть направлен на создание более справедливого и гармоничного общества, в котором права и свободы человека будут защищены и гарантированы [12, с. 10–22].

И. Кант и П. И. Новгородцев различным образом относились также к революции. Кант видел в революции только отрицательные последствия, в то время как Новгородцев считал революцию вполне подходящим инструментом для создания более справедливого общества. Кроме того, Кант придерживался того мнения, что государство должно быть правовым, для Новгородцева же государство прежде всего – социальное. Для немецкого философа свобода неразрывно связана с исполнением морального долга и следованием универсальным законам. Русский мыслитель рассматривает свободу более широко, как возможность для самореализации и достижения высших идеалов. Новгородцев обосновывал личностное начало общества через обращение к субъективной этике Канта. Именно в ней необходимо искать истоки идей об абсолютном значении личности. В качестве главной цели развития человеческого рода он рассматривал всеобщее гражданско-правовое состояние, справедливое и разумное устройство общества, в котором свобода получает наиболее полное осуществление. Сходство во взглядах мыслителей можно проследить и в признании важности индивидуальной автономии. И все же Кант остановился на теоретических аспектах права, в то время как Новгородцев помимо теории обращался к практическим вопросам применения права и его соответствия нравственным нормам.

«Новгородцев – это, прежде всего, философ права, задающий высокую планку философского осмысления природы права и морали, личности и государства. И лишь потом – теоретик права, государствовед, историк права, политик; цель философии права философ видел в абсолютизации естественного права и принципа долженствования Канта для того, чтобы каждый человек имел возможность достойного существования» [13, с. 63]. Основываясь на кантианских правовых идеях, П. И. Новгородцев в работе «Кризис современного правосознания» предвосхитил ориентиры современной правовой аксиологии. До сих пор остается актуальной позиция, выражающая усталость от гегемонии принципов чистого рационализма и утилитаризма при анализе конкретных проблем правового бытия. П. И. Новгородцев критикует трактовку государства в качестве высшего идеала этической жизни и предлагает рассматривать его лишь в качестве средства для реализации морального потенциала личности [14]. Построение цельной этической системы возможно лишь за счет дополнения нормативных принципов И. Канта закономерностями, обнаруживаемыми в социальной действительности.

Список источников

1. Комлев А. Е. Концепт «другого» в праве: философский анализ // Журнал философских исследований : сетевое изд. 2022. Т. 8, № 4. С. 11–15.

2. Бурханов Р. А. Проблема трансцендентального имманентного и трансцендентного в философии Иммануила Канта : дис. ... д-ра филос. наук. Нижневартовск, 1999. 300 с.
3. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения : в 6 т. Т. 4, ч. 2. М. : Мысль, 1965. С. 107–438.
4. Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции / сост. А. И. Абрамов, В. А. Жучков, А. А. Ермичева. СПб. : Рус. христиан. гуманит. акад., 2005. 928 с.
5. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1965. 743 с.
6. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М. : Мысль, 1965. 544 с.
7. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4, ч. 2. М. : Мысль, 1965. 468 с.
8. Новгородцев П. И. О задачах современной философии права // Сочинения. М. : Раритет, 1995. С. 300–306.
9. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма : сб. ст. / под ред. П. И. Новгородцева. М. : Моск. психол. о-во, 1902. С. 265–271. Доступ: Национальная электронная библиотека : [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_006770884?page=7&rotate=0&theme=white.
10. Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М. : Оригинал-макет, 2017. 352 с.
11. Кант И. К вечному миру // Сочинения : в 8 т. Т. 7. М. : ЧОРО, 1994. С. 5–56.
12. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева, И. А. Покровского. СПб.; М. : Т-во М. О. Вольф, 1911. 48 с.
13. Фролова Е. А. П. И. Новгородцев как философ теории естественного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 57–64.
14. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Доступ: Литература и жизнь : [сайт]. URL: http://dugward.ru/library/novgorodcev/novgorodcev_vvedenie_v_filosofiu_prava.html.

References

1. Komlev, A. E. The concept of “other” in law: philosophical analysis. *Zhurnal filosofskikh issledovanij = Journal of Philosophical Research*. E-edition. 2022;8(4):11-15. (In Russ.)
2. Burkhanov, R. A. *The problem of transcendental immanent and transcendent in the philosophy of Immanuel Kant*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Nizhnevartovsk; 1999. 300 p. (In Russ.)
3. Kant, I. *Metaphysics of morals in two parts*. Works. In 6 vols. Vol. 4, pt. 2. Moscow: Mysl'; 1965. Pp. 107–438. (In Russ.)
4. Abramov, A. I., Zhuchkov, V. A., Ermicheva, A. A., comp. *Kant: pro et contra. Reception of the ideas of the German philosopher and their influence on the development of the Russian philosophical tradition*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2005. 928 p. (In Russ.)
5. Kant, I. *Works*. In 6 vols. Vol. 6. Moscow: Mysl'; 1965. 743 p. (In Russ.)
6. Kant, I. *Works*. In 6 vols. Vol. 4, pt. 1. Moscow: Mysl'; 1965. 544 p. (In Russ.)
7. Kant, I. *Works*. In 6 vols. Vol. 4, pt. 2. Moscow: Mysl'; 1965. 468 p. (In Russ.)
8. Novgorodtsev, P. I. On the tasks of modern philosophy of law. *Works*. Moscow: Raritet; 1995. Pp. 300–306. (In Russ.)

9. Novgorodtsev, P. I. Moral idealism in the philosophy of law. In: P. I. Novgorodtsev, ed. *Problems of idealism*. Collection of articles. Moscow: Moscow Psychological Society; 1902. Pp. 265–271. Accessed: National Electronic Library: [website]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_006770884?page=7&rotate=0&theme=white. (In Russ.)
10. Zhukov, V. N. *Russian philosophy of law: from rationalism to mysticism*. Moscow: Original-maket; 2017. 352 p. (In Russ.)
11. Kant, I. To the eternal world. *Works*. In 8 vols. Vol. 7. Moscow: CHORO; 1994. Pp. 5–56. (In Russ.)
12. Novgorodtsev, P. I. The right to a decent human existence. *On the right to exist. Socio-philosophical studies by P. I. Novgorodtsev, I. A. Pokrovsky*. St. Petersburg, Moscow: M. O. Volf Publishing House; 1911. 48 p. (In Russ.)
13. Frolova, E. A. Novgorodtsev as a philosopher of the theory of natural law. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;(4):57-64. (In Russ.)
14. Novgorodtsev, P. I. *Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal awareness*. Accessed: Literature and Life: [website]. URL: http://dugward.ru/library/novgorodcev/novgorodcev_vvedenie_v_filosofiu_prava.htm. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Суворова – студент 2 курса.

Information about the author

S. A. Suvorova – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 13.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 13.02.2025.

Научные мероприятия и достижения /
Scientific Events and Achievements

Обзор конференции

УДК 101.1

EDN: XZKCOQ

Обзор I Межвузовской студенческой научно-теоретической конференции по философии (к 300-летию И. Канта)

Богдан Максимович Лосев

*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
b-losev03@mail.ru*

Первая межвузовская студенческая научно-теоретическая конференция по философии, подготовленная и проведенная Студенческим научным обществом совместно с кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, состоялась 21 ноября 2024 г., была посвящена 300-летию И. Канта и приурочена к Всемирному дню философии.

Тема конференции и возможность обмена мнениями по философской проблематике заинтересовали студентов различных вузов страны. В ней приняли участие студенты бакалавриатов, специалитетов, магистратур высших учебных заведений Москвы, Казани, Краснодара, Саратова, Тулы, Челябинска. Заявки на участие поступали от студентов преимущественно юридических факультетов, интересующихся философией И. Канта и его последователей, в том числе вопросами философии права. Но участниками были и представители философских и других факультетов.

Не остались в стороне и преподаватели как Университета правосудия и его филиалов, так и других вузов, оказавшие большую помощь студентам в подготовке докладов. Ведущую роль в подготовке и проведении конференции сыграли заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин РГУП доктор философских наук Сергей Сергеевич Антюшин и заместитель заведующего кафедрой кандидат культурологии Людмила Геннадьевна Горностаева.

Конференция была открыта Сергеем Сергеевичем Антюшиным, который отметил актуальность исследований трудов И. Канта, благодаря которому вопросы антиномий, априорного и апостериорного, ноуменального и феноменального ознакомили появление новой метафизики. Выступавший подчеркнул, что И. Кант и кантианство значительно повлияли на русскую философию. В число философов, активно развивающих идеи И. Канта, входили Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, русские неокантианцы, позитивисты и многие другие. Также было отмечено,

что современное состояние права сформировалось под влиянием кантианской философии, в частности вопросы взаимодействия в международной политике и правовом государстве, построенном на активном участии граждан и моральной ответственности.

Значение кантианской философии для русской философии, морали и права в России, для русской культуры в целом подчеркивали многие докладчики. Некоторые доклады представляли собой историко-философский анализ кантианства в России. Так, студент 2 курса РГУП Артем Седов в докладе «Влияние И. Канта в период становления Советской власти» подчеркнул, что в марксизме философия И. Канта оценивалась неоднозначно: с одной стороны, положительный аспект, указанный еще К. Марксом, – отделение этики от религии в философии И. Канта, с другой стороны, русские марксисты усматривали примирение материализма и идеализма, особенно в вопросе «вещи в себе». По мнению докладчика, в 30-е гг. XX в. критика философии И. Канта в Советском Союзе строилась на ошибочных основаниях и сравнениях.

Погружение в историко-философский контекст было дополнено анализом вопросов познания, значением ноумена и феномена в философии И. Канта. Этому был посвящен доклад студентки 1 курса Тульского института ВГУЮ (РПА Минюста России) Екатерины Гусевой «Проблемы гносеологии Канта», в котором исследовались критический период И. Канта и его работа «Критика чистого разума». В указанной работе немецкий философ создал новую метафизику, построенную на определенной структуре познания, включавшую чувственность, рассудок и разум. И если два уровня сознания отнесены к упорядочению данного мира, то чистый разум выходит на уровень высших идей. В докладе было отмечено, что проблемой остается ноуменальный мир, построенный И. Кантом, в котором непостижение «вещи в себе» приводит к открытию свободы и эстетики.

В ходе конференции рассмотрение вопросов гносеологии И. Канта гармонично сочеталось с анализом его «практической» философии. По данной проблематике докладов было больше и спектр освещенных вопросов шире. Были затронуты как сугубо философские вопросы, например о непостижимости состояния счастья и границах свободы и разума, так и более прикладные с точки зрения юриспруденции. Так, доклад об автономии разума, которая, согласно теории И. Канта, предопределяет формирование правосознания и ведет к поддержанию правопорядка в обществе, был продолжен тезисами об абсолютной теории наказаний И. Канта, согласно которой наказание должно быть эквивалентно преступлению в целях сохранения всеобщей справедливости и коллективности. В докладах явно подчеркивалось влияние идей великого философа на современное восприятие таких ключевых для юриспруденции понятий, как свобода личности, границы прав человека, правосознание, правопорядок и нормы права.

Для Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева I Межвузовская студенческая научно-теоретическая конференция по философии (к 300-летию И. Канта) стала первым опытом философского анализа студентов на межвузовском уровне. Данное научное мероприятие позволило участникам расширить понимание правовой, со-

циальной и политической сущности современных проблем с точки зрения философии права И. Канта.

В заключение конференции было выдвинуто и горячо поддержано участниками предложение о том, чтобы сделать Студенческую научно-теоретическую конференцию по философии ежегодной.

Информация об авторе

Б. М. Лосев – студент 5 курса.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.